

ГОРБИ GORBY

№ 7

МАРТ 2024

**ПОСЛЕ ГИБЕЛИ
АЛЕКСЕЯ НАВАЛЬНОГО
ЛЮДИ НЕСЛИ ЦВЕТЫ
К МЕМОРИАЛУ ЖЕРТВАМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ
В МОСКВЕ.**

**СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД
ЭТОТ ПАМЯТНИК
ОТКРЫЛ В. ПУТИН.
НАПОМИНАЕМ,
ЧТО СКАЗАЛ ОН ТОГДА**

СТР. 102—103

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. С первых дней перестройки Горбачев делал ставку на «демократическую» интеллигенцию — как на союзника. Но та же гласность развязала язык и консерваторам. Редакционная статья. **стр. 3**

«У интеллигенции — большой потенциал гражданственности». Из книги: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М.: Политиздат, 1987. **стр. 8**

«Как жалко, что не смог прочитать всего этого еще в студенческие годы!» Из книги: Горбачев М.С. Жизнь и реформы / Михаил Горбачев. В двух книгах. Кн. 1. — М.: Изд-во «Новости», 1995. **стр. 9**

«Оценку произведений должны давать сами художники, а не КГБ или Центральный комитет». Политбюро, 27 октября 1986 года. **стр. 10**

«Кто выступает против гласности, тот боится народа». Политбюро, 24 марта 1988 года. О статье Нины Андреевой в «Советской России». **стр. 12**

Андрей КОЛЕСНИКОВ (признан в РФ «иноагентом»). **«Отсюда легче останавливать поворот рек».** Как партийная печать повернулась лицом к интеллигенции. **стр. 16**

Борис МИНАЕВ. **Революция правды.** Ее лозунг — откройте реальность, перестаньте врать. **стр. 22**

Ирина ЯСИНА. **Горбачев дал почувствовать вкус свободы.** Но ему не хватило времени на реформы. **стр. 26**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Владимир МОЗГОВОЙ. **Падение с Олимпа.** Нет бессмысленнее лозунга, чем «Спорт вне политики». Но чем он безнадежнее звучит, тем чаще его повторяют. **стр. 28**

Зоя СВЕТОВА. **Политические «психи».** На новом историческом витке в страну возвращается карательная психиатрия. **стр. 34**

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ. **Напечатай мне денег!** Почему финансовый регулятор не может ускорить экономику, и что произойдет, если он все-таки попробует это сделать. **стр. 40**

О чем думают в России: социологическая рубрика. Горизонты повседневного будущего. **стр. 46**

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Роман ШАМОЛИН. **Герои и люди перед лицом смерти.** Памяти Алексея Навального, человека с античным характером и античной судьбой. **стр. 50**

Рифмы: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. **Короче, Пушкин.** **стр. 54**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Андрей КОРТУНОВ. **Каковы шансы на формирование нового мирового порядка.** Человечеству придется освоить не только науку управления распадом старой системы, но и более сложную науку управления синтезом новой. **стр. 58**

Андрей РЯБОВ. **Повелители «цифры» и безликая масса «юзеров».** Каким окажется недалекое цифровое будущее человечества? **стр. 62**

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Павел ГУТИОНТОВ. **Служанка политической целесообразности.** О том, как писалась отечественная история при «позднем Сталине». **стр. 66**

Наталья ГРОМОВА. **Жизнь на два профиля.** Как вычисляли, находили, сдавали, уничтожали «внутренних эмигрантов» в сталинские времена. **стр. 76**

Павел ПОЛЯН. **Запретить войну!** Попытки воплотить в жизнь мечту человечества о вечном мире. **стр. 80**

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Юлий КИМ: **«Начало вернуть невозможно, невысказано».** Лариса Малюкова беседует с легендарным поэтом, бардом, музыкантом о самом насущном и беспечном. **стр. 86**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Андрей ВАВРА. **Если бы он «гармошку свою раздвинул...».** Фрагмент из подготовленной к печати бывшим спичрайтером Бориса Ельцина книги «Виктор Черномырдин. В харизме надо родиться». **стр. 92**

Клариса ПУЛЬСОН. **Чем закусывают тираны.** Обзор новых книг о диктаторах, дураках и бандитах, о психологии и насилии. **стр. 98**

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

РИА Новости

Горбачев и интеллигенция

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ГОРБАЧЕВ
ДЕЛАЛ СТАВКУ НА «ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ»
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ — КАК НА СОЮЗНИКА.

НО ТА ЖЕ ГЛАСНОСТЬ РАЗВЯЗАЛА ЯЗЫК И КОНСЕРВАТОРАМ.
И ГОРБИ СТАЛ ЛАВИРОВАТЬ МЕЖДУ «ОХРАНИТЕЛЯМИ»
И «ПРОГРЕССИСТАМИ»

От редакции

Раскрепощение МЫСЛИ.

Эпизод первый. Октябрь 1986-го, заседание Политбюро. Егор Кузьмич Лигачев, чью энергию Михаил Горбачев хотел использовать в «мирных» целях и для сохранения аппаратно-идеологического баланса внутри высшей номенклатуры, подбивает клинья под свою основную мысль, начав издавна: «Политика партии вызвала большой подъем среди интеллигенции».

С этим трудно спорить: образованный класс — мотор перемен, на него автор и исполнитель перестройки может опираться в расширении демократических свобод, гласности и того, что скоро назовут «новым мышлением». В конце концов, мышление — ключевая категория

в критическом осмыслении прошлого и в поисках пути в будущее. И внутри страны оно развивается на первом этапе перестройки в основном за счет чтения ранее запрещенного. Из всех искусств важнейшими оказываются публикации в толстых журналах и в целом в прессе. Ну и кино тоже — меньше чем через три месяца общий тон перестройке, как в том числе и десталинизации, задаст премьер «Покаяния» Тенгиза Абуладзе.

Вот Лигачев, как, впрочем, и другие члены Политбюро, хочет превентивно остановить эту волну. Он критикует «Детей Арбата» — прочитал в рукописи: «Роман публиковать нельзя».

И важный вопрос: «А кто вообще дал разрешение «Дружбе народов» его анонсировать на будущий год?» Тему расширяет шеф КГБ Виктор Чебриков, высказываясь в том духе, в каком когда-то Никита Хрущев распекал писателей, — они нам мстят за расстрелянных отцов и дедов. Главный чекист помнит недобрым словом Юрия Трифонова, Евгения Евтушенко, даже Александра Твардовского. Вторит своим коллегам Андрей Громько. Горбачев действует так, как бу-

Его масштаб в полной мере виден лишь с высоты времени

дет действовать и в последующие годы: мягко увещевает, делает вид, что идет конструктивная дискуссия, но осаживает консерваторов. «Сами художники» должны решать вопросы литературного творчества, а не КГБ или ЦК — «не доводить дело до запретов».

Публикация «Детей Арбата» — второй после «Покаяния» сигнальной ракеты десталинизации, а значит, раскрепощения сознания нации — начинается в четвертой книжке «Дружбы народов» за 1987 год. Сразу после этого роман издается отдельной книгой в издательстве «Советский писатель».

Эпизод второй. Лето 1988-го, перестройке уже три года. Первая проба демократии онлайн, демократии в свободной дискуссии, хотя и через партию — XIX партконференция. В 1987 году был яркий доклад Михаила Горбачева к 70-летию Октябрьской революции, но это монолог с амвона, а здесь — диалог. Пройдет еще почти год, и в 1989 году состоится Съезд народных депутатов, центр власти начнет перемещаться от партии к Советам, кандидаты от партии окажутся по преимуществу неуспешными.

Пока же, в 1988-м, КПСС еще «руководящая и направляющая», но внутри партии — совсем уж разные мнения. Есть демократическая линия Александра Яковлева, совсем недавно задавившая фронду консервативного крыла, продвинувшего статью Нины Андреевой «Не могу поступиться принципа-

Егор Лигачев

РИА Новости

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ОЦЕНКИ

ми» в газете «Советская Россия». Этот курс поддерживается интеллигенцией, доминирующей в демократической прессе, олицетворяемой прежде всего «Огоньком», «Московскими новостями», толстыми журналами — «Новым миром», «Октябрем», «Знаменем» и, что уже не кажется странным, журналом «Коммунист». Уже в начале года в «Новом мире» опубликован «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Уже отобсуждали

самые яркие публицистические статьи прошлого года, удовлетворившись тем, что Николай Шмелев, открывший статьей в «Новом мире» настоящую дискуссию о раскрепощении экономики и в том числе предположивший, что в СССР возможна безработица, вроде бы отказался от идеи реформы цен. Оба пункта — это то, что Горбачев не может принять, как не может и разрешить частную собственность. А есть реакционная линия Егора

Лигачева, эту статью поддержавшего, но потом открестившегося от нее. Здесь тоже есть свои медиа — от «Совраски» до «Нашего современника». Горбачев лавирует, ему важно показать, что все — за перестройку, что в руководстве — единство, он часто повторяет: «Не надо паниковать». Только вот кого он уговаривает? Не себя ли? Все — за перестройку, но каждый понимает под этим свое, иной раз прямо противоположное.

На начальном этапе перестройки Горбачев делал ставку на либеральную (в нынешних понятиях, тогда она называлась «демократической») интеллигенцию. Но шлюзы открыты, и гласность оборачивается уже против партии, а значит, отчасти и против самого Горбачева, точнее, его власти. Тем более что постепенно набирает силу популярность Бориса Ельцина. Темп изменений нарастает, они выходят из-под контроля. Прогрессисты радикализируются, на Политбюро звучат голоса по поводу того, не пора ли их призвать к порядку. Горби аккуратно защищает гласность, но иной раз не скрывает раздражения радикалами. Лигачев играет против него и уже открыто против Александра Яковлева, но по-прежнему используется генеральным секретарем для дворцового и идеологического баланса. Та же гласность развязывает языки консерваторам, у них тоже есть своя интеллигенция, и они набирают силу.

Все это выливается в дискуссии на партконференции. Успешный советский писатель Юрий Бондарев, один из монополистов военной темы, обласканный властью Герой Соцтруда, 29 июня выступает с пламенной речью. Образ самолета, который подняли, не зная, где его будут приземлять, стал одним из мемов (опять же в нынешних словарных понятиях) перестройки. Это жестко антиперестроечное выступление, но опытный номенклатурный боец знает, как построить правильную речь и не подставиться: «Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения». Критику сталинской истории он называет «экстремистской», возмущается намерением заменить в школьной программе Шолохова на «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова.

Аудитория встречает это выступление восторженно. Трудно сказать, что больше впечатляет Горбачева — яркий, очень умело построенный спич Бондарева или реакция зала. Или и то и другое.

Раскрепощение МЫСЛИ

Демократическое крыло это выступление впечатляет в очень плохом смысле. 1 июля возможность выступить получает писатель-фронтовик, почти ровесник Бондарева, главный редактор журнала «Знамя» Григорий Бакланов. Стартовая позиция вроде бы не хуже, тем более что этот человек прошел всю войну и даже, как в стихах Исаковского, «на груди его светилась медаль за город Будапешт». В «Знамени» — важнейшие для освобождения сознания нации вещи, от «Собачьего сердца» Михаила Булгакова до «Нового назначения» Александра Бека. Но через минуту после начала своего выступления писатель был вынужден уточнить у зала: «Вы меня стогоняете с трибуны или одобряете?» Отвечая на обвинения Бондарева, Григорий Яковлевич напомнил, что происходило с произведениями Андрея Платонова, Василия Гроссмана, Александра Бека, Александра Твардовского при прежнем режиме и сколь велико значение перестройки в том, что эти писатели вернулись к читателю: «Наша литература не такая перекошенная, как ее пытались представить. (Шум в зале).»

Бакланов с большим трудом смог закончить свое выступление — за него дважды заступался Горбачев. Писателя действительно стогоняли с трибуны те, кого несколько позже Юрий Афанасьев точно определит как «агрессивно-послушное большинство».

После партконференции летописец эпохи, помощник Горбачева Анатолий Черняев, записал в дневнике: «У меня, как и у большинства интеллигентов, конференция оставила впечатление разноплановое... состояние у всех унылое, даже тревожное... Я даже хотел ему об этом сказать при случае... Но меня останавливало его бодрое и самоуверенное настроение в дни после конференции». Дальше — больше: готовится поездка Горби в Польшу. В списке сопровождающих — академики

Дмитрий Лихачев и Роальд Сагдеев, лица перестройки. Горбачев вычеркивает их из списка и вставляет в него... Бондарева! Секретарь ЦК Вадим Медведев выступает резко против. В результате из списка убрали всех, но Михаил Сергеевич продолжает интересоваться позицией писателя-консерватора, в декабре того же года внимательно, с выписками знакомится с огромным полосным материалом Бондарева в «Литературной газете».

Эпизод третий. На партконференции было высказано предложение соорудить памятник жертвам сталинских репрессий, поддержанное высшим руководством партии. Идея стала толчком к формированию общества «Мемориал»*. За пять дней до учредительной конференции новой организации (28–29 января 1989-го), которая, по сути, объединила все продемократические силы, Политбюро обсудило

* В 2016 г. был признан Минюстом «иноагентом», в декабре 2021 г. решением ВС РФ ликвидирован.

этот вопрос: КПСС боится конкуренции, Анатолий Лукьянов видит в образовании «Мемориала» «зачаток оппозиционной партии, отрицание руководящей роли компартии». Горбачеву все это тоже не нравится, но он против того, чтобы каким-то образом противодействовать деятельности этой общественной организации. Ему приходится парировать и требование Лигачева снять Виталия Коротича с поста главного редактора «Огонька»: «Мы даем повод поставить под сомнение нашу политику перестройки».

Эпизод четвертый. Первый съезд народных депутатов. Шельмование Андрея Сахарова. Юрий Карякин получил заверения в том, что ему удастся выступить. В президиуме Горбачев и Лукьянов слушают Карякина с каменными лицами. Между тем, прежде чем защитить Сахарова, он ставит вопрос об еще одной знаковой фигуре. Об Александре Солженицыне идут споры в Политбюро, партийное руководство против публикации «Архипелага ГУЛАГ» и уж точно против возвращения гражданства писате-

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ОЦЕНКИ

лю. Карякин очень тонко построил свою речь — вот так лучшие представители интеллигенции брали Горби в союзники: «Критерий прогрессивности не в огульной критике Горбачева, а в конструктивной помощи делу деловым же образом. Тем более что мы сами убедились воочию, что действительно нет закрытых зон для критики... Михаил Сергеевич! У меня к вам просьба как к президенту. Я хотел бы, чтобы наш Съезд поддержал ее. Просьба такая: вернуть российское наше гражданство человеку, который первым осмелился сказать правду о сталинщине, который первым призвал и себя, и нас не лгать, — великому писателю земли русской, великому гуманисту Солженицыну».

В августовском номере за 1989 год «Новый мир» начинает публиковать «Архипелаг ГУЛАГ». Еще одна плотина прорвана. Солженицыну вернут гражданство в 1990-м.

К этому времени Горбачев раздражен радикализмом интеллигенции и ее лидеров. После встречи Горби с прессой в октябре 1989 года Черняев записывает в дневнике: «Если он всех таких, как Собчак, Заславская, Шмелев, записывает в лагерь противников, то с кем же он хочет делать перестройку? В самом

деле, массовая база у М.С. — интеллигенция. Рабочий класс — за Ельцина». Но вот Горбачева и беспокоит то, что Межрегиональная депутатская группа, возникшая в 1989-м на Съезде народных депутатов, смыкается не только с самим Ельциным, но и с рабочими. Увещевает: просит Черняева передать Егору Яковлеву, Александру Гельману, Алесю Адамовичу и Элему Климову, попросивших о встрече, «чтобы они не паниковали, чтобы постарались понять: надо спасти курс и от правых, и от леваков».

Он был рад тому, как его принимала «высокая интеллигенция» во Львове в 1988 году, пытался найти понимание у интеллигенции балтийских республик, в апреле 1989-го, после жестокого разгона митинга в Тбилиси, сетовал на то, что «грузинское руководство не наладило отношения с интеллигенцией». Но уже в феврале 1990-го даже верный ему Черняев отмечает, что Михаил Сергеевич оттолкнул интеллигенцию «явной поддержкой Бондарева, Белова, Распутина». В 1990-м будет отменена 6-я статья Конституции, сам Горби окажется избран президентом СССР, примут законы о печати и об общественных объединениях, Горбачеву присудят Нобелевскую премию мира, но роман и «химия» с «прорабами перестройки» закончатся. Вооруженные столкно-

вения в Вильнюсе в январе 1991 года и перехват политической инициативы Ельциным в еще большей степени усугубят это расставание с новым феноменом, новой социальной группой, порожденной политикой Горбачева, — перестроечной интеллигенцией. Нерешительность в экономических реформах оттолкнула от него и другую важную часть интеллигенции — экономистов, которые уже не верили или мало верили в реализуемость осторожных программ преобразований: многие из них тоже переходили под крышу Ельцина.

Это уже с высоты сегодняшнего дня понятно, что Горбачев был вынужден лавировать — дав свободу, он неизбежным образом в определенный момент и сам стал ее жертвой: распад Союза и демократизация шли быстрее, чем инициатор перестройки находил способы контроля за «процессом», который «пошел». Он спровоцировал лавину, но в определенный момент мог лишь делать вид, что возглавляет движение оползня, а не бежит от него.

Тогда интеллигенция не ответила ему благодарностью за свободу, точнее, за целый комплекс свобод — от творчества до собраний. Такая благодарность приходит только с течением времени, а масштаб свободы виден лишь с высоты времени. Горби сделал все, что мог, в конце концов, он и сам был одним из них — перестроечным интеллигентом. Просто на нем еще лежал груз власти. Теперь его работу рано или поздно придется начинать заново — с новой интеллигенцией и на основе все того же «нового мышления».

Под текст

Первая десятка самых популярных публицистов 1988 года (опросы «Книжного обозрения», телепрограммы «Взгляд», Института книги и др.):

Н. Шмелев, А. Нуйкин, Г. Попов, Ю. Карякин, Ю. Черниченко, В. Селюнин, Ф. Бурлацкий, О. Лацис, А. Стреляный, А. Ваксберг.

Источник:

<https://gefiter.ru/archive/8736> — Ирина Чечель. Советское общественное сознание 1985–1991 гг.: попытка историографического подхода

Кадр телеканала «Культура»

Юрий Карякин на трибуне съезда

«У интеллигенции — большой потенциал гражданственности»

Горячо поддержала перестройку интеллигенция. Здесь позволю себе одно отступление. Интеллигенция, преданная социалистическим ценностям, органичная часть советского общества, глубоко патриотическая по отношению к своей социалистической Родине, — это наше великое и, пожалуй, уникальное завоевание, наш бесценный духовный капитал. Непростая история у нашей интеллигенции. Значительная ее часть, в том числе демократическая, проклинавшая царский режим и даже боровшаяся против него, испугалась революции, была подхвачена волной белой эмиграции и оказалась за границей, отдав свой талант и знания другим народам. Это была большая потеря для молодого советского общества.

Большие, подчас невосполнимые потери понесла интеллигенция, в том числе партийная, большевистская, в результате нарушения социалистической законности и репрессий 30-х годов. И это тоже было серьезным ударом по интеллектуальному потенциалу страны.

Тем не менее процесс формирования советской интеллигенции продолжался и нарастал, отражая объективную закономерность развития социализма и его жизненную потребность. Ленинская культурная революция превратила полуграмотную и просто безграмотную страну в одну из самых образованных в мире.

Однако в период застоя сложилась парадоксальная ситуация: наше общество не могло должным образом использовать этот свой огромный культурный потенциал, творческие возможности. Причина опять же в том, что развитие демократии было искусственно заторможено. Не могли не сказаться всякого рода запреты, боязнь нового, творческого подхода в работе.

Вспоминаю, в июне 1986 года состоялась встреча с работниками аппарата ЦК КПСС. Посвящена она была перестройке. Мне пришлось попросить товарищей учиться работать с интеллигенцией в новом стиле. Пора перестать командовать ею. Это вредно и недопустимо. Интеллигенция приняла умом и сердцем программу демократического обновления общества.

Прошли съезды творческих союзов: кинематографистов, писателей, художников, композиторов, архитекторов, театральных деятелей, журналистов. Прошли они активно, страсти там кипели большие. Все съезды искренне поддержали перестройку. Их участники остро критиковали и себя. Критика была резкой, в результате многие бывшие руководители союзов не были избраны в руководящие органы. Но одновременно в них не попали и крикуны. В руководство союзов избраны видные авторитетные люди.

Тем, кто находил дебаты чрезмерно бурными, я говорил: не надо ни удивляться, ни возмущаться, надо принимать эти съезды как явление хотя и новое, но нормальное. Ибо демократизация идет везде, приобретая порой острые формы. Кто-то возразил, что, мол, трудно будет работать в среде, где каждый сам себе философ, сам себе главный авторитет, каждый считает правым только себя. Мой ответ: гораздо хуже иметь дело с пассивной интеллигенцией, с равнодушием и цинизмом.

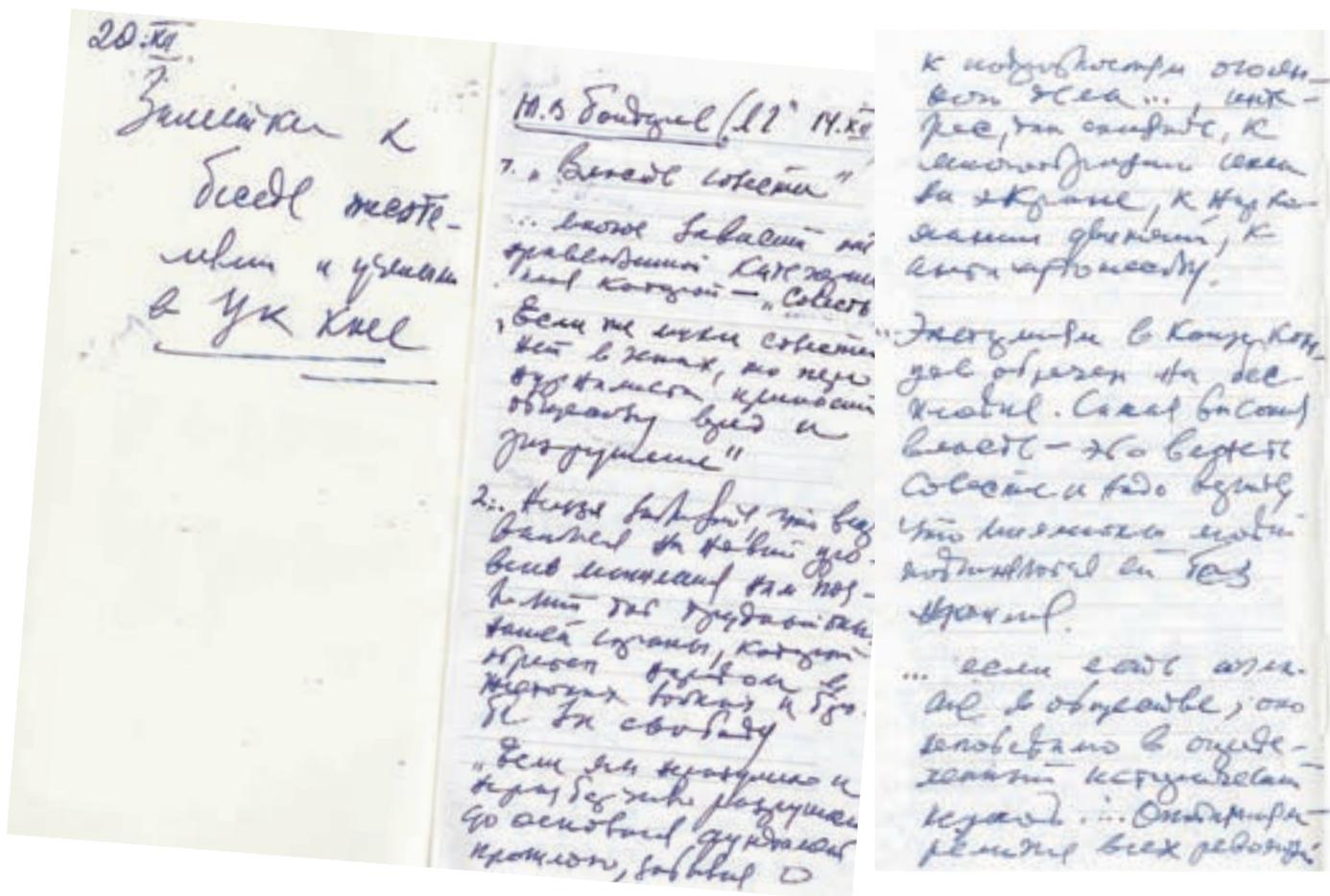
Как и во всяком сложном деле, не обходится, конечно, без эмоциональных всплесков: на крутых поворотах, в революционные времена так всегда бывало. Сейчас все мы как бы заново проходим школу демократии. Учимся. У нас еще не хватает политической культуры. Выслушать мнение даже своего друга, товарища — и то не хватает терпения. Это все, наверное, пройдет. Будем осваивать и эту науку. Самые острые вопросы надо обсуждать, уважая друг друга. Даже в самой крайней точке зрения есть что-то ценное, рациональное, ибо человек, отстаивающий ее честно, по своему болеющий за общее дело, отражает какие-то реальные моменты жизни. У нас

это не антагонистическая борьба, это поиск, дискуссия: как нам выйти на широкую дорогу перестройки, как ускорить шаг и сделать его твердым, а движение необратимым. Поэтому не вижу никакой драмы в полемике, в сопоставлении точек зрения. Это нормально.

Среди литераторов на почве гласности действительно проявились групповые пристрастия, нетерпимость. Был момент, когда страсти среди писателей накалились. Мы довели до них точку зрения ЦК: было бы очень печально, если вместо консолидации творческой, художественной интеллигенции разгорится перебранка и ее участники начнут использовать гласность, открытость, демократизм для сведения счетов, добиваться реванша за прошлые обиды, мстить за критику. Самое плохое, если в революционное время творческая интеллигенция погрязнет в мелочах, даст волю личным амбициям, будет тратить силы не на творчество, а на никчемные перепалки. ЦК призвал литераторов: поднимайтесь выше своих эмоций, удобных привычек и стереотипов. Поднимайтесь и думайте о народе, об обществе. Пусть ответственность интеллигенции проявляется и в том, чтобы ее творческие союзы заботились, прежде всего, о духовном развитии общества.

У интеллигенции — большой потенциал гражданственности, и она охотно взяла на свои плечи немалую ношу перестройки. Наша творческая интеллигенция вместе с партией начала осуществлять перемены. Все сильнее проявляется ее гражданская позиция, и мы заинтересованы в такой активности, ценим то, как она включилась в работу после апреля 1985 года, ее энтузиазм и стремление помочь перестройке общества. Надеемся, что вклад интеллигенции будет нарастать. Она выходит на новый уровень мышления и ответственности. Ее ориентиры совпадают с политической линией КПСС, интересами народа.

*Из книги: Горбачев М.С.
Перестройка и новое мышление
для нашей страны и для всего мира. —
М.: Политиздат, 1987. С. 78–80.*

Записи в блокноте Горбачева — он готовился к встрече с писателями и учеными в ЦК. Из архива Горбачев-фонда

«Как жалко, что не смог прочитать всего этого еще в студенческие годы!»

Гласность — это также возвращение «с полок» запрещенных к показу кинофильмов, публикация остро критических произведений, переиздание в стране практически всей «диссидентской» и эмигрантской литературы.

Пробным камнем стали, пожалуй, романы Рыбакова «Дети Арбата», Дудинцева «Белые одежды», Бека «Новое назначение».

Анатолий Рыбаков прислал мне письмо, а затем и рукопись. В художественном отношении она не произвела на нас большого впечатления, но в ней воспроизводилась атмосфера времен сталинизма. Рукопись прочли десятки людей, которые стали заваливать ЦК письмами и рецензиями, представляя книгу «романом века».

Она стала общественным явлением еще до того, как вышла в свет. Располагало и имя автора, с творчеством которого я был знаком по «Екатерине Ворониной» и «Тяжелому песку». В общем, я считал, что книга должна выйти в свет, поддержал ее и Лигачев. Эпизод с романом Рыбакова помог преодолеть опасения последствий разоблачения тоталитаризма.

К такого рода преодолениям относится и реакция руководства на кинофильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Он создавался под «прикрытием» Шеварднадзе, появился на экране сначала в Доме кино для «узкого круга», потом начал демонстрироваться в других закрытых залах. Фильм произвел впечатление разорвавшейся бомбы, стал явлением не только художественным, но и политическим. Идеологи предлагали обсудить на Политбюро, пускать ли его в широкий прокат. Я воспротивился, считая, что вопрос этот должны решать сами кинематографисты, творческие со-

юзы. Там только этого и ждали. Так был создан прецедент, и скоро с полок посыпались произведения, задвинутые туда цензурой. А издательства начали беспрепятственно выпускать новые работы Айтматова, Астафьева, Распутина, Можаяева и других писателей, перешагнувших каноны «социалистического реализма» и стремившихся восстановить великие традиции отечественной литературы, основанные на реализме критическом. Массовыми тиражами стали выходить труды Карамзина, С. Соловьева, Ключевского, Костомарова и других историков. За ними последовали книги русской эмигрантской классики: Бунина, Мережковского, Набокова, Замятина, Алданова. А там пришла пора «вернуться на родину» той плеяде великих мыслителей, которые подверглись остракизму после революции: В. Соловьеву, Федорову, Бердяеву, Флоренскому, Ильину.

Не берусь перечислять всех. Называю лишь тех, с чьими трудами успел хотя бы ознакомиться. И знаете, что мне прежде всего приходило в голову: как жалко, что не смог прочитать всего этого еще в студенческие годы! Да, наше поколение было обделено в духовном отношении, посажено на скудный паек, состоявший из одной идеологии, лишено возможности самому сравнить, сопоставить различные направления философской мысли и сделать свой выбор.

Из книги: Горбачев М.С. Жизнь и реформы / Михаил Горбачев. В двух книгах. Кн. 1. — М.: Изд-во «Новости», 1995. С. 322–323.

«Оценку произведений должны давать сами художники, а не КГБ или Центральный комитет»

Политбюро, 27 октября 1986 года

ЛИГАЧЕВ. Хочу поделиться некоторыми соображениями по идеологическим вопросам. Каждый из нас сейчас ощущает, что политика партии вызвала большой подъем среди интеллигенции. Мы получили серьезную поддержку со стороны деятелей культуры, писателей, художников, журналистов. Но нельзя не видеть того, что некоторые творческие работники пытаются затянуть нас в решение таких вопросов, возврат к которым не давал бы нам серьезно работать над перестройкой. Скажем, Евтушенко заявляет, что мы должны пересмотреть не только сегодняшний и завтрашний наш день, но и прошлый. К этому же нас тянет и Вознесенский. Я прочитал недавно неопубликованный роман Рыбакова «Дети Арбата». Смысл этой огромной рукописи в 1500 страниц сводится к обличению Сталина и всей нашей предвоенной политики. Сталин изображается здесь обличающим Ленина в ошибках, непозволительно отзывающимся о русском, грузинском, еврейском народах, в искаженном свете подается версия об убийстве Кирова, смакуется жизнь «золотой» молодежи довоенного периода и, наконец, всемерно нагнетаются все проблемы, связанные с репрессиями периода культы личности. Ясно, что такой роман публиковать нельзя, хотя Рыбаков и грозит передать его за рубеж. Но я хочу разобраться, кто дал разрешение журналу «Дружба народов» печатать сообщение о том, что роман «Дети Арбата» будет публиковаться в этом журнале. Что стоит за таким разрешением?

Много шума сейчас поднято вокруг имени поэта Гумилева. По всей видимости, он был неправильно осужден и расстрелян. Но надо ли первому секретарю Союза писателей СССР посвящать Гумилеву огромную развернутую статью, воскрешать все вопросы, которые давно нагнетает антисоветская пресса?

Нельзя не обратить также внимания и на то, что, когда мы стали браться за нравственное обновление общества, некоторые наши крупные писатели, такие как Айтматов, Астафьев, Быков, ударились в другую крайность — в религиозность, богоискательство, доказывают, что зло всегда преобладало над добром, а добро, как Христос, было беззащитным.

ГРОМЫКО. Просто ударились в мистику.

ЛИГАЧЕВ. Айтматов зовет к Христу, Бондарев зовет к протопопу Аввакуму. Конечно, мы не можем проходить мимо такого рода явлений. Надо работать с писателями. А это народ особый, я бы сказал, народ штучный. И с каждым надо работать по-своему.

ГОРБАЧЕВ. Нам надо делать так, чтобы большинству вопросов литературного творчества, оценку произведений давали сами художники, их творческие союзы, а не Комитет государственной безопасности или Центральный комитет.

...Запад сейчас обвиняет нас в том, что мы не заняли четкой позиции в художественной литературе, что у нас, мол, нет таких решений, какими были решения ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград». В общем, нас провоцируют на то, чтобы мы влезли в спор с художественной интеллигенцией, чтобы ЦК диктовал, какое произведение удачно, а какое нет. Мы на эту провокацию не пойдем. Надо, чтобы оценка художественного творчества шла от самих художников, делалась через них под руководством партии, под ее контролем.

ЧЕБРИКОВ. Уверен, что та линия, которую избрало Политбюро, совершенно правильная и научно обоснованная. Конечно, всем нам хочется, чтобы все шло побыстрее, чтобы поскорее чувствовались результаты. Но так не бывает. Не все идет просто и гладко. Возьмем такой вопрос, как говорится, из жизни. Образовались большие очереди за водкой. Кое-где количество таких очередей может перерасти в качество. Становится пенсионер в очередь ранним утром, потом продает эту очередь за 5 руб. Тот, кто становится на его место, покупает десять бутылок водки и потом каждую продает за 20 руб. В очередях идут разные разговоры, и главным образом ругают, естественно, вас, Михаил Сергеевич. Да еще в присутствии оцепления милиции.

Второй вопрос. По крохам собираем валюту для закупок по импорту. Мы действительно экономим здесь на каждом грамме золота. Но вот в Комитете государственной безопасности мы недавно получили данные о том, что часть наших ювелирных изделий, которые выпускаются соответствующими заводами Минприбора, может купить только взяточник, казнокрад. Они стоят 10–15 тыс. руб. И все равно на заводе продолжают выпускать эти изделия, которые, за отсутствием сбыта, потом ложатся мертвым грузом в Гохран Министерства финансов. Мы получаем немало алмазов и торгуем ими на внешнем рынке. Но ведь алмаз в сотню раз дешевле бриллианта. Почему мы не можем сами гранить наши алмазы, делать их бриллиантами и продавать на внешнем рынке? Получается, что у нас под ногами богатство, которое мы топчем, и всему мешают привычки.

Третье. У нас на глазах идет демократизация общества. Это нужный процесс. Он сказывается и в том, что за последний год мы привлекли к уголовной ответственности просто единицы людей, занимающихся антигосударственной деятельностью. Главную, трудную проблему составляют для нас сейчас люди с нарушенной психикой. Именно они занимаются расклеиванием листовок, собиранием и рассылкой всякого рода антисоветских фальшивок.

Что касается писем о культе личности, то я думаю, что здесь большинство людей пишут в Центральный комитет, прежде всего, в целях профилактики. Они боятся повторения репрессий. Хуже обстоит дело с тем, что наши толстые журналы стали буквально соревноваться, кто, если можно так сказать, сильнее «плюнет» в советскую власть. Многие писатели стараются сейчас, как они сами говорят, рассчитаться с советской властью за беды своих родителей. Покойный Юрий Трифонов заявлял, что он никогда не простит советской власти репрессий, примененных к его реабилитированному отцу. Евгений Евтушенко мстит нам за двух своих репрессированных дедов. Кое-кто сейчас стал предлагать опубликовать неизданные произведения Твардовского в защиту кулачества.

ГОРБАЧЕВ. Да, я всегда испытывал очень сложные чувства, когда читал произведения Василя Быкова, особенно его «Знак беды», отмеченный Ленинской премией. Недавно я беседовал с руководителем Союза кинематографистов Элемом Климовым. Я ему сказал: нам в искусстве нужна правда, но полная правда, а не полуправда. Надо показывать деревню такой, какая она есть на самом деле: не заменять одну неправду или полуправду другой.

ЧЕБРИКОВ. Я не за то, чтобы писались оды в честь прошлого или настоящего, но если мы выпустим из-под контроля литературу-

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ДОКУМЕНТЫ

ный процесс, то получится, что за 70 лет советской власти у нас не было ни одного светлого дня.

ГОРБАЧЕВ. К пересмотру учебников по нашей истории надо подойти взвешенно, с позиций правды.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Любые самые хорошие идеи можно загубить, если не навести должного порядка в обслуживании людей, в снабжении их самым необходимым.

Очень наболел вопрос о нашей денежной системе, о финансовом механизме. Всё ли мы здесь знаем? Обо всем ли может судить квалифицированно каждый член Политбюро? Ведь финансы — это зеркало, в котором отражается вся жизнь общества. Можем

SPUTNIK / Alamy Stock Photo

ли мы судить трезво и ясно, на что мы способны, что мы можем себе позволить, какой груз можем взять на себя? Можем ли мы, к слову сказать, тащить такой невероятный груз по укреплению обороны страны, где мы обычно денег не считаем? Мне кажется, что обстановка в этой сфере более чем тревожная.

...Самоуправление, о котором мы говорим, будет нести с собой не только развитие инициативы, но и ряд противоречий, трудностей, неувязок. Всем надо серьезно думать об этих вещах.

ГОРБАЧЕВ. А вообще поменьше надо ахать по поводу и без повода. Такой подход не политический, он связан с обывательской психологией. На все явления жизни, на все ее противоречия мы должны реагировать, прежде всего, политически и не доводить дело до запретов. Надо умело вести диалог, работать с литераторами, общественностью, а не запрещать и не закрывать журналы, общественные объединения и т.д.

ГРОМЫКО. Я хочу добавить несколько слов.

...Некоторые писатели пытаются смаковать репрессии, всякого рода безобразия и т.д. Был, например, такой казус с Фурцевой, когда она пыталась в состоянии нервного потрясения вскрыть себе вены. Так даже над этим фактом решил поиздеваться в своей поэме Евтушенко, а заодно и бросить тень на всю нашу политику, на всю когорту большевиков, проводивших, бесспорно, огромную

работу в то время. Я согласен, что, видимо, жестковато поступили в свое время с Ахматовой, Цветаевой, Мандельштамом, но нельзя же, как это делается теперь, превращать их в иконы.

У меня был такой случай в Вашингтоне давно, где-то в конце войны, когда наши войска были уже под Берлином. Во время приема в нашем посольстве ко мне подошел человек и сказал, что он Питирим Сорокин. Как известно, этот Питирим Сорокин — известный философ — был начальником секретариата в правительстве Керенского, заядлым контрреволюционером, который был приговорен советским судом к смертной казни. Но Ленин, как мне заявил Сорокин, его помиловал. Значит, Владимир Ильич умел гибко работать с интеллигенцией. Так и должен работать наш Центральный Комитет. И здесь мы несем большую ответственность перед народом и перед историей.

Видимо, члены Политбюро недавно читали разосланный нам документ, в котором товарищ Никонов (президент ВАСХНИЛ) предлагает реабилитировать русских буржуазных экономистов Чаянова, Кондратьева, Челинцева и Макарова. Разве можно это делать? Это были махровые защитники кулачества, против которых выступал Ленин. Хотя они и утверждали, что их идеи использовались при разработке нашего кооперативного плана. Мне самому, когда я преподавал политэкономии, приходилось разоблачать этих горе-теоретиков, выступавших главным образом под флагом защиты кулачества и свободного хуторского хозяйства. А теперь нам предлагают, видите ли, реабилитировать этих буржуазных лжеученых. Естественно, на это идти нельзя. И вообще в решении таких вопросов мы должны быть предельно осторожны и сдержанны. Надо уметь правильно оценивать прошлое.

ГОРБАЧЕВ. Мне бы не хотелось здесь делать обширное заключение. Вы сами видите, во что вылился этот наш очень доверительный и откровенный разговор. Речь пошла в целом о деятельности ЦК, Политбюро, о нашем курсе, о позициях по многим и многим актуальным вопросам. Главное состоит в том, чтобы у нас не было расхождений в оценке значения основной стратегии, которую мы предложили нашему народу. Мы еще глубже стали понимать, что это не импровизация и не озарение. Это обдуманная, научно обоснованная позиция партии, ее стратегическая линия. Никакой убедительной альтернативы этому курсу мы не видели и не видим. Причем ясно, что речь идет не о косметике. Курс на перестройку затрагивает сами основы жизни общества, наиболее злободневные проблемы сегодняшнего и завтрашнего дня, глобальные вопросы внутренней и внешней политики.

*Из книги: В Политбюро ЦК КПСС...
По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева,
Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: 2008. С. 94–98.*

«Кто выступает против гласности, тот боится народа»

Политбюро, 24 марта 1988 года

О статье Нины Андреевой в «Советской России»

ГОРБАЧЕВ. Нам необходимо вернуться к вчерашнему разговору¹ и завершить его, чтобы не накапливалось непонимание, чтобы не отягощались отношения между нами и не усложнялась атмосфера. Ведь поддержание необходимой атмосферы — важное условие нашей плодотворной работы. Дело даже не в содержании статьи Андреевой и не в появлении ее. Были публикации и похуже. Но обращает на себя внимание отношение к этой статье, ее оценка как эталона, рекомендация перепечатывать и всячески пропагандировать статью. Именно в этой связи позиции ряда товарищей вызывают тревогу.

Февральский пленум ЦК констатировал обострение дискуссии в стране. И не случайным было мое выступление на этом пленуме по идеологическим аспектам перестройки. Оно было направлено на консолидацию здоровых сил.

Что касается обсуждаемой статьи, то в ней нет обеспокоенности судьбами перестройки. Более того, в ней говорится, что наши корни уходят в 30-е годы. И ставится вопрос: а надо ли было вообще начинать перестройку? Вряд ли Андреева сама написала эту статью. Как могла она знать, о чем говорил Федосеев с Горбачевым, Лигачев с Яковлевым?

Великая заслуга нынешнего руководства, что оно сумело повернуть развитие страны в русло перестройки, ведет дело и сумеет вести его и дальше. Но нам нужно полное единство взглядов по этим вопросам.

ВОРОТНИКОВ. Моя первая оценка статьи во время вчерашнего обмена мнениями как интересной была продиктована реакцией на нее как на одно из рядовых выступлений в прессе. В результате более внимательного прочтения я убедился, что за ней скрывается нечто большее — выражение определенной политической позиции, продиктованное неприятием перестройки, несогласием с курсом политического руководства страны.

Яковлев дал развернутую критику статьи, которая позднее нашла отражение в редакционной статье «Правды».

ГРОМЫКО. Неприемлемы попытки повернуть развитие страны вспять. Преступления Сталина не идут ни в какое сравнение с жестокостями Петра или Грозного. (Оценки обсуждаемой статьи в выступлении не дано.)

ЛИГАЧЕВ. По главным вопросам у нас не мнимое, а подлинное единство. Создана обстановка свободы обсуждения и вы-

сказывания мнений. Убежден, что перестройка нам нужна как воздух. Работая в Сибири, я не хотел, несмотря на неоднократные приглашения, возвращаться в Москву. И только при новых руководителях — Андропове и Горбачеве — я принял решение участвовать в разработке и осуществлении нового курса партии.

В идеологической сфере не удастся задействовать на полную силу ориентиры. В освещении исторических событий в печати все больше дает о себе знать стремление к очернительству: фильм «Рокоссовский», два фильма о разведке 30–40-х годов. С Запада нам подбросили термин «сталинизм». По страницам газет и журналов гуляет тезис о необходимости других партий, о роспуске комсомола, о том, что и профсоюзы якобы исчерпали себя. (Оценка статьи Н. Андреевой в выступлении отсутствовала.)

Политбюро, 25 марта 1988 года

Продолжение дискуссии о статье Андреевой

РЫЖКОВ. Мы проходим самый ответственный и самый сложный этап. Одним из главных наших завоеваний является гласность. Большинство нашего общества выступает против возврата к прошлому, особенно интеллигенция. Да и рабочие против остановки перестройки и демократизации. Очень важно не отталкивать, а привлекать к себе интеллигенцию.

В области идеологии не может быть дублеров. Один орган — партия. Почему же у нас два члена Политбюро занимаются идеологической работой?

ЧЕБРИКОВ. Недавно мы изучили настроение общественности, мнения широких слоев о процессах, происходящих в нашей стране. Критические настроения, конечно же, есть, но они не носят деструктивного характера, нейтрализуются, и, более того, есть возможность перевести их в позитивную силу.

Что касается наших противников, то их замысел состоит в том, чтобы возбудить эффект нереализованных ожиданий. Главный вопрос — в нашем единстве. Если бы не единство, не было бы ни Мартовского, ни Апрельского пленумов ЦК и не было бы политической линии в том виде, как она сложилась сейчас. Вопрос по Ельцину решался бы сложнее.

О гласности. Много сделано, но кое-кто по-прежнему ищет «кремлевские тайны» и выдвигает три варианта одного и того же события.

Люди ждут от нас многого, и очень важно оправдать их надежды. Перестройка — не одноразовый, а непрерывный процесс.

ЗАЙКОВ. Согласен с оценкой Яковлевым обсуждаемой статьи.

ГОРБАЧЕВ. Кто же в Москве давал указание изучать эту статью в системе партийного просвещения?

ЗАЙКОВ. Мне это неизвестно. Нам нужно единство, которое не исключает дискуссии, но без упрямства, а для выработки общего мнения.

МЕДВЕДЕВ. Восприятие происходящего не может быть одинаковым в различных слоях нашего общества, даже у отдельных людей с различным социальным опытом, разным положением в обществе, индивидуальной судьбой и т.д. Вполне понятно стремление осмыслить происходящее, поделиться своими соображениями, переживаниями и чувствами. В этом нет ничего плохого, это закономерно, к этому надо привыкать.

Но обсуждение самых острых вопросов должно вестись честно, без камня за пазухой, без злорадства, без скрытого стремления затормозить наше движение, ставить палки в колеса.

Этого нельзя сказать о статье Андреевой. Главный смысл статьи в другом: она своим острием направлена против перестройки.

¹ Разговор между членами Политбюро и секретарями ЦК возник накануне спонтанно во время перерыва в работе съезда колхозников.

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ДОКУМЕНТЫ

В пространной статье под претенциозным названием не нашлось места ни для одной проблемы перестройки по существу, не нашлось ни одного слова одобрения социально-экономическим преобразованиям, демократическим процессам, оживлению духовной жизни.

Отношение статьи к критике культа личности Сталина достаточно ясно. Автор не согласен с оценками, данными в докладе о 70-летию Великого Октября. Это подтверждается и тем, что период 30-х годов назван не иначе как «эпохой бури и натиска».

О высказываниях автора статьи по национальному вопросу можно добавить лишь одно: выпячивание сомнительного тезиса о «контрреволюционных нациях» носит, с учетом сегодняшней ситуации, прямо провокационный характер, иначе и не назовешь. А где же классовый подход, ревнителем которого изображает себя автор?

Статья вызвала негативную, я бы сказал, тревожную реакцию среди интеллигенции. Оставить без должной оценки ее нельзя. Но это должен быть не окрик, а обстоятельный разбор в той же газете «Советская Россия», а еще лучше в «Правде».

ЩЕРБИЦКИЙ. Не заниматься ли ведомству Виктора Михайловича (КГБ) этой историей. Кто стоит за этой статьей? Ведь она, видимо, обсуждалась на редакции. Как это все произошло?

...Нельзя создавать оппозиционные группировки.

...На Украине же дела идут нормально.

СОЛОМЕНЦЕВ. Ситуация в стране сложная, но неплохая. Партия должна держать ее в руках, идти во главе происходящих в стране процессов. Наше единство реально, оно проявилось в деле Ельцина. Что касается оценок истории, то надо придерживаться доклада «О 70-летию Октября». Много в деятельности средств массовой информации вызывает возражение, в частности, увлечение эротикой в кино и театре. Критических статей не допускать нельзя, но наше единство необходимо.

СОЛОВЬЕВ. Согласен с анализом статьи, данным Яковлевым и Медведевым. Но в конечном счете я очень благодарен Андреевой за статью, которая вызвала сегодняшний разговор.

ДОЛГИХ. Все — за перестройку. Сомнений тут нет, и колебаний быть не должно. В дискуссиях поднимается комплекс вопро-

сов, но должна быть культура дискуссий. Демократия и единство начинаются за этим столом.

ГОРБАЧЕВ. Сейчас должно быть новое единство на основе нового политического курса и делового обсуждения возникающих проблем.

ДОЛГИХ. О средствах массовой информации. Роль их очень велика. Но нужно регулировать их деятельность. Ленин решительно восставал против использования печати антисоциалистическими элементами. Много вызывает вопросы: например, превознесение Шагала в «Огоньке», Некрасова² в «Московских новостях», предложения о роспуске комсомола. Можно ли отдавать оценку исторических деятелей и событий отдельным лицам? ЦК тут не должен быть в стороне. Например, оценки Бухарина, оценки Сталина. Согласен с критикой статьи Андреевой, но она привлекла к себе внимание контрастом с негативистскими выступлениями.

НИКОНОВ. Все мы политически согласны с оценкой статьи. Но вначале секретари и члены Политбюро стремились побольше слушать, не высказывать без убежденности. Статья появилась 13 марта, а во вторник — 15-го возник вопрос о ней в фойе перед заседанием секретариата ЦК. Это факт, что в печати наблюдается погоня за негативными материалами. Критика в печати не всегда обоснованна. Например, выступление Залыгина (главный редактор «Нового мира») против орошения.

ДЕМИЧЕВ. В этом составе Политбюро — абсолютное и полное единство, причем новое единство, отличное от того, что было при Сталине, Хрущеве и Брежневе. У Михаила Сергеевича нет ни приближенных, ни отдаленных, как было раньше. При Сталине все основывалось на страхе, на интригах. Хрущева поддерживал актив, надеясь на преодоление культа личности, но он не удержался, вышел из-под контроля Политбюро.

ТАЛЫЗИН. Вопрос о перестройке, например, в экономике, настолько ясен, что не возникает проблем, ни тени сомнения в необходимости перемен, поднимается глыба за глыбой. Согласен с критической оценкой статьи. Но есть перегибы в средствах массовой информации. Отдельные корреспонденты присвоили право писать о чем угодно.

СЛЮНЬКОВ. Курс на перестройку выстрадан. Есть издержки в средствах массовой информации, но они не идут в сравнение с положительными сдвигами.

Нина Андреева в окружении студентов

SPUTNIK / Alamy Stock Photo

² Виктор Некрасов — писатель, участник Отечественной войны, автор знаменитого романа «В окопах Сталинграда», получившего по предложению самого Сталина в 1947 году Сталинскую премию I степени. В 60-х годах примкнул к диссидентам, был исключен из партии и выдворен из страны. Умер в Париже, пользовался высоким моральным авторитетом среди интеллигенции.

«Кто выступает против гласности, тот боится народа»

Политбюро, 24 марта 1988 года

ГОРБАЧЕВ. Статья Андреевой — это апологетика административно-нажимных методов управления. Но дело, конечно, не в самой Андреевой.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Статья вредная, реакционная, консервативная, мешанская, собирает слухи. Что это — специальный заказ или случайность? Если это переживание одного человека, то ничего страшного. Если же это заказ каких-то кругов в ЦК или правительстве, то это другое дело. Это отражение мнения какой-то части людей — обывательщина, примитивное понимание социализма, и в этом опасность.

...Интеллектуальная ограниченность не позволила Хрущеву довести до конца начатое им дело.

Проблема фундаментализма есть не только в религии, но и в марксизме. Коммунистическое и рабочее движение находится в глубочайшем кризисе. То, что делается у нас, — это спасение социализма, и любой примитивный подход может погубить дело.

Перестройка — главное событие конца XX столетия. Мы еще не знаем, что будет завтра, какой будет, например, идеологический плюрализм. В результате предшествующих лет в стране пошатнулся авторитет социализма. А какие были ошибки во внешней политике, этого еще не сказали.

Конечно, главное для нас — это единство, но не любой ценой. Только на принципиальной основе. Согласен с Николаем Ивановичем (Рыжковым) о недопустимости параллелизма в руководстве идеологической работой.

БАКЛАНОВ. Единство должно быть не механическим, а на молекулярном уровне. Нужен реферативный сборник по газетам. А то спросили: какая статья? — Интересная. И теперь я взглянул на нее другими глазами. Согласен с анализом Яковлева и Медведева.

БИРЮКОВА. Работать стало интереснее.

РАЗУМОВСКИЙ. Возрастает роль демократических методов в кадровой работе. Приходится иногда снимать с работы людей, уже выдвинутых в условиях перестройки. Так, первый секретарь Кулябского обкома уличен как крупный взяточник, а он выдвинут на эту должность уже в 86-м году. Беспокоит замалчивание критических выступлений в средствах массовой информации,

отсутствие реакции на них. По решению ЦК проведены пленумы по перестройке. Но в иных случаях на пленумах не умеют или не хотят сказать, что нужно.

МАСЛЮКОВ. Статья чересчур умна для мадам Андреевой. Нам надо научиться работать с прессой, загнать джинна обратно в бутылку не удастся.

ЛУКЪЯНОВ. Обмен мнениями радует и волнует. Согласен с оценкой статьи. Она вносит раздрой. Считать одну сторону опорой перестройки, а другую противником — нельзя. Было бы плохо стать на одну сторону. А единство предполагает необходимость защищать свою позицию. Нельзя отдавать на откуп литераторам оценку политических событий. Явления в Закавказье порождены формальным использованием демократии. Демократия — дорога с двусторонним движением. Нельзя считать, что одна полоса узкая, а другая широкая.

ЯЗОВ. Политическое единство армии обеспечено руководством компартии. Перестройка идет и в армии, в Вооруженных силах. Перерабатываем уставы в направлении демократизации, гласности, расширении прав коллективов. В Вооруженных силах насчитывается 1 млн членов КПСС. В Афганистане всего 306 человек оказались в плену. Ни одного случая невыполнения боевого приказа. Но беспокоят некоторые тенденции в сфере культуры. Высоцкий... Какой такой подвиг он совершил? Картины (видимо, абстракционистские): какое в них видение мира, если ничего на них не видно.

ГОРБАЧЕВ. Хочу подчеркнуть значение состоявшегося разговора. Его трудно переоценить. Конечно, не все высказанное бесспорно. Но выявилось наше единство по главным вопросам — большая забота о нашем общем деле. В порядке самокритики хочу сказать, что мне надо быть ближе к секретариату ЦК. Моя роль недостаточна, меньше, чем необходимо. Хотя я в курсе работы секретариата ЦК, рассматриваю повестку дня.

Ясно, что сама Андреева неспособна была написать такую статью. Кто ее вдохновил? Неясно. Но есть главный редактор газеты — кандидат в члены ЦК. Это не просто литературный прием. Это концепция, суть которой в том, что до этого вроде бы все было хорошо. Нужна ли тогда перестройка, не слишком ли далеко ушли в вопросах гласности и демократии? Поэтому должно было состояться принципиальное обсуждение статьи, несмотря на настроения не придавать ей серьезного значения. Ответственность за дело дороже, чем самочувствие. Отступление от перестройки — самое большое предательство, а участие в ней — самое великое счастье.

Как решить задачи перестройки? Попытки в прошлом не дали результата, ибо не был включен народ. А это можно сделать только через гласность, через духовную сферу. Кто выступает против гласности, тот делает самое большое отступление от перестройки, боится народа. Есть люди, страдающие ностальгией по жестким методам власти. Но мы никого не прижали, никого не одергиваем. Хорошо, что идут гласность и дискуссия. Наши кадры не противники перестройки. Просто не умеют порой работать в новых условиях. Не вижу альтернативы перестройке и альтернативного метода, кроме демократического. Овладение политическими методами руководства труднее дается, чем слепое следование указаниям.

Думаю, разговор нас сплотил. Виталий Иванович (*Воротников*) пусть не переживает.

ВОРОТНИКОВ. Я хотел бы снять этот груз и могу сказать только «да».

ГОРБАЧЕВ. В этом русле мы должны подготовиться к XIX партконференции, к реформированию политической сис-

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ДОКУМЕНТЫ

темы. Встает и вопрос об ограничении сроков полномочий, в том числе и Генерального секретаря. Могут обнаружиться политические промахи. Естественно, что кто-то больше, кто-то меньше делает. Но кто почувствует, что работать невозможно, пусть скажет.

Ниже «история» с обсуждением статьи Н. Андреевой в Политбюро воспроизводится со слов А.Н. Яковлева, который рассказал об этом А.С. Черняеву.

23 марта в Кремле в комнате президиума во время перерыва на съезде колхозников произошел следующий разговор.

ВОРОТНИКОВ. Опять этого Сойфера в «Огоньке» вытащили, этого прохвоста. Что с этой печатью делать?.. Но надо что-то делать...

ГОРБАЧЕВ. А что? Они же напечатали потом ученых, которые возразили первой публикации... Ну и что ты хочешь? Одни так, другие по-другому. Это же ученые. Их среда. И пусть... Что ты нервничаешь? Мы не можем, как бывало...

ЛИГАЧЕВ. Печать стала и по зубам давать этим... Вот в «Советской России» была статья. Очень хорошая статья. Наша партийная линия.

ВОРОТНИКОВ. Да! Настоящая, правильная статья. Так и надо. А то совсем распустились...

ГРОМЫКО. Да. Думаю, что это хорошая статья. Ставит все на место.

Соломенцев что-то начал в этом духе. И Чебриков уже было открыл рот...

ГОРБАЧЕВ. Я ее мельком проглядел перед отъездом в Югославию.

Его перебивают... мол, очень стоящая статья. Обратите внимание...

ГОРБАЧЕВ. Да, я прочитал ее потом, вернувшись...
Опять наперебой хвалят статью.

ГОРБАЧЕВ. А у меня вот другое мнение...

ВОРОТНИКОВ. Ну и ну!

ГОРБАЧЕВ. Что «ну и ну»?..
Неловкое молчание, смотрят друг на друга.

ГОРБАЧЕВ. Ах так. Давайте на Политбюро поговорим. Я вижу, дело куда-то не туда заходит. Расколом пахнет. Что «ну и ну»? Статья против перестройки, против февральского пленума. Я никогда не возражал, если кто-то высказывает свои взгляды. Какие угодно — в печати, письма, статьи. Но до меня дошло, что эту статью сделали директивой. Ее в парторганизациях уже обсуждают как установочную. Запретили печатать возражения этой статье... Это уже другое дело.

А на февральском пленуме я не «свой» доклад делал. Мы его все обсуждали и утвердили. Это доклад Политбюро, и его пленум утвердил. А теперь, оказывается, другую линию дают... Я не держусь за свое кресло. Но пока я здесь, пока я в этом кресле, я буду отстаивать идеи перестройки... Нет! Так не пойдет. Обсудим на Политбюро.

На следующий день, 24 марта, продолжал Яковлев, после официальной части Политбюро Горбачев сказал несколько слов... но таких, что побледневшему Лигачеву пришлось выступить первым.

ЛИГАЧЕВ. Да, Чикин (главный редактор газеты «Советская Россия») у меня был. Мне статья понравилась. Но больше я к ней отношения не имел.

Громыко уже «подстроился», долго болтал что-то невнятное, но ясно было: ни нашим, ни вашим.

Воротников оправдывался за вчерашнее «ну и ну!», но искал выход в жалобах на печать и что на нее управы нет.

После Воротникова я, говорит Яковлев, понял, что пора выступить мне. Потому что не было уверенности, что все читали, даже те, кто мог бы выступить с осуждением статьи, и могло бы получиться, что начали бы автоматически поддакивать против распушенности печати, и дело смяли бы...

Я говорил минут 20. Показал по пунктам, что весь смысл статьи — и по духу, и по тону, и каждым своим положением — против Горбачева, против февральского пленума, что это манифест антиперестройки. Когда закончил, было уже поздно, около 10 часов. Горбачев говорит: давайте на этом сегодня закончим, завтра продолжим.

Назавтра первым говорил Рыжков. Жестко, резко, беспощадно против статьи. Самое сильное выступление. У меня, сказал Рыжков, два впечатления от статьи:

— *Зачем, мол, эта перестройка?!*

— *А уж раз случилось такое несчастье, то надо по возможности его ограничить, зажать. Я, продолжал Яковлев, не буду тебе пересказывать, кто что потом говорил, да и не запомнишь. Важен расклад.*

Сильно и безапелляционно осудил статью Шеварднадзе. Решительно и аргументированно Медведев. Кратко, но четко, с эмоциями, с возмущением — Слюньков и Маслюков. Чебриков (который чуть было не «оступился» накануне) произнес спокойное осуждающее слово, и это очень понравилось М.С. (Он даже потом Натте это пересказал.)

Генерал Язов бурчал что-то не очень определенное насчет печати, которая меру потеряла..., но «в целом» за Генерального.

«Спасали» Лигачева Соломенцев, Никонов и... Лукьянов... Это, говорил потом М.С., очень его разочаровало и удивило. Лукьянова он даже потом вызывал. (Это же его дружок по университету еще, вместе в общежитии на Стрмынке жили.) Не очень определен был приехавший специально из отпуска Зайков. (Может быть, потому, что «рыльце в пушку»... — ведь это в московских парторганизациях пускали на ксерокс эту статью и уже начали обсуждать как директивную. Наверно, не без его ведома, если не согласуя с ним. Словом, вовремя не разобрался!)

Хорошо выступил Разумовский.

Конечно, приняли единодушное решение: осудить статью. И поручить... «Правде» выступить с разгромом.

Словом, заключил Яковлев свой рассказ, — это поворотный эпизод в истории перестройки. (Рыжков даже предложил освободить Лигачева от курирования идеологии!) И если, как выразился Яковлев, М.С. не пожалеет Егора Кузьмича, то дата войдет в анналы.

Из книги: В Политбюро ЦК КПСС...

По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: 2008. С. 299–307.

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

«Отсюда легче останавливать поворот рек»

КАК ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ
ПОВЕРНУЛАСЬ ЛИЦОМ
К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Журналы — толстые еженедельные и тонкие еженедельные вместе с газетами — становились рупором демократически ориентированной интеллигенции и инструментом изменения мышления огромной страны. Мало кто мог подумать, что начнет меняться и неповоротливая партийная печать, работавшая с оглядкой на расклад

в секретариате и Политбюро ЦК КПСС. И вдруг — прорыв в самом сердце партийных медиа, журнале «Коммунист». Мы расскажем о некоторых подробностях того, как «Коммунист» неожиданно стал для интеллигенции если не в один ряд с «Огоньком», «Московскими новостями», «Новым миром», «Знаменем», «Октябрем», то где-то совсем рядом. А в сюжетах, связанных с экономикой, напрямую участвовал в политической борьбе.

Его главным редактором в 1986 году был назначен, явно при участии Михаила Горбачева, Иван Фролов, человек, который в самые глухие годы застоя умудрился сделать пригодным для чтения журнал «Вопросы философии». Впоследствии Горби перекинет Фролова на другой участок — переделывать «Правду». Главный идеологический орган страны вдруг на глазах стал радикально меняться — именно это и было нужно Горбачеву: чтобы партийная масса и ее руководство, привыкшие вычитывать в «Коммунисте» идеологические директивы, поняли, что теперь критическое мышление — и есть новая директива. Не случайно Михаил Сергеевич всерьез относился к кадровой политике журнала и помогал в этом его редактору.

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА.

Андрей
Колесников

Перелом

Отто Лацис — известнец, в свое время отправившийся работать в Прагу в международный коммунистический журнал «Проблемы мира и социализма», комфортабельный вольер для партийных интеллектуалов. Его отозвали оттуда в 24 часа после обнаружения крамольной рукописи антисталинской книги «Перелом», которую пытался размножить и начать распространять Лен Карпинский, в прошлом комсомольский вожак и успешный журналист, впоследствии исключенный из партии и изгнанный отовсюду. В «Известия» Отто Рудольфовичу вернуться не позволили, зато после того, как его спас от исключения из партии лично глава Комитета партийного контроля Арвид Пельше, «спрятали» на 11 застойных лет

Отто Лацис

Архив

в Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР.

В 1986 году Отто Лацису позвонил Иван Фролов. Задача Ивана Тимофеевича была более чем ответственной — перестройка главного теоретического журнала ЦК КПСС «Коммунист», который в течение десяти последних лет редактировал убежденный сталинист Ричард Косолапов, человек, близкий к главному цеховскому «орговику» Константину Черненко.

Фролов пригласил Лациса на должность политического обозревателя, которая находилась в «номенклатуре», то есть в ведении секретариата ЦК: назначение должно было быть одобрено всеми секретарями Центрального комитета. 11-летняя «академическая ссылка» Отто Рудольфовича закончилась, хотя и не сразу — ему припомнили то самое давнее партийное взыскание, и Ивану Тимофеевичу для офор-

мления нового важнейшего сотрудника — члена редколлегии — потребовалась помощь самого Генерального секретаря. В результате Фролов уж заодно настоял на том, чтобы Лацис занял позицию первого зама главного редактора: он в нем нуждался так же, как Горбачев в главном партийном либерале Александре Яковлеве.

Одной из знаковых публикаций фроловского периода стала статья академика Татьяны Заславской, основателя экономической социологии. В скором

времени ей предстояло вместе в Борисом Грушиным основать Всесоюзный центр общественного мнения, ВЦИОМ, будущий «Левада-центр» (который теперь объявлен «иноагентом»). Была подготовлена к печати статья Заславской «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость». Вот как об этом вспоминала сама Татьяна Ивановна: «Небольшая деталь: один из моих аспирантов, живший в Барнауле, услышал, что в «Коммунисте» № 13 (это был 1986 год)

опубликована моя статья, и пошел купить этот номер. Но куда он ни обращался, везде 12-й и 14-й номера были, а 13-го не было. Когда же он спросил киоскера, в чем дело (может, номер не поступил или поступил в меньшем числе экземпляров?), тот ответил: «Я и сам не пойму, в чем дело. Число журналов обычное, но все почему-то спрашивают 13-й номер. Наверное, там что-то нужное людям»... Действительно, это был идеологический прорыв, я почувствовала это вот из чего. Статья уже была отредактирована, обсуждена на редколлегии, и главному редактору оставалось подписать ее в печать. Он пригласил меня к себе, чтобы прояснить несколько вопросов, возникших на редколлегии. При этом выяснилось, что слово «группа» (одно из ключевых понятий социологии, часто использовавшееся в статье) было понято в духе 30–50-х годов — как «групповщина». Антипартийная группа или какая-то еще...

Иван Фролов

Кадр из видео

«Отсюда легче останавливать поворот рек»

Между тем в статье говорилось, что группы играют важную социальную роль. Пришлось сделать специальное примечание. Видимо, многое из того, что в то время уже широко обсуждалось, в «Коммунисте» появлялось впервые. Для партработников и идеологов все это было внове, чем, видимо, можно объяснить и разноречивость откликов».

Не телефонный разговор

С 1986-го и до самого конца Советского Союза журнал — уже и после того, как Горбачев заберет Фролова к себе в помощники, а затем и в Политбюро ЦК, — останется одним из главных интеллектуальных рупоров перестройки. «Коммунист» обрел множество новых заинтересованных болельщиков — так много людей никогда в жизни добровольно и с интересом не стремились читать какие-либо иные образцы партийной прессы. Это была команда, которая былью сделала анекдот: «— А ты читал сегодня первую полосу «Правды»? — Нет, а что там? — Это не телефонный разговор».

Первый замглавного Лацис искал ключевую фигуру — редактора отдела экономики. Точнее, как он хитро назывался, — политической экономии и экономической политики. Нужен был человек, который сочетал бы в себе редкие качества — академического ученого, редактора и одновременно журналиста. С пониманием того, что в партийном журнале есть определенные — как минимум стилистические, как максимум идейные — ограничения. И эти

ограничения следует решительно ломать. Как начал их ломать сам Лацис в самой первой своей статье в «Коммунисте», где он доказывал, что надо не совершенствовать показатели государственного плана для предприятий, а отменить такие планы вообще. Статья увидела свет в аутентичном виде лишь после того, как Фролов добился назначения Лациса первым замом и отправил текст на просмотр и одобрение академику Леониду Абалкину.

Отто Лацис вспоминал: «Как-то я пожаловался на свою кадровую незадачу институтскому товарищу Рубену Евстигнееву, очень часто меня выручавшему в годы научной работы.

- А ты возьми Гайдара, — сказал он.
- Какого Гайдара?
- Егора. Он работает в отделе у Стаса Шаталина.

Тут вспомнил я нашу с Леном (Карпинским. — Ред.) и Тимуром (Гайдаром. — Ред.) конспиративную встречу на даче Гайдаров в Дунине и улыбчивого мальчика, с которым меня познакомил Тимур».

Это — особая история. В августе 1968-го взволнованный Лен Карпинский позвонил Лацису и сообщил, что Тимур Гайдар собирается покончить с собой в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию. Разумеется, скрыть факт демонстративной кончины собкора «Правды» в Белграде, который в это время находился в отпуске в Москве, для властей особой сложности не представляло. Переубедить кого-то этим актом «саможжения» тоже было невозможно.

Фонд Егора Гайдара

Егор Гайдар

Зато в результате Лацис, Карпинский, Гайдар встретились на гайдаровской даче в Дунине. Тогда-то Отто Рудольфович и познакомился с широколицым улыбчивым мальчиком Егором.

Самое интересное, что в Дунине три журналиста обсуждали возможность издания неподцензурного журнала. И вот то, что не получилось в результате с Тимуром Гайдаром, Лацис реализовал в содружестве с его сыном. Несмотря на то что журнал был подцензурным, именно с ним связывались надежды на интеллектуальный прорыв в понимании советской системы и поиск способов ее радикального изменения. Изнутри партии, с самого верха государственной пирамиды — как делались и делаются все модернизации в России. Как ее начал и сам Горбачев.

И текли куда надо каналы

Гайдар согласился на предложение Лациса. Первая его статья вышла в июле

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ОЦЕНКИ

1987-го — издательские циклы в партийной журнальной прессе даже для сотрудников редакции были не слишком быстрыми. Называлась она весьма академично — «Краткосрочные и долгосрочные циклы в экономике». В ней утверждалось, что методами рывков и ускорений можно добиться формального повышения показателей роста, но — в ущерб качеству. Структура и качество роста важнее впечатляющих темпов и процентов.

Егор получил уникальную возможность собрать коллектив отдела таким образом, каким ему самому хотелось. Пришел, например, Алексей Улюкаев, которого впоследствии в реформаторской среде называли «нашим самым бойким пером» — он действительно хорошо писал, после ухода Гайдара в «Правду» возглавил отдел экономики «Коммуниста», затем сотрудничал с «Московскими новостями».

Гораздо большим журналистским опытом обладал Виктор Ярошенко. В журнал он попал по приглашению Лациса, а Отто Рудольфовичу Виктора Афанасьевича рекомендовал их общий приятель Анатолий Бруштейн, основатель легендарного клуба ученых в новосибирском Академгородке «Под интегралом» и организатор скандального концерта Александра Галича в марте 1968 года. Тогда Галич спел для очень большой и очень молодой аудитории в том числе «Памяти Пастернака» и «Ошибку» («Где полегла в сорок третьем пехота... там по пороше гуляет охота»). На последних словах этой песни — «трубят егеря» — символическим образом с оружейным хлопком взорвалась лампа; «Я думал, это в вас стреляли», — сказал бард Юрий Кукин. «А я думал, это первый секретарь обкома застрелился», — отозвался Александр

Аркадьевич... После этого инцидента Галичу запретили публично выступать.

Ярошенко было уже 40 лет, он объездил весь Союз, специализировался на экологической проблематике, по своему профессиональному складу был скорее очеркистом, да еще всерьез увлекавшимся фотографией. Он окончил Энергетический институт, но ни дня не проработал по специальности. Из «Московского комсомольца» пришло письмо с просьбой распределить выпускника и автора «МК» в газету. В письме Ярошенко был охарактеризован как «нежная поэтическая натура, пишет стихи». Увидев такую характеристику, легендарный министр энергетики СССР Петр Степанович Непорожний благословил юношу: «На ... (*физ*), на все четыре стороны!»

С Бруштейном Ярошенко подружился во время командировки в Академгородок от журнала «Юность». Спустя годы, когда Бруштейн оказался в очередной раз в Москве и рассказал Ярошенко о фактическом перезапуске «Коммуниста», Виктор попросил его походатайствовать перед Лацисом о публикации в главном партийном журнале статьи против переброски сибирских рек — это могло бы значительно укрепить позиции экологов. А Лацис немедленно пригласил Ярошенко в штат журнала. Так Виктор перешел в «Коммунист» — с потерей зарплаты и даже квартиры, которую вот-вот ему мог выбить Олег Попцов, главный редактор «Сельской молодежи», где работал Ярошенко. Виктор Афанасьевич занял маленький кабинет на первом этаже. И стул, до него принадлежавший отправившемуся в Париж от АПН Виталию Дымарскому. Потом тот же стул перейдет Алексею Улюкаеву.

Гайдар вдохновлял Ярошенко: «Отсюда будет легче останавливать поворот рек». В широком смысле этих слов... И ведь действительно, обладая корочкой журнала «Коммунист», в больших битвах с лоббистами можно было чувствовать себя гораздо увереннее. Ярошенко мог решительно входить в здание Гидропроекта, чтобы высказать негативное отношение партийной журналистики к плану строительства 100 гидроэлектростанций, грозившему затоплением не одной Матеря из «Прощания с Матерой»

(1976) Валентина Распутина, а миллионам гектаров лесов, полей, поселков, деревень...

«Коммунист», пользуясь словами Пастернака, был «продуктом разных сфер». В этой идеологической коммунальной квартире, несмотря на явно реформаторский курс Фролова и его преемника Наиля Биккенина, кого только не было. Появлялись совсем чужие партийному изданию люди, но их работа в журнале лишь подтверждала тот факт, что «Коммунист» — это не стыдное место даже для вне- и антисистемных журналистов. Каковым был, например, знаменитый в те годы журналист Геннадий Жаворонков, вдруг обнаруживший себя в тесном тихом кабинете на улице Маркса-Энгельса, а не в суетной круговерти редакции «Московских новостей». Задержался он там, правда, ненадолго.

А вот несколько чужой партийному духу литературный критик Игорь Дедков, у которого что-то не сложилось с Сергеем Залыгиным и он не перешел на работу в «Новый мир», принял приглашение «Коммуниста», стал обозревателем по вопросам культуры и литературы и задержался в журнале, уже переименованном в 1990-е в «Свободную мысль», на годы.

У Дедкова был свой, вполне ясный, мотив для работы в «Коммунисте». В апреле 1987 года он записал в дневнике: «В последние месяцы во всех устных выступлениях я поддерживаю новую, т.е. задержанную, литературную волну и вслух обсуждаю проблемы, связанные с нашим прошлым... Время решающее: или социализм будет возрожден в нашей стране, или — похоронен на долгие десятилетия и навсегда; отношение к сталинскому прошлому — это отношение к настоящему и будущему».

Чтобы утвердить Дедкова обозревателем, Биккенину пришлось обратиться к Горбачеву — как и Фролову по поводу Лациса. Генеральный секретарь вообще очень внимательно относился к «Коммунисту»: забрав к себе помощником Ивана Фролова, он сам выступил с инициативой приглашения на пост главного редактора Наиля Биккенина. А при утверждении на Политбюро сказал о нем: «Он был за перестройку еще до перестройки». Что и неудивительно: именно Биккенин вписал в текст горбачевского доклада еще в конце 1984 года слово «ускорение» и словосочетание «человеческий фактор».

Виктор Ярошенко

Соцсети

«Отсюда легче останавливать поворот рек»

Золото Туманова

От высокой теории Гайдару — редактору отдела пришлось обратиться к самой что ни на есть приземленной практике, чтобы сделать из нее теоретические выводы о том, как старая система сопротивляется новым формам хозяйствования, фактически рыночным во вне рыночной системе. Сюжет был, как заметил Лацис, не то что не теоретический, даже не журнальный, скорее — газетный. И конфликтный.

Речь шла о легендарном главе артели золотодобытчиков «Печора» Владимире Туманове, который когда-то еще совсем молодым человеком сел по 58-й статье, а потом набирал сроки побегам из зоны. Ему Владимир Высоцкий посвятил свои песни «Был побег на рывок» (Пнули труп: «Сдох, скотина! / Нету проку с него: / За поимку полтина, / А за смерть — ничего») и «В младенчестве нас матери пугали» (Мы Север свой отыщем без компаса — / Угрозы матерей мы зазубрили, как завет, / И ветер дул, с костей сдувая мясо / И радуга прохладой скелет).

Артель преследовали, собирались закрыть совместными усилиями обкома партии Коми АССР и Министерства цветной металлургии СССР. К делу подключились правоохранительные органы и партийная печать: «Печору» громили в «Социалистической индустрии». Это, конечно, не «Правда», но все-таки орган ЦК. Причины объяснил сам Туманов: «Министерство в отчаянных усилиях на скромные проценты едва-едва повышает экономическую эффективность. И тут мы отличаемся разительно. Производительность труда в «Печоре» более чем втрое выше средней по отрасли... Только дискредитируя те пока еще немногочисленные предприятия, где полный, последовательный хозрасчет, зависимость доходов каждого от конечного результата,

демократизм внутрипроизводственной жизни становятся нормой, чиновники могли доказать необходимость жесткого административного управления».

Эту экономическую подоплеку легко расшифровали Лацис и Гайдар. И решили заступиться за «Печору». «Коммунист» опубликовал письмо в защиту артели. Но на этом не остановил свои усилия.

...Статья об успехах артельной организации производства стояла в номере, когда в кабинете Биккенина раздался звонок телефона кремлевской АТС. Звонил Горбачев. Он выразился в том смысле, что журнал правильно поддерживает новую форму организации производства, но — «защищаете не того человека, которого надо защищать». Судя по всему, в битву против Туманова включился Егор Кузьмич Лигачев.

Статью об артели пришлось снять из номера. Лацис отдал ее в «Известия», где она и была опубликована. А сама история стала иллюстрацией к тому, какая яростная борьба шла в советском истеблишменте и на какие компромиссы шел, маневрируя между элитными кланами, Горбачев.

Экономика котлована

«Экономика нулевого цикла» — так Ярошенко и Гайдар характеризовали советскую экономическую систему в статье «Нулевой цикл», опубликованной летом 1988-го в «Коммунисте». Котлован Андрея Платонова — символ этой экономики. В него закапываются деньги и усилия. Это исторически нагруженный знак тяжелого, иногда подневольного труда, симптом гигантомании, имитация реального хозяйствования. Выкапывание ямы, как и ее закапывание, — это тоже рост ВВП, только затратный и бессмысленный.

На страницах «Коммуниста» — по-журналистски практическая битва хотя бы за рациональность в экономике. Ресурсам легче «перетечь» туда, где их проще всего освоить: «...вниз по склону, по закону наимень-

шего сопротивления, заполняя понижения, котлованы и каналы... — писали два молодых автора «Коммуниста». — Отраслям, для обеспечения производственной деятельности которых почти ничего не надо, кроме горючего, землеройной техники, цемента да запчастей, легче всего израсходовать средства. Андрей Платонов гениально угадал склонность формировавшейся системы хозяйствования к «котлованам».

Тема безрассудного расходования ресурсов имела еще одну, вполне очевидную грань — жизнь государства не по средствам. Тема, о которой никогда публично в СССР не говорили, — во всяком случае, вне стен Минфина на улице Куйбышева: бюджетный дефицит, превышение расходов над доходами.

Осенью 1988-го Гайдар и Лацис публикуют статью с простым названием, многое объясняющим, — «По карману ли траты?». В ней они простым языком объясняли природу цен, инфляции и причины дефицита товаров. И вот экономика бюджетного (а значит, и товарного) дефицита закольцовывается с экономикой «нулевого цикла» — котлована: «Что такое крупный дефицит государственного бюджета в условиях нашей экономики? Это значит, что часть выплаченных денег не будет обеспечена товарами и услугами. После того как люди потеряют надежду их отоварить, деньги осядут на сберкнижках, а затем, после заимствования их госбюджетом, будут использованы для финансирования еще одного канала или котлована (курсив мой. — А. К.)».

Вот так устроена огосударственная экономика, где исключительно государство решает, куда направить деньги, где образуется денежный навес — накопленные деньги, на которые нечего купить, а значит, деньги пустые, не обеспеченные товарами. Так бюджетный дефицит закладывает в самом себе мину инфляции, сдерживаемую только административно. А это сдерживание ведет к тому, что из продажи исчезают даже товары повседневного спроса.

Социалистическая экономика превращается в черную дыру, куда, как в тот са-

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ОЦЕНКИ

мый «котлован», проваливаются гигантские ресурсы, не дающие отдачи.

И далее: «Г. Сокольников, в начале двадцатых годов на посту народного комиссара финансов яростно борющийся за сокращение бюджетного дефицита, за отказ от финансирования государственных расходов с помощью печатного станка предлагал повесить возле Высшего совета народного хозяйства вывеску: эмиссия — опиум для народного хозяйства. Полезно и сегодня помнить об этом всем, кто отвечает за формирование и реализацию экономической политики».

Эта фраза легендарного Сокольникова, почти весь аппарат которого был потом репрессирован Сталиным, в 1990-е годы висела в приемной министра финансов — кто бы этим министром ни был. Повесил это либеральное дацзыбао Борис Федоров. Затем по его же инициативе появилась еще одна вывеска: «Инфляция не создает рабочих мест».

Записка Горбачеву

Отчаявшись «напугать» руководство страны со страниц прессы до такой степени, чтобы оно решилось на изменения в бюджетной и денежно-кредитной политике, Гайдар и Лацис подготовили записку для Горбачева, в которой суммировали все возможные объяснения ситуации и предложили набор критически необходимых мер, среди которых было сокращение военных расходов и ограничение централизованных капиталовложений. Предлагалось ликвидировать дотации к ценам на продовольствие с одновременным пересмотром структуры розничных цен в качестве замены (пока это было возможно) их либерализации, отказаться от повышения зарплат и пенсий, если не показаны источники доходов на эти статьи расходов.

Бумагу с приложенными к ней вырезками из статей в «Коммунисте» первому лицу передали через Ивана Фролова. Горбачев обсудил тезисы записки на одном из заседаний Политбюро 16 февраля 1989 года, темой которого было «финансовое оздоровление экономики и укрепление денежного обращения». Докладывал, правда, Рыжков. И выдал странную цифру — превышение доходов над расходами за три (!) года перестройки составило 133 миллиарда рублей (формально он мог объяснить отсутствие цифры за 1988 год тем, что статистика запаздывала).

40 миллиардов избыточных денег, не покрытых предложением товаров. На 70–80 миллиардов скопилось товарных запасов, не имеющих спроса. Картина полной катастрофы! При этом у Рыжкова почему-то во всем была виновата пресса.

Горбачев на заседании Политбюро выступал многословно и пылко. Говорил об отсутствии «настоящего научного анализа». Еще бы — нужно было письмо двух экспертов-журналистов из «Коммуниста», чтобы начать хотя бы относительно честный разговор о чрезмерных неэффективных расходах, дефиците бюджета, скрытой инфляции. Это при живом-то гигантском аппарате Совмина и ЦК, Госплана, ресурсах Академии наук! «Если не включим... противозатратные рычаги, — продолжал Горбачев, — мы ничего не добьемся». Он упомянул даже чрезмерные расходы на оборону — Генеральный секретарь и без пяти минут президент СССР правильно понял смысл записки Гайдара и Лациса: «Не знаю, как другие члены Политбюро, но я считаю, что нужно сохранить капиталовложения... только там, где это работает на товары для народа и на жилье. *А все остальное пусть подождет — в том числе многие стройки и заводы (курсив мой. — А. К.)*».

Горбачев поручил Совмину принять меры по сокращению дефицита бюджета. Но — не изменилось ровным счетом ничего. Система оказалась сильнее ее рулевых. Отто Лацис вспоминал: «Был утвержден список второстепенных мероприятий, позволивших наскрести — скорее всего, на бумаге, — экономию на сумму 27 миллиардов рублей.

Между тем председатель Госплана и член Политбюро Юрий Маслюков опубликовал в «Правде» статью, в которой утверждал, что первоначально утвержденный на 1989 год бюджет предусматривал дефицит на 127 миллиардов рублей. Так получилось, что на этот год было три только официально признанных цифры дефицита: 36 миллиардов, признанных Гостевым, 99 миллиардов, фактически показанные в его докладе... и 127 миллиардов Маслюкова. Реальной суммы дефицита никто не знал, а формальная экономия в 27 миллиардов в лучшем случае возвращала примерно на уровень тех 99 миллиардов, с которыми никак нельзя было примириться, если было желание избежать обвальной инфляции».

И Совмин, и ЦК были словно парализованы перспективой освобождения, даже частичного, цен. И теряли, теряли, теряли время. Денежный навес превращался в волну цунами, которая словно всосала в себя исчезающие с прилавков товары, застыла над страной и рано или поздно должна была обрушиться всей своей мощью на экономику.

А журнал «Коммунист» становился все популярнее. Анатолий Черняев, помощник Горбачева, записал в своем дневнике 14 сентября 1988-го: «Коммунист» стал лидером передовой мысли».

Андрей Колесников*

* Признан властями РФ «иноагентом».

Кто и как превратил журнал «Огонек» в одно из самых читаемых изданий перестройки — рассказывает писатель **Борис Минаев**, возглавлявший отдел культуры во времена Виталия Коротича, при котором тираж журнала вырос с 1,5 до 4,5 млн, став движущей силой гласности

Революция правды

ЕЕ ЛОЗУНГ —
ОТКРОЙТЕ РЕАЛЬНОСТЬ,
ПЕРЕСТАНЬТЕ ВРАТЬ!

Борис
Минаев

В 1991 году, сразу после новогодних праздников, я пришел устраиваться на работу в журнал «Огонек». Меня завели в кабинет к Коротичу, и я немного сбивчиво рассказал ему о том, как собираюсь выстраивать отдел литературы.

Он смотрел на меня довольно скептически, но на работу взял (я бы сам себя, наверное, не взял). Об «Огоньке» мне иногда снятся сны, очень похожие на те, которые снились мне потом почти всю жизнь — как я сдаю сессию. Как я не готов к экзамену. Но про журфак сны мучительные, а про «Огонек» — какие-то странные. Их смысл ускользает от меня, и я как будто нахожусь в комнате, полной загадок.

Комната, впрочем, вполне знакомая. Это тот самый кабинет Коротича (а потом Гущина и Чернова, то есть других главных редакторов).

Место воистину историческое. Я не знаю, кто сейчас в нем сидит (само здание каким-то чудом уцелело), но боюсь, нынешние обитатели даже не знают, что за люди здесь бывали. Не знают, что судьбы перестройки (а значит, и всей страны) решались в какой-то мере именно здесь.

Солідные деревянные панели по стенам, длинный полированный стол для заседаний редколлегии, стеллажи с книжками и фотографиями. «Комната для отдыха», а как же без нее, с креслом или даже с кроватью, вход в нее слева от стола главного редактора; честно говоря, я побывал там всего один раз, когда она была уже завалена разным барахлом. Как было при Коротиче, не знаю.

На столе стоял белый телефон — так называемая «вертушка», АТС-2 со справочником абонентов: тут были министры, секретари ЦК, да, в общем, все. Коротич, я думаю, им не пользовался, но звонков по этому белому телефону боялся.

...Когда я пришел в «Огонек», «золотая эпоха» журнала постепенно подходила к концу. Однако многое по-прежнему вызывало изумление и восторг.

Например, авторская рубрика покойного Виталия Шенталинского. В архивах КГБ он раскапывал уникальный материал и публиковал его.

Мне, например, помнятся его материалы, посвященные телефонным разговорам Сталина с Булгаковым, Сталина с Пастернаком... Тут и сам сюжет был, мягко говоря, занимательным, но главным было другое — общее потрясение от вдруг открывшейся правды факта.

Но ведь это было не просто «открытие архивов». Это была куда более значимая вещь: «от нас», то есть от общества, от страны, скрывали правду — а значит, было что скрывать. Значит, это был глобальный, тотальный обман народа. А обман народа — это преступление. А за преступление надо платить.

И если скрывали правду о репрессиях, о судьбах людей, о ГУЛАГе, то, значит, скрывали и другую правду — об экономике, о политике, о реальном положении дел. Из вполне себе партийной «гласности» рождалась совсем другая идея — глобальной «революции правды».

Статьи из «Огонька», которые, казалось бы, говорили только о литературе, интеллигенция прочитывала в совершенно другом контексте: в контексте политической программы, которая далеко превосходила все, что мог сказать сам Горбачев. Даже в самой смелой речи.

Дайте правду, откройте реальность, перестаньте врать.

А если продолжаете врать — уходите! Пока мы вас сами не ушли.

Эта самая «скрытая правда», которую нужно было откопать, отрыть, спасти, сохранить, вынести, как из-под завалов исторического землетрясения, на свет божий, она стала культом в горбачевское время.

Она стала религией, по сути.

...Но так это видится на расстоянии.

Однако если взять подшивку, ну, скажем, за 1988 год и пролистать журнал — ощущение сейчас, через 35 лет, будет совсем другое.

Журнал-то абсолютно советский. Рубрики, заголовки, стиль, темы, подача...

Первый материал первого номера — «Трон «Позитрона», с подзаголовком — «Главный козырь — внедрение хозрасчета». Любой случайно выбранный из текста абзац — аж скулы от скуки сводит: «Какие же вопросы рассматривал Совет трудового коллектива объединения за последние месяцы? О перестройке структуры управления объединения и заводов; о системе морального и материального стимулирования; об определении количества освобожденных и неосвобожденных работников в партийной...» Ой, нет! Не могу.

Даже самая острая вроде бы публикация легко вписывается в общую смы-

словую рамку «отдельных недостатков», «проблем, требующих решения». Даже если это проблемы Арала (в том же номере) или давящая обзаводка советской педагогики (статья Эльвиры Горюхиной).

Но вот огромная, в двух номерах, статья Валерия Сойфера «Горький плод». О том, как громили и уничтожали советских генетиков.

И сразу становится понятно, как читать журнал! Что сначала, что потом, что можно вообще не читать.

Журнал из набора текстов и картинок, в меру необязательных, вдруг становится цельным произведением. Вот что «революция правды» делала с довольно архаичным, вообще говоря, изданием.

«Первые шаги» Горбачева были, на мой субъективный взгляд, очень разного качества. Вот это благоговейное отношение к хозрасчету, к госприемке...

Но были среди них и гениальные «первые шаги», конечно: ну вот таким шагом, например, я считаю назначение Егора Яковлева и Виталия Коротича главными редакторами, соответственно, «Московских новостей» и «Огонька». Дело не только в конкретных фигурах. Виталий Алексеевич, конечно, был замечательным редактором, но дело-то было в другом — говоря современным языком, Горбачев перевел политику гласности «на аутсорсинг». Что печатать, а что не печатать, как далеко можно зайти и в какую сторону, кто уже разрешен, а кто еще нет, да и не только это, самое главное — какие идеи продвигать, какие проблемы формулировать — все это решалось уже не в кабинетах на Старой площади, а в кабинетах Коротича и Яковлева. То есть в самих редакциях. Конечно, все идеологические разделы всех речей и докладов Горбачева писали умнейшие люди (от Черняева до Шахназарова), стараясь делать их острыми и прогрессивными, но...

Но это уже мало кого интересовало. А вот что «отчебучит» «Огонек» в своем новом номере — интересовало всех.

Уютная аура советского издания, в целом советского мира — постепенно съедаясь, размывалась этими статьями.

Некоторые из них просто невозможно забыть, откроешь разворот, и на тебя обрушится вот это все: восемьдесят восьмой, по улицам бредут люди с авоськами, пустые магазины, темная Москва, слякоть мартовского снега, тревога и надежда.

Революция правды

В шестом номере 1988 года — статья Даниила Гранина о травле Зошенко.

«Я впервые видел Зошенко... Узкое его смугловатое лицо привлекало какой-то старомодной мужской красотой. Деликатность и твердость, скорбность и замкнутость соединялись в его облике.

Рядом с Симоновым, с тяжелым рыхлым Друзиным, с грузным усатым Саяновым, со всеми, кто сидел в президиуме, он выглядел хрупким и слабым. Трибуна закрыла его тщедушную фигурку. Он вынул листки, разложил их, взялся за край трибуны. За ним следили в полном молчании, где больше было враждебного, чем сочувствия.

— Очень трудно говорить в моем положении, — голос его оказался тонким, ломким...»

Ну что тут скажешь? Шедевр!

Вся статья пронизана внутренней болью — ведь Гранин тоже был в том зале и тоже не защитил, как потом не смог защитить многих, увы.

И эта боль дорогого стоит, может быть, дороже иного разоблачительного пафоса.

В седьмом номере, в феврале того же 1988 года, появляется очерк Анатолия Головкова «Не отрекаясь от себя». О Валентине Пикиной, ленинградской девушке 30-х, сотруднице обкома комсомола, вполне себе советском человеке, прошедшей через сталинскую мясорубку. Статья кончается так:

«...Канули тени мучителей, доносчиков и палачей. Хочется поскорее захлопнуть вслед могильные плиты, развеять прах, но так, чтоб не попал на подходящую почву: не ровен час, полезут новые всходы... Как надеялись они, как грозили, будучи при власти, что жертвы их останутся в нашей

памяти лишь как «враги партии и народа»... История распорядилась по-другому».

Сейчас интересен, главным образом, сам язык статьи — «канули тени... захлопнуть вслед могильные плиты... мучители, палачи...».

Такой лексики по отношению к советскому прошлому читатель еще не знал.

Конечно, на одном «Огоньке» и «Московских новостях» свет клином не сошелся — например, достаточно важным было назначение Ивана Фролова сначала главным редактором журнала «Коммунист», а потом и «Правды».

В «Коммунисте» у Фролова работали такие люди, как Отто Лацис и Егор Гайдар, статей которых вскоре стали бояться и в ЦК, и в Совмине.

Вслед за Коротичем и Яковлевым подтянулись многие — «Комсомолка» и «Советская Россия» (когда там работал Михаил Ненашев), да и Центральное телевидение, в общем, тоже не отставало.

Это был такой «коллективный Сахаров», в те годы (87-й, 88-й, 89-й) сильно помогавший Горбачеву развернуть иную картину мира, заставить поверить в самую возможность перемен.

Но было, конечно, и другое. Постепенно накапливалось ощущение тревоги, угрозы, витающей в воздухе, ощущение того, что все «это» ненадолго, что «это» — только видимость, ложная сущность.

«4 февраля был митинг в защиту перестройки, — пишет в своей документальной повести Анна Масс (речь идет о 1990 году). — Сначала я не хотела идти: боялась разъяренной толпы, Ходынки, безумных глаз — у меня это уже было в 10-м классе, на похоронах Сталина, когда нас с Наташкой Захавой едва не задавили насмерть. И больше мне такого испытывать не хотелось. А такое быть могло, потому что вместе с «Апрелем», «Мемориалом» и другими демократическими организациями в митинге намеревалась принять участие и «Память». И еще неизвестно, на чьей стороне будет милиция, если начнется заваруха.

Все-таки я пошла. Для самоутверждения.

От Крымского Вала широченной — чуть не во всю ширину Садового — колонной,

очень быстрым шагом, иногда и бегом, так что сразу стало жарко и весело, мы двинулись по Садовому кольцу. На тротуарах толпился народ, мамы и папы поднимали детей, чтобы им было лучше видно. Все это напоминало очень давнее, из школьного детства — демонстрацию 1 мая, 7 ноября, когда вот так же шли колонной, с флагами, транспарантами, громадными бумажными цветами, и еще нерастроченная восторженная юная вера теснила наши юные души, и так прекрасно было чувствовать себя частью громадного народного братства.

Но теперь-то это было совсем другое, не «за», а «против» той веры, и это еще нужно было осознать, оно, это другое, еще не устоялось, бродило, пьянило и немножко пугало — этой снова, как в детстве, взрывающей волной откуда-то взявшейся радости, которая уже столько раз обманывала, что хотелось пригасить в себе ее веселый, возбуждающий огонек, не дать снова себя обмануть».

Простите за длинную цитату.

...Между февралем 1988 года и февралем 1990-го (или мартом 1991 года) — гигантская разница.

Когда каждый новый глоток правды, каждую мысль, каждую статью, каждое реабилитированное имя отвоевывали с боем, под страшным давлением извне, Горбачев искренне воспринимался как главный союзник интеллигенции.

Но постепенно это ощущение сменялось другим: страхом, что его гарантий недостаточно. Что он не защитит от этой угрозы, не рассеет эту тревогу. Что нужны какие-то другие союзники. Слишком тяжелые гири висели на ногах у Михаила Сергеевича, в диапазоне от кровавого разгона демонстрации в Тбилиси до экономической блокады Литвы. Слишком за многое он отвечал лично — в глазах тогдашнего общества.

В 1988 году в издательстве «Прогресс» вышел сборник «Иного не дано», с моей точки зрения, абсолютно уникальная книжка. Здесь есть статьи А. Сахарова, В. Селюнина, Ю. Афанасьева, Ю. Карякина, Д. Фурмана, А. Бовина, А. Нуйкина, Вяч. Иванова, беседа Глеба Павловского с историком М. Гефтером, в общем, много чего. Все они, цвет и сливки

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ ГОРБАЧЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ОЦЕНКИ

Владимир РЕПИК / Фотохроника ТАСС

Виталий Коротич

отечественной интеллигенции, размышляют тут о судьбах перестройки, ставят свои диагнозы, рисуют пути развития. Как плохие, так и хорошие, оптимистические.

Чего стоит, например, знаменитая «Ждановская жидкость» Юрия Карякина:

«Тут мне хочется перейти на прямое обращение к этим энтузиастам борьбы с очернительством. Подчеркну: не к тем, кто не знает фактов, а к тем, кто их знает и скрывает. Это раньше, лет тридцать назад, мы не умели отвечать на ваши иезуитские, кривые вопросы. Теперь другое. Теперь уже вам приходится отвечать на вопросы прямые и ясные.

...Сознательная клевета на миллионы честных людей — от мужика до академика, от грузчика до маршала — это не очернительство?

Сознательное уничтожение этих оклеветанных миллионов... — это не очернительство социализма?

...Очернительство — это ложь.

Правда не может быть очернительством. Правда может быть только очищением».

Или вот из статьи Игоря Ивановича Виноградова.

Он пишет, в частности, о том, что доклад Хрущева на XX съезде партии до сих пор (идет, напомню, 1988 год) — не опубликован. Люди его не читали.

«Вероятно, до этого этапа правды о нашем прошлом время в нашей стране еще не наступило... Но вот, однако, вопрос: может ли вообще правда быть поэтапной? И что это такое, простите, поэтапная правда?»

Другая трактовка у Даниила Гранина: «...Я встречался с этими экстремистами

правды. Они не слушали никаких доводов: можно было, нельзя было — ныне их это не интересует — надо было! Надо было выступать и при Хрущеве, и при Брежневом, не считаясь ни с чем. И при Сталине! — требуют самые молодые. Короткая их память или полное неведение меня изумляют... Я получал одно за другим десятки писем подобного рода, гневных, отвергающих мое желание разобраться в нашей общей вине, отвергающей саму идею покаяния: «Почему мы будем каяться, когда преступники не наказаны!»

А вот из статьи Дмитрия Фурмана:

«Современная ситуация перестройки вызывает не только энтузиазм одних и сопротивление других. Она вызывает еще и ощущение растерянности, и оживление всегда присутствующих в сознании многих людей... страхов: как бы не стало хуже».

Листаю книгу, и хочется цитировать дальше. И дальше.

Но почему же этот манифест перестройки интеллигенции, этот абсолютно исторический документ — ныне так прочно забыт? Я уверен, что настанет время, и его снова будут читать, но сейчас у него явно нет того интеллектуального веса, того ореола, который был, скажем, у сборника «Вехи» в начале XX века.

Причина — не только в том, что «все проиграно», ну и дальше вся эта песня, ноты и слова которой я очень не люблю.

Причина — как мне кажется — в том, что все эти умнейшие и талантливейшие люди не уловили главное: темп времени.

Все они, предлагающие те или иные реформы, нововведения, принципы и подходы, не понимают, что у Горбачева уже его нет. Он уже не успеет плавно и аккуратно, как стремится, вывести общество к новым рубежам. Увы, не успеет.

Скорость, с которой развалилась Берлинская стена, рухнула советская экономика, скорость, с которой по факту, а не на бумаге, начал разваливаться СССР, скорость, с которой ушли из «соцлагеря» наши союзники, скорость, с которой девальвировалась и исчезла вся эта риторика «социализма с человеческим лицом», — никем из них не была предугадана, никем не осознала.

Страшная, нечеловеческая, какая-то космическая скорость.

Поэтому все их советы и рекомендации Горбачеву образца 1988 года — не пошли ему впрок.

...Что, с другой стороны, совершенно не умаляет и не отменяет никаких его заслуг.

Борис Минаев

Горбачеву НЕ ХВАТИЛО ВРЕМЕНИ на реформы

Обычно, когда, так скажем, близкие нам по духу авторы пишут на тему «Горбачев и интеллигенция», то преимущественно получают слюни восторга и апофеоз любви. Во времена Горбачева я, как и многие другие, этот апофеоз разделяла, возможно, потому, что была юна и много чего не понимала. Я просто любила Горбачева, предполагая, сколько неприятных вещей мне придется делать в жизни. Например, преподавать политэкономии, ибо училась я на преподавание именно ее, будь она неладна. И главное, я видела, насколько тогда мой папа был счастлив. Ему был всего пятьдесят один год, и все, что он только мечтал осуществить, начало осуществляться. И эта эйфория первых лет правления Горбачева была заразительной.

Но шло время, и отец как экономист довольно скоро понял, что многое делается не то и не так. И таких людей становилось все больше. Здесь уместно вспомнить цитату из замечательных дневников Юрия Олеши: «Я русский интеллигент. В России изобретена эта кличка. В мире есть врачи, инженеры, писатели, политические деятели. У нас есть специальность — интеллигент. Это тот, который сомневается, страдает, раздваивается, берет на себя вину, раскаивается и знает в точности, что такое подвиг, совесть и т.п. Моя мечта — перестать быть интеллигентом». Вот для таких интеллигентов, для которых их чувства и переживания были важнее всего на свете, Горбачев сделал лучшее, что можно было им предложить. Он предложил

свободу. Людям, жившим в Советском Союзе, где ее видели лишь в мечтах, этого было достаточно, чтобы полюбить Горбачева. Гласность, которая проникла в поры страны, создала обстановку, в которой ненавистный многим Советский Союз не мог существовать, она стала важнейшим условием его разрушения.

Но сам Горбачев, когда инициировал перестройку и гласность, не заглядывал так далеко. Он хотел социализма с человеческим лицом, чтобы все оставалось, как было, только лучше. А что это значит, какой должна стать страна, каким будет ее человеческое лицо? На это ответов не было. У Михаила Сергеевича не было внятной картины будущего, он не создал плана, по которому пойдет строительство новой страны. Я честно пыталась найти хоть какой-нибудь проект в его многочисленных выступлениях, докладах, статьях того времени, но это было невозможно — его просто не было ни у кого. Я в начале 2000-х говорила об этом с Александром Николаевичем Яковлевым, идеологом перестройки, но и от него не услышала ничего напоминавшего дорожную карту, как сказали бы сейчас. Что будет дальше, когда мы сделаем то-то и то-то? Какие задачи перед нами стоят сейчас, чтобы потом было так-то и так-то? Горбачев, наверное, рассчитывал, что к проектированию подключится номенклатура, с которой он привык иметь дело в прошлой жизни. Но номенклатура в своем большинстве не поддержала практически ничего из его начинаний. Миллионные тиражи книг ранее запрещенных писателей ей были ни к чему, гласности она боялась, вывод войск из Восточной Европы, на котором мы ничего не заработали, считала ударом в спину, восторгов по поводу конца афганской войны тоже не было, цены на нефть, на которой держалась видимость благополучия, упа-

ли в четыре раза. После первого шока от перемен чиновники стали копить силы сопротивления всем горбачевским новшествам. По-настоящему их одобрила лишь столичная интеллигенция, поверив в то, что после гуманитарных преобразований начнутся настоящие реформы. Но реформ не было, было много слов вместо дел, и это стало раздражать людей, которые уже видели себя в центре мира, бурно приветствовавшего перемены в нашей стране. Но съездив на конференции, семинары, фестивали, творческие люди возвращались в страну, где их ждали пустые прилавки, разгул бандитизма и смена идеалов. И их по-детски восторженная любовь к Горбачеву не выдержала этих испытаний, она довольно быстро сменилась разочарованием. А когда случились Тбилиси и Вильнюс, то многих охватило настоящее уныние — саперными лопатками были заколоты многие надежды на цивилизованные отношения с соседями. Что уж говорить о тех самых врачах, учителях, инженерах, у которых не осталось времени читать «Новый мир», «Дружбу народов», «Знамя», главными подписчиками которых они были десятилетиями, — им надо было искать новые способы зарабатывать деньги, потому что от прежних рабочих мест ничего не осталось — перестройка разрушила привычную жизнь. А таких было намного больше, чем творцов. И в этом был главный проигрыш новой власти — с учителями, инженерами, врачами, рабочими никто не разговаривал, им никто не объяснял, во имя какого светлого будущего они страдают сегодня.

Разговоры про будущее вел один Андрей Дмитриевич Сахаров, но мало кто понимал, что такое конвергенция и чем хороша конфедерация. Слово «свобода» буквально окутало головы дурманом, стало наркотиком. Если страны Балтии хотят

Imago images

больше свободы, то надо им ее дать, а что будет с русскими, там живущими, никто не просчитывал. Быстрее, быстрее дадим республикам независимость, призывала Галина Старовойтова. Как говорил потом Ельцин, берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить. А что будут делать с этим суверенитетом те, кто работал, скажем, на оборонных предприятиях, занимавших в Советском Союзе 70% производства, никто не думал. Страна производила много оружия, но мало хлеба. 40 миллионов тонн зерна в год закупали за границей, то есть Горбачев сразу был вынужден пойти, не скажу побираться, это плохое слово, но разменивать наши совковые достижения на валюту. Выхода не было, пустые полки в магазинах на-

капливали страшное раздражение, оно охватило даже ту интеллигенцию, которая не хлебом единым.

Горбачев боялся экономических реформ, понимая их важность. Но слово «рынок» вообще не звучало, отпустить цены экономисты госплановского типа боялись и думать. О либерализации цен заговорили Явлинский и Гайдар, но время было упущено, денег для того, чтобы закупать ту же пшеницу, внутри страны было взять неоткуда.

И вот то, что я понимаю сейчас и не понимала тогда, охваченная общим наивным восторгом: человек, который не просчитывал последствий и не знал, как отвечать на те вызовы, которых становилось все больше, не был по-настоя-

шему готов к руководству страной. Это не его вина. Его вынесла на вершину власти история, а аппаратные бои, без которых было не обойтись, чтобы расчистить к ней путь, отняли много внимания. Наверное, будь у него больше времени, он бы сумел стать настоящим реформатором, к чему стремился всей душой. Но он был слишком приличным человеком, чтобы удержаться у власти надолго. Однако он успел сделать главное — дал стране почувствовать вкус свободы. Потеряв ее, мы понимаем, что это — его бесценный дар нам.

Ирина Ясина

ГОРБТ
GORBY

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Падение с Олимпа

НЕТ БЕССМЫСЛЕННЕЕ ЛОЗУНГА,
ЧЕМ «СПОРТ ВНЕ ПОЛИТИКИ».
НО ЧЕМ ОН БЕЗНАДЕЖНЕЕ ЗВУЧИТ, ТЕМ
ЧАЩЕ ЕГО ПОВТОРЯЮТ

Владимир
Мозговой

Вести с полей

В полдень на федеральном российском телеканале нам рассказали про «фермерский бунт» во Франции, про европейский энергетический кризис, про предстоящие выборы в США, про учения НАТО и другие события того же рода и под тем же определенным углом, прямо отсылающим к временам уже далеким, но еще не всеми забытым. После «политинформации» разнообразные проблемы Запада обсуждались заинтересованно и не без сарказма. Ничего нового и удивительного, кроме того, что ток-шоу шло на главном и единственном спортивном канале страны.

Стало в принципе интересно, дойдут ли участники каким-то образом до спорта. Дошли. Не обошли стороной тему предстоящей и заранее «ущербной» летней Олимпиады в Париже, и опять же заранее провальной зимней Олимпиады в Турине, подвергли уничижительной критике условия допуска для российских спортсменов, дали отпор западным русофобам и их приспешникам, а заодно и наших отступников пожурили. Пока пожурили, еще не заклеямили, за чем, похоже, дело не станет. Не те времена, чтобы отступать. Нет соперников — есть противники. Нет оппонентов — есть враги.

Так с небольшими вариациями при обсуждении спортивных тем продолжается как минимум полтора года, по всей линейке государственных и прогосударственных СМИ, на практически любой общественной трибуне, начиная с Государственной думы. Говоря о спорте под лозунгом «Спорт вне политики», в основном о политике и говорят. В первых рядах борцов за новый многополярный мир, за традиционные ценности и олимпийские идеалы — чиновники, политики и обслуживающие их политологи.

С конца февраля 2022-го в России именно политика стала определять ход и направленность жизни социума, и большой спорт в его глобальной проекции на фоне практически тотального отстранения России от международных соревнований, естественно, тоже не мог не стать

полем битвы, в которой не может быть победителей. Новости, приносимые с этого поля чуть ли не ежедневно, не отличаются разнообразием, и позитивных среди них немного даже во время спортивных праздников или воспоминаний о них.

В нынешнем феврале Россия с размахом отметила 10-летие Олимпиады в Сочи. Экс-глава Оргкомитета Игр, вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко не ограничился ностальгическими воспоминаниями об эпохальном событии мирового значения: «...мы видим, что за последние годы отношение к России и, в частности, к ее спортивным успехам изменилось... Это связано с политической ангажированностью спортивных организаций и, прежде всего, Международного олимпийского комитета. К сожалению, на Западе спорт тесно переплетается с политикой и сдает позиции с точки зрения своих базовых ценностей».

Незадолго до этого возглавляющий МОК Томас Бах тоже высказался о проблемах политизации спорта, причем отсутствие конкретизации никого не могло ввести в заблуждение: «Автономия мирового спорта под угрозой. Разные политические силы пытаются взять на себя функции международных федераций. Некоторые хотят решать, какие спортсмены и в каких турнирах смогут участвовать. Другие пытаются указывать, где должны проходить соревнования. Третьи хотят организовывать свои собственные политические старты. Все это, особенно последнее, означает захват государствами международного спорта. Если им это удастся, роль международных федераций и олимпийского движения станет неактуальной».

Все это вроде как касалось кризиса всего мирового олимпийского движения, но намек на источник был более чем прозрачен, а «особенно последнее» прямо адресовало аудиторию к Всемирным играм дружбы и другим альтернативным соревнованиям, активно продвигаемым де-факто отстраненной от олимпийского движения Россией.

Теперь для России Международный олимпийский комитет — «самая политизированная, а не спортивная организа-

ция», что стало обыденным суждением российской стороны, а сторона противоположная упрекает МОК в нерешительности и грозит бойкотами, если российским спортсменам будут оставлены хоть какие-то лазейки.

Соцсети

Лозунг «Спорт вне политики» достается из пыльного сундука обычно тогда, когда бороться с этой самой «политизацией» уже бесполезно ввиду обстоятельств непреодолимой силы, что сейчас и происходит.

Утопия с последствиями

Два олимпийских перерыва Нового времени пришлось на период двух мировых войн. Ничто другое не останавливает стремление человечества радоваться жизни через одно из главных своих увлечений и развлечений, которым стал спорт. При всех переменах, кардинально изменивших жизнь планеты за сто с лишним лет (первые Олимпийские игры Нового времени состоялись в 1896 году, а ровно сто лет назад произошло разделение их на летние и зимние), и при всех произошедших с самими Играми пертурбациях, олимпийское движение как краеугольный камень мирового спорта выживает благодаря изначально заложенному в нем здоровому началу. С благородными целями сложнее.

В числе сформулированных Пьером де Кубертенем основополагающих принципов постановки спорта «на службу гармоничного развития человечества» был и такой: «Осуществление прав и свобод, предусматриваемых настоящей Олимпийской хартией, должно быть обеспечено в отсутствие какой-либо формы дискриминации расового, языкового, религиозного, политического характера, по признаку цвета кожи, сексуальной ориентации, наличия иного мнения, национального или социального происхождения, обладания собственностью, рождения или иного статуса».

Красивая идея нового олимпизма как объединяющего человечество универсального средства оказалась на удивление живучей, но реалии нового столетия основательно ее подкорректировали. Она сама изначально содержала в себе противоречия. Объединение для того, чтобы соревноваться и выяснять, кто «быстрее, выше, сильнее», требует соблюдения определенных этических принципов, а зависть, тщеславие и другие человеческие качества декларациями не отменишь. От стремления к победе до победы любой ценой дистанция довольно короткая. Как показала жизнь, удерживать состязательность в рамках честной борьбы, увы, очень непросто.

Чем больше спорт превращался в глобальное социально-политическое явление и чем дальше он уходил от первоначальных основополагающих принципов, тем старательнее его пытались удерживать в прежних рамках. То же требование не допускать к Играм профессиональных спортсменов исключили только тогда, когда любителей на Олимпиадах практически не осталось — они стали жертвой ужесточения конкуренции и неизбежной профессионализации.

Но если внутренние проблемы олимпизма нарастали достаточно долго, то внешние, обеспеченные глобальными противоречиями в развитии социума, проявились достаточно быстро. Негласный принцип олимпийского перемирия был легко сметен Первой мировой войной, что наглядно продемонстрировало несопоставимость масштабов — про объединяющие факторы никто и не вспомнил, когда заговорили пушки.

Падение с Олимпа

Накануне Второй мировой фашистская Германия наглядно продемонстрировала, как можно использовать Олимпиады в качестве инструмента влияния и пропаганды достижений режима. В середине 30-х он еще не явил миру звериный оскал, но тенденции уже намечались — против проведения национал-социалистической Германией двух Олимпиад-1936 раздавались достаточно громкие голоса. Однако достаточно было слегка подправить картинку вроде временного удаления из мест общественного досуга табличек «евреи нежелательны» накануне инспекторского визита МОК, чтобы с одобрением не задержались ни визитеры, ни даже сам престарелый «идеалист» и почетный президент МОК Пьер де Кубертен. Не только МОК понравилось, что Гитлер столько внимания уделяет предстоящим Играм, а нацистскому режиму только того и было надо. Без отдельных проблем непосредственно во время проведения Игр не обошлось, оскал проглядывал, но в целом операция прикрытия удалась, и чем тогда все обернулось, слишком скоро стало известно.

Стихийные бедствия, техногенные катастрофы, пандемии — страшные угрозы, в том числе и для мировых спортивных форумов. Но пока так или иначе все это удается преодолевать — переносом соревнований в другую страну, сдвигом их на другие сроки, чему мы совсем недавно были свидетелями. Последствия политических кризисов преодолеть гораздо сложнее — к решению многих из них, особенно в крайних формах, слово «вместе», приплюсованное к классическому олимпийскому девизу «быстрее, выше, сильнее» три года назад, неприменимо по определению.

Фактор влияния

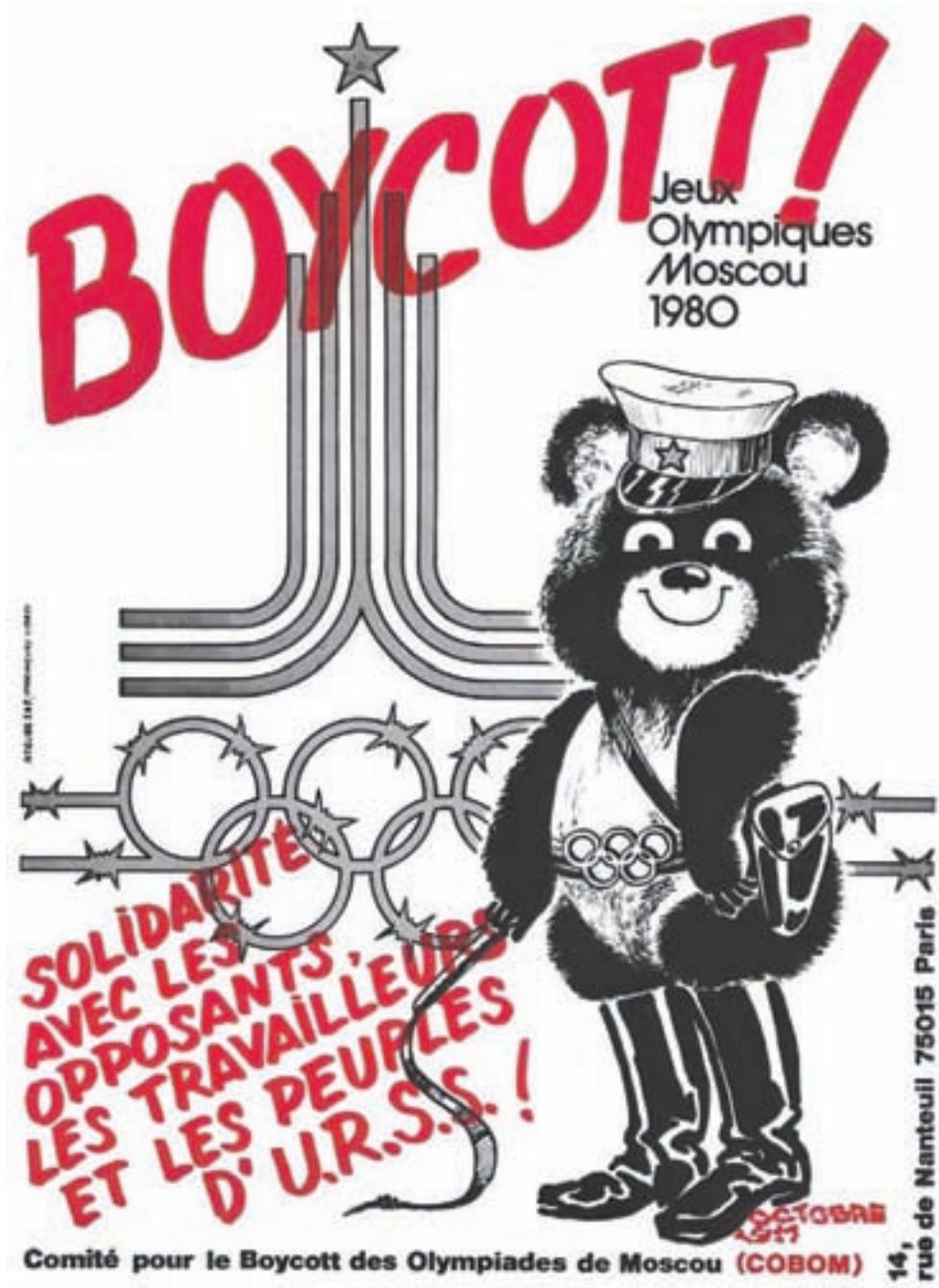
История международного олимпийского движения знает три массовых бойкота летних Игр (1976, 1980, 1984) и десятки, если не сотни менее масштаб-

ных случаев протестов, отказов и других проявлений явно политического толка, с которыми олимпийское движение сталкивалось и сталкивается на протяжении своей, пусть не очень долгой, истории. Попытки разнообразных политических сил использовать спорт в своих целях и вмешаться в процесс давно стали общим местом. Глагол «вмешаться» в данном случае не отражает влияния политического контекста, которое в иных случаях становится тотальным и круги от которого простираются далеко за рамки того или иного спортивного события.

На заре олимпийского движения скандалом мог считаться инцидент, случившийся на открытии Олимпиады-1908 в Лондоне. Команда Финляндии хотела пройти по стадиону под своим флагом, а не под российским, как полагалось, — в итоге пришлось идти вовсе без флага. Именно тогда впервые был введен в обиход неофициальный командный зачет, и принцип «соревнуются атлеты, а не страны» начал постепенно уходить на второй план, пока о нем совсем не забыли. Страны соревнуются, конечно же, страны — и это обещало в будущем как обострение конкуренции между лидерами процесса, так и связанные с этим огромные проблемы. Чем выше становилась цена олимпийских медалей, тем сильнее ощущалась зависимость международного спорта от той или иной политической ситуации.

Начиная со второй половины двадцатого столетия катализатором этой тенденции в решающей степени стало противостояние двух систем — условно «стран свободного мира» и стран социалистического лагеря, наиболее явно выраженное в лице лидеров — США и СССР.

Советский Союз долго присматривался к олимпийскому движению, пройдя большой путь от его полного отрицания до желания стать его значимой частью. В первые годы существования советского государства МОК принципиально не считал возможным принять его в свои ряды, предпочитая иметь дело с представителями эмиграции. Ничто не ново под луной — существовал план одновременного участия в Играх де-

легаций СССР и зарубежной России, что МОК и тогда считал неприемлемым.

Когда советских спортсменов в середине 20-х пригласили участвовать в Олимпийских играх, уже советская сторона решительно отказалась, на годы включив риторику осуждения «буржуазного спорта» и противопоставив ему свой свободный от продажности и денег «рабочий спорт». До поры до времени хватало побед на международных рабочих спартакиадах, но после завершения Второй мировой процесс выхода на международную арену страны-победительницы стал настоятельно необходимым. Даже равнодушного к спорту Иосифа Сталина как-то удалось убедить в том, что спорт может стать помощником в укреплении авторитета Страны Советов, и олимпийский дебют сборной СССР со-

стоялся еще при жизни вождя — на летних Играх-1952 в Хельсинки.

За успешность дебюта отвечали головой. Роспуск футбольной команды ЦСКА как основы сборной СССР, после героического камбэка уступившей в переигровке со сборной враждебной на тот момент Югославии, обещал советскому олимпийскому проекту крайне трудную жизнь. После смерти «вождя народов» полегчало и спортсменам, но задача все отдать на алтарь победы уже вошла в плоть и кровь советского спорта. Это было даже не долгом, а миссией.

Признание Советского Союза добавило МОК проблем, но польза превышала опасения — новый сильный игрок добавлял интереса процессу, конкуренция двигала международный спорт вперед, подкупала и заинтересованность молодого государ-

ства в развитии и процветании спорта. Еще до провозглашения курса на мирное сосуществование, в разгар холодной войны, спорт оставался одной из платформ, на которой постоянно встречались представители непримиримых идеологических противников — это оправдывало многое. Политическое противостояние легко проецировалось на происходящее на спортивных аренах, чем занимались пропагандисты с обеих сторон, при этом непосредственно на взаимоотношения атлетов это практически не сказывалось.

Термин «мягкая сила» в ходу еще не был, что не мешало, по существу, возложить на спорт именно эту обязанность. В начале 60-х, совпавших с «распечатыванием» космического пространства советским человеком, про СССР уже можно было сказать, что и в спорте выше его нет. Джон Кеннеди тогда одним из первых мировых лидеров эффектно сформулировал, что престиж нации определяют две вещи — полеты в космос (другой вариант — межконтинентальные ракеты) и золотые медали Олимпийских игр.

Тут США, не привыкшим нигде проигрывать, пришлось включать дополнительные резервы и догонять Советский Союз — это было для всего мира новым откровением, свидетельством жизнеспособности левой идеи. Результат в решающей степени обеспечивала генеральная линия — на международном уровне советский спорт должен быть представлен в лучшем виде. Государственной поддержки, энтузиазма и выстроенной спортивной вертикали хватало лет на 15–20 — пока система не одряхла, а энтузиазм не угас.

Две сверхдержавы периодически оказывались на грани большой войны, но как-то обходилось. А МОК делал все, чтобы главные игроки мировой спортивной арены не выключались из процесса, хотя поводы применить какие-то санкции и к тем и к другим появлялись неоднократно. Баланс удерживался до самого конца 80-х, когда после вторжения в Афганистан «ограниченного контингента» советских войск первые Игры в стране победившего социализма оказались под угрозой. Находясь под давлением значительной части мирового сообщества, но уже не имея возможности для маневра, МОК взял сторону хозяев, проигнорировав неизбежный бойкот. Шестнадцать десятков стран, в том числе ведущих западных держав, не послали в Москву команды, но Великобритания, Франция, Италия и Испания разрешили своим спортсменам принять участие в Играх в индивидуальном порядке.

Когда через четыре года пришла пора «ответки» под предлогом не обеспеченной страной-организатором безопасности, ни о каком «индивидуальном» участии в летней Олимпиаде в Лос-Анджелесе спортсменов ни из СССР, ни из поддержавших инициатора бойкота соцстран (кроме Румынии, Югославии и КНР) не могло быть и речи. Чаша терпения МОК переполнилась. Нет, за отказ участвовать в Играх в Лос-Анджелесе никого не наказали, но именно после третьих неполноценных Игр подряд (в 1976-м в монреальской Олимпиаде отказались участвовать 26 африканских государств) МОК принял решение о дисквалификации стран, отказавшихся от приглашения участвовать в Играх, на два олимпийских цикла. Это остановило многих желающих выразить то или иное несогласие публично и с помощью спорта — как инструмента шантажа или просто воздействия на общественное мнение.

Естественно, решения о больших и малых бойкотах, равно как об их отмене, принимались на уровне руководства стран, так или иначе вовлеченных в какой-либо конфликт. Желания самих спортсменов в тех случаях, когда политика накладывала тяжелую лапу на все происходящее, учитывались в последнюю очередь. До них политикам, собственно, не было никакого дела. Что касается стран с авторитарным стилем правления и правящей идеологией, то в них на какой-либо протест, да что на протест — на простое несогласие, даже у звезд никакого права не оставалось.

Через два года после последнего крупного бойкота-1984 спортсмены СССР и США наряду со спортсменами еще из 77 стран встретились в Москве на Играх доброй воли, призванных скрасить олимпийские невзгоды последнего десятилетия. Несмотря на отчетливо выраженный миролюбивый посыл и возвращение к олимпийским принципам, организаторы соревнований не пригласили на «добровольные» Игры спортсменов Израиля и Южной Кореи. Возвращение идеалов работало не для всех.

Мир, в том числе и спортивный, еще не знал, что ждет его совсем скоро. После того, как в результате геополитического катаклизма исчез Советский Союз, можно было ожидать как протуберанцев, связанных с процессом распада социалистического лагеря (это и случилось), так и обще-

го смягчения международной обстановки в связи с исчезновением повода для противостояния, длившегося в течение нескольких десятилетий.

Но поводы всегда найдутся...

Вверх и вниз

В августе 2012-го, на самом финише лондонской Олимпиады, во время итоговой пресс-конференции я задал президенту Олимпийского комитета России Александру Жукову не совсем уместный в свете разговора о достижениях вопрос: по какому пути, на его взгляд, идет отечественный олимпийский проект — по американскому или по китайскому. Александр Дмитриевич ответил, что мы идем по российскому пути.

До домашней Олимпиады оставалось меньше двух лет, до начала первых «антироссийских» допинговых расследований не больше трех, до домашнего чемпионата мира по футболу — шесть лет, до мер тотального характера в отношении российского спорта — десять. Как взошли, так и упали, что в сочетании с двумя сверхуспешными событиями планетарного масштаба, проведенными Россией, только усиливает абсурд произошедшего. Абсурда не становится меньше, если добавить к вышеперечисленному политический контекст. За что, собственно, боролись? Чего добивались?

Добивались того же, чего и раньше, — побед. Везде и всегда, на всех фронтах, как было завещано. Новая-старая доктрина оформилась к середине нулевых, когда Россия в соответствии с квазигосударственным подходом бросила такие средства на спорт, какие Советскому Союзу и не снились. Углеродная мощь должна чем-то подкрепляться, а престиж страны лучше всего поднимать с помощью спортивных побед. Все, как в СССР, только круче и пафоснее, в соответствии с глобальными изменениями и новыми веяниями: провожать на Олимпиаду — так с хоругвями, встречать героев — так «мерседесами». Когда Россия получила право на проведение в субтропи-

Падение с Олимпа

ческом Сочи зимних Олимпийских игр-2014, МОК тоже был счастлив: такая страна-хозяйка считать деньги не будет, не то что прижимистый Запад.

Построили два фантастических кластера и сопутствующую инфраструктуру за немыслимые полтора триллиона рублей, провели Олимпиаду на высочайшем (без шуток) уровне, даже выиграли в общем неофициальном зачете, что стало приятным бонусом. Но за генеральную линию под стыдливо скрытым девизом «любой ценой» цену все же пришлось платить, и немалую. И когда вердикты по «антироссийским» допинговым делам дошли и до Сочи-2014, недоумению и возмущению творцов сочинской победы не было предела.

С концептом что-то не так. Россия бьет рекорд за рекордом, а мир не восхищается. Россия готовит и лучше всех принимает турнир за турниром, а мир и ухом не ведет. Россия распахивает объятия перед всем футбольным светом, но и тут послабление — ровно на срок проведения всемирного форума. «Мягкая спортивная сила» оказалась действующей в строго ограниченных временных и пространственных рамках. Нас — не полюбили. Нас вообще «закопали».

МОК от политической подоплеки февральского отстранения-2022 и последующих решений откестился сразу. Россия считает их, безусловно, дискриминационными и политическими. С десятков стран и слышать о России как возможном участнике олимпийского движения не хотят.

Швах с Бахом

Сделать из Томаса Баха друга масштабом покрупнее экс-главы Международной федерации хоккея Рене Фазеля у России не получилось. Теперь он враг: «Томас Бах наглядно продемонстрировал свою зависимость от западных спонсоров, он сегодня занимает антироссийскую позицию. Поэтому в нынешних условиях, на наш взгляд, диалог с ним представляется весьма

непродуктивным» (вице-премьер Дмитрий Чернышенко).

Кроме Баха и нескольких международных спортивных федераций, российских спортсменов никто и не защищал. Только защищали своеобразно. Решение в отношении спортсменов России и Белоруссии, принятое МОК в начале декабря, было попыткой найти некую золотую середину и соблюсти хотя бы видимость верности олимпийским принципам. «Ситуация на Украине — это один конфликт из 28, которые происходят сейчас в мире, — сказал Бах, комментируя решение МОК. — Все остальные спортсмены мирно соревнуются друг с другом. Отдельные спортсмены не могут быть наказаны за действия своих правительств». Однако кричать «Браво!» никто не торопился.

К выработке компромиссного решения, принятого с учетом политическо-

теми спортсменами, кто не поддерживает СВО, — поэтому в зависимости от формы вопроса любой из спортсменов может оказаться в РФ нарушителем закона. Такие мелочи, как запрет «нейтралам» на участие в пресс-конференциях, — уже не в счет.

Дискуссия «ехать или не ехать» изначально выглядела бесперспективной, а после принятия условий допуска вообще потеряла всякий смысл: не могут государственные люди, целиком зависящие от власти, эту самую власть перешагнуть без последствий. Станислав Поздняков, президент Олимпийского комитета России, о спортсменах, которые потенциально готовы поехать на Олимпийские игры, высказался предельно откровенно: «Каждый делает свой выбор, но в соответствии со свободным выбором каждый будет нести и ответственность. ОКР не будет поддерживать

сия с «разрешительной» позицией у МОК приема нет. Оказалось легче перекрыть дорогу на Игры де-факто всем россиянам, чем столкнуться с отказами спортсменов или целых команд из других стран по ходу подготовки или, что еще хуже, прямо во время Игр.

Томас Бах пытался решить заведомо нерешаемую проблему. Сидя на болотной кочке, рассуждать о преимуществах плавания в чистой воде, можно сколько угодно, но это не будет иметь никакого отношения к действительности. Президент МОК ухватился за лозунг «Спорт вне политики» как за соломинку, но это никому не помогло и никого не примирило.

На МОК, как и вообще на коллективный Запад, можно повесить хоть всех собак. Оставлю это увлекательное занятие нашим политологам и пропагандистам, у них хорошо получается.

Замечу только, что наличие чужих грехов не освобождает от своих собственных. Тоже ведь традиционная ценность.

AFP

Томас Бах

И дома бывает весело

Надежда на командный нейтральный статус, уже привычный со времен допингового скандала, исчезла быстро. Надежда на индивидуальный статус умерла последней. Международный спорт и олимпизм как пока еще самая важная его часть существуют без России — и сейчас, и в ближайшей перспективе. Надо привыкать жить вне привычного контекста.

В качестве оптимистической концовки предлагаю еще одну цитату из февральского Дмитрия Чернышенко: «Владимир Путин всегда всячески поддерживал и продолжает поддерживать активное развитие спорта. Глава государства поставил задачу, чтобы к 2030 году 70% россиян регулярно занимались физкультурой и спортом. Мы уверенно движемся к этому показателю. При этом внешние вызовы и санкции, которые коснулись и спортивной сферы, не стали препятствием для развития массового спорта и создания новой спортивной инфраструктуры по всей стране. В текущей ситуации сложности возникли только у профессиональных спортсменов, которых отстранили от многих международных состязаний. Но мы продолжаем создавать все условия, чтобы наши атлеты постоянно поддерживали свою соревновательную активность».

го контекста и при сильном давлении и сверху, и снизу, МОК приходил долго. Аполитичным его назвать было трудно, а реакция что со стороны России, что с противоположной стороны только подтверждала, что «спорт вне политики» остается прекраснородушной идеей, не имеющей отношения к реальности.

Разрешить, не разрешив, и запретить, не запретив. Условия допуска к Олимпийским играм, разработанные МОК для россиян и белорусов, подразумевают в числе других ограничений отсутствие принадлежности к ВС или силовым структурам, что отсекает больше половины потенциальных участников. Допуск может быть получен только

спортсменами с нейтральным статусом. Выбирая нейтрализацию, спортсмен становится заложником чужих интересов. Если вы спросите, сколько российских спортсменов будут участвовать в ОИ-2024, то я скажу, что они там участвовать не будут, а вот нейтральные какие-то поедут».

Даже за эти заранее невыполнимые вещи, или выполнимые лишь частично, МОК и его руководитель получили кучу претензий с противоположной стороны, причем протест выражают не только признанные в РФ враждебными государства и организации, а спортсмены, тренеры, ветераны, которым никто никакого приказа не давал. Против таких форм резкого несогла-

Владимир Мозговой

Политические «ПСИХИ»

НА НОВОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ
ВИТКЕ
В СТРАНУ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ
КАРАТЕЛЬНАЯ
ПСИХИАТРИЯ.
ТОЛЬКО СЕГОДНЯ,
В ОТЛИЧИЕ
ОТ ВРЕМЕН
ПОЗДНЕГО СССР,
ЕЕ ПРАКТИЧЕСКИ
НЕКОМУ
РАЗОБЛАЧАТЬ
ПЕРЕД МИРОВОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ.
ДА И ВЛАСТЬ ЭТИХ
РАЗОБЛАЧЕНИЙ
НЕ БОИТСЯ,
А МИРОВУЮ
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ
ИГНОРИРУЕТ

Зоя
Светова

«В конце октября 1980 года меня привезли в СИЗО-2 Казани, где находится психиатрическое отделение. Там эски сидели уже после суда, ожидая перевода в собственно Казанскую СПБ (специальную психиатрическую больницу). Отделение было рассчитано примерно на 200 человек, сколько сидело в реальности, трудно сказать, потому что камеры были забиты, как в 1937 году, заняты были даже все места под нарами.

Это был следующий круг ада. Эски находились там круглый год в одном белье — в холщовых рубашках и кальсонах, только на прогулку им выдавали халаты. В коридорах с ключами ходили не менты, а санитары — отбывающие срок уголовники. Там в первый же день меня избili в бане. Сначала всех новоприбывших завели в предбанник и стали стричь — одной машинкой и под мышками, и лобок, и волосы на голове. Я отказался, потому что недавно стригся, волосы были короткие, меньше сантиметра, а по тюремным правилам до двух сантиметров разрешалось не стричь. Но это в обычной тюрьме, а здесь, как оказалось, были свои правила.

Санитары вроде согласились, потом вызвали уже голого из бани назад в предбанник и тут же, ни слова не говоря, вшестером начали бить. Я, голый, мокрый, без очков, как-то пытался отбиться, меня, конечно, сбили на пол, один встал на ноги, кто-то другой бил сапогами в лицо и под ребра. Выручили менты, которые прибежали на сигнал тревоги. Санитары начали оправдываться: «Да он нас всех тут кидал...» — шестерых. Все же подстригли — и это было не самое страшное, потому что сразу так же, голого, подняли на верхний этаж в процедурку, где у медсестры уже лежало два шприца: большой с аминазином и маленький с галоперидолом.

После уколов разрешили надеть белье, дали матрас и отправили в камеру. Мест там не было, нашлось только под столом, я бросил туда матрас, упал и уже не смог натянуть на себя одеяло, потому что аминазин начал действовать моментально», — о своем пребывании в психиатрическом отделении казанского СИЗО перед переводом в Казанскую психбольницу вспоминает советский диссидент Виктор Давыдов (цитата по его интервью в книге «Диссиденты»). В Казанской психбольнице несколько лет провела и Валерия Новодворская, а также поэт Наталья Горбаневская. Эта больница считалась одним из самых страшных заведений, куда закрывали советских инакомыслящих.

А вот что пишет о сегодняшних практиках питерской городской психиатрической больницы имени Скворцова-Степанова Анастасия Пилипенко, адвокат Вики Петровой, молодой женщины, отправленной на принудительное лечение из-за нескольких постов в социальных сетях, противоречащих официальной версии происходящего в Украине в ходе СВО: «Ее заставили раздеться для «телесного осмотра» при мужчинах из числа медицинского персонала — хотя рядом достаточно было и женщин. На просьбу хотя бы дать сменить перед этим прокладку, потому что начались месячные и кровь уже течет по ногам, смеялись и издевались над Викой все — мужчины помладше и постарше, женщины около сорока и около шестидесяти.

Ей заламывали руки, когда она отказалась при всем этом честном народе мыться в душе и просила оставить ее на это время только с женщинами, как это было в СИЗО. Вику связали и трясли, по ее собственному выражению, «как шавку», и обещали избить просто в качестве приветствия на новом месте. Ей дали понять, что здесь, в больнице, она уже не человек. Ее привязывали за руки и за ноги к кровати и кололи медикаменты, от которых два дня она практически не могла разговаривать — а значит, и пожаловаться. Пока Вика была привязана, ей на лицо бросили ее одежду. Видимо, просто ради удовольствия посмотреть на ее беспомощность».

«Особенно угнетала мысль, что никак нельзя выразить свой протест»

13 апреля 1969 года 20-летний студент выпускного курса Латвийского госуниверситета Илья Рипс залез на постамент памятника Свободе в центре Риги, развер-

нул плакат: «Протестую против оккупации Чехословакии!», облил себя бензином и чиркнул спичкой. К нему бросились проходившие мимо курсанты мореходного училища и успели загасить огонь своими бушлатами. Рипс остался жив, он был одет в телогрейку, обгорели лишь затылок и шея. Он тут же был арестован.

Через пятьдесят лет в Иерусалиме я встретилась с Ильей Рипсом, превратившимся из студента, подававшего большие надежды, в известного израильского математика, профессора математики в Еврейском университете в Иерусалиме. Сейчас он на пенсии.

Рипс рассказал мне, почему решил себя поджечь тогда, в 1969 году: «Внутри было очень сильное, но глухое возмущение. И особенно угнетала та мысль, что никак нельзя выразить свой протест. Любая акция могла бы стать абсолютно разрушительной. И приходилось вот так, как бы согнувшись, стиснув зубы, заниматься своими делами, как будто ничего не произошло. Так продолжалось несколько месяцев, пока в какой-то момент созрело простое решение — выразить свой протест открыто. Самая трудная вещь, которую я сделал в своей жизни, это было развернуть ватман. Плакат был завернут в ватман, пока я его не развернул, я мог поджечь хвост... Когда же я его развернул, то оказался уже по ту сторону, они — по эту сторону. У меня ватник был облит изнутри бензином — надо было чиркнуть спичкой и поджечь — это было легче, чем развернуть плакат».

После задержания Илью привезли в Латвийский КГБ, предъявили обвинение в антисоветской агитации и пропаганде, а потом поместили в Рижскую психиатрическую больницу, провели экспертизу и признали невменяемым. Рипс вспоминает, что тогда ничего не знал о карательной психиатрии и все происходящее с ним стало для него удивительным и неожиданным. Он сидел в одиночке и решал математические задачи. Через полгода в Ригу приехал известный советский адвокат Семен Ария, с которым договорились родители Рипса.

Позднее Ария напишет в своих мемуарах, что на оправдание по делу о попытке саможжения рассчитывать не приходилось, и он решил попробовать оспорить в суде заключение о невменяемости своего подзащитного и диагноз «вялотекущая шизофрения».

Политические «ПСИХИ»

«Э

тот диагноз был сравнительно недавно внедрен в практику светилами карательной психиатрии.

Он мог быть поставлен при полном отсутствии симптомов шизофрении на основании любых странностей в поведении обвиняемого. В том числе и таких, которые носили характер элементарной психопатии у нормального человека», — пишет Ария.

Судебный процесс в Верховном суде Латвии происходил без Рипса. Ему, признанному психическим больным, не полагалось присутствовать. Адвокат Ария пригласил на суд свидетелей, которые рассказали о математических талантах его подзащитного, допросил он также приглашенных им психиатров. И тут произошел поворот, которого адвокат Ария не ожидал: в перерыве к нему подошла ведущий психиатр Латвии Зузанна Русинова, она представляла экспертную комиссию, и сказала, что собирается изменить свое заключение и предложит для Рипса больницу общего типа, из которой можно довольно быстро освободиться — раз в полгода там собирается комиссия, которая рассматривает вопрос об освобождении, если пациент больше не представляет опасности для общества.

Рипсу помогло также и то, что к тому времени из заключения освободился диссидент Владимир Буковский, он сам дважды сидел в психушке и теперь собирал документы о «карательной психиатрии», о случаях принудительного помещения в больницы здоровых людей и отправлял эти документы на Запад. Резонанс после выступлений Буковского и заявлений других экспертов в западной прессе о том, как

здоровых людей закалывают психотропными лекарствами, получился достаточно мощный. Реакция советских властей не заставила себя ждать. Многих диссидентов, которые тогда содержались в психушках, начали выпускать на свободу.

Так вот и в Ригу из Москвы приехал профессор Института им. Сербского Даниил Лунц, один из двух «светил» советской психиатрии, придумавших для диссидентов диагноз «вялотекущая шизофрения». Он осмотрел Рипса и заявил, что у того наступило «улучшение».

Математика выписали из психбольницы, и он вместе с родителями эмигрировал в Израиль.

В психушку за организацию митинга

Пятьдесят три года спустя, в феврале 2023 года, 18-летний москвич Максим Лыпкань подал в мэрию заявку на проведение 24 февраля митинга на Лубянской площади под названием «Год ада». В заявке Лыпкань указал, что в акции примут участие около тысячи человек. Через четыре дня мэрия отказала ему в проведе-

нии митинга, сославшись на эпидемиологические ограничения.

А 22 февраля 2023 года Хамовнический суд Москвы арестовал активиста по статье «распространение фейков про российскую армию» (ч. 2 ст. 207.3 УК РФ). В августе Максима отправили в Институт им. Сербского для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Психиатры спрашивали, почему он столь негативно относится к действиям государства, спрашивали, предпочитает ли он отправиться отбывать наказание в колонию или в психбольницу. Максим Лыпкань был напуган, до проведения судебно-психиатрической экспертизы в Институте им. Сербского он уже несколько месяцев пробыл в Бутырском СИЗО, он знал, что ему грозит до восьми лет колонии. Врачи признали, что он «страдает психическим заболеванием, которое лишает его в момент совершения деяния возможности осознавать характер своих действий и руководить ими».

Максима отправили на время суда в Чеховскую психиатрическую больницу, но ни он, ни его защитники не сомневаются, что суд примет решение о его принудительном стационарном лечении, хотя адвокаты будут просить о возможности посещать психиатра, не находясь за решеткой.

Архив

Илья Рипс

Когда речь идет о принудительных мерах медицинского характера, то есть, по сути, о замене тюремного срока психиатрической больницей, суды опираются исключительно на судебно-психиатрическую экспертизу и мнение прокурора.

Судей пугают политические обвинения и заключения психиатров. А они, как правило, типичные: «У пациента отмечается наличие сверхценных идей о политике... нарушение критических и прогностических способностей, пациент представляет социальную опасность для себя и других лиц... и нуждается в направлении на принудительное лечение в медицинскую организацию специализированного типа...»

«Против социализма может выступить только сумасшедший»

Эта фраза, приписываемая Никите Хрущеву, сегодня снова является руковод-

ляют людей, не представляющих опасности для общества, в сумасшедшие дома. Почему врачи-психиатры снова, как и сорок-пятьдесят лет назад, выносят свои экспертные заключения, основываясь на том, что тексты, написанные обвиняемыми, или видеопосты, размещенные ими в соцсетях, противоречат пресс-релизам Минобороны?

Это повторение пройденного. У властей те же рефлексы — борясь с инакомыслием, они решили прибегнуть к уже испытанному средству — карательной психиатрии. Зачем?

Цель понятна, как и в Советском Союзе: закрыть судебный процесс против новых «врагов народа», чтобы публика и журналисты не слышали их речей, не давать им лишний раз трибуну. Второе: очень удобно объявить сумасшедшими тех, кто не согласен с проведением СВО. Это уменьшает их героизацию, кроме того, в очередной раз поддерживает страх в обществе, напоминая, что за инакомыслие можно прослыть сумасшедшим и отправиться на бессрочное заключение в психбольницу.

судебно-психиатрической экспертизы были признаны невменяемыми, кого-то из них еще до суда отправили из СИЗО в психушку, но этот сюжет так и остался маргинальным. Мы не слышим громкого возмущения, что карательная психиатрия возвращается, реинкарнируя прежние механизмы: предвзятую судебно-психиатрическую экспертизу, заточенную на восприятие критического отношения к власти как на проявление психического заболевания.

В советское время, когда известных диссидентов закрывали в психушках, об их пыточном содержании там весь мир узнавал благодаря правозащитникам, которые получали свидетельства через адвокатов. Так, например, известный адвокат Софья Каллистратова, защищавшая генерала Петра Григоренко, рискуя потерей адвокатского статуса, в 1970 году передала досье по его делу психиатру Семену Глузману, тот, в свою очередь, отправил все документы вместе со своей независимой психиатрической экспертизой академику Андрею Сахарову. Материалы этого дела, вместе с притянутыми за уши судебно-психиатрическими экспертизами и материалами других похожих дел, легли в основу подробных международных докладов.

Тогда весь мир ужаснулся тому, что в СССР используется карательная психиатрия против инакомыслящих.

Сегодня некому рассказывать о ее рождении.

Правозащитники в России разогнаны и обескровлены. Информация крайне скудна, адвокаты становятся более осторожными после репрессий в отношении их коллег — уголовных дел, арестов, изгнания из страны.

Кроме того, российская система исполнения наказаний так страшна, что в некоторых случаях и адвокаты, и их защитники считают, что, может, лучше оказаться не в колонии, а в психушке, и рассчитывать на возможное освобождение через полгода после проведения очередной врачебной комиссии. Поэтому они предпочитают не поднимать большой шум. Но есть и иная позиция: некоторые адвокаты бьют тревогу. Они согласны, что пока не следует говорить о массовом использовании карательной психиатрии в отношении обвиняемых по политическим статьям, но «процесс пошел».

Соцсети

Максим Лыпкань

ством к действию для судей и прокуроров. И хотя вполне вероятно, что некоторые из них никогда ее не слышали и в силу возраста не знают о том, что такое карательная психиатрия, но почему-то они, как и сорок-пятьдесят лет назад, отправ-

Все так и не так. Сегодня мы живем в крайне лукавое время, время подмен и манипуляций, время неопределенности и всепобеждающего страха, царящего в обществе.

Уже несколько десятков обвиняемых по политическим статьям в результате

Политические «ПСИХИ»

Случай Вики Петровой, менеджера из Санкт-Петербурга, которую в декабре 2023 года приговорили к бессрочному лечению в психиатрической больнице из-за нескольких постов в соцсетях, приговорили по доносу ее сокамерниц в СИЗО, заявивших, что она продолжает вести антивоинные разговоры. Интересно, что психиатры несколько раз назначали ей судебно-психиатрическую экспертизу, они не сразу нашли основания признать Петрову невменяемой. Ее адвокат и сама Вика на суде заявляли, что на воле она не обращалась к помощи психиатра.

«Фейки» без мотива — не «фейки»

В принципе, сама статья о «фейках» — настолько юридически беспомощна и неконституционна, что адвокаты легко разбивают аргументы обвинения на суде. Кроме того, считают юристы, состав преступления по этой статье никак не может быть предъявлен обвиняемому, если его признают невменяемым. Статья 207 (ч. 1, 2, 3) подразумевает умысел: обвиняемый должен осознавать, что он распространяет заведомо ложные сведения, — таков состав преступления. А невменяемый человек не может руководствоваться умыслом при совершении того или иного деяния. Он не может осознать свои поступки, у него нет мотива, он действует неосознанно.

Судьи, которые выносят решения на политических процессах, как правило, воспринимают адвокатов как статистов

или как «назойливых мух», которые мешают вершить правосудие. У судей есть четко поставленная задача — удовлетворить волю прокурора, волю государства, поэтому они игнорируют мнение адвокатов.

Психушка или колония?

Адвокат Анастасия Пилипенко, защищающая Вику Петрову, объясняет в своем телеграм-канале, почему и она, и ее подзащитная считают, что решение суда о ее пребывании в психбольнице не лучше, чем срок в колонии: «Когда полгода лечения подходят к концу, в больнице собирается комиссия, которая решает, что рекомендовать суду — оставить человека в стационаре, перевести на амбулаторное лечение или вовсе отпустить.

Комиссия всегда учитывает, как пациент вел себя все это время, демонстрировал ли «критику к заболеванию» и «критику к содеянному». То есть, если проще, согласен ли он с тем, что действительно болен и в этом состоянии совершил что-то плохое.

И даже если пациент говорит, что признает это, комиссия нередко пишет в заключении «критика к заболеванию

формальная». Разбивать эту формулировку в суде — задача не самая легкая.

А еще комиссия очень часто говорит, что за шесть месяцев пройдена только адаптация к больнице и медикаментам, и о реальных результатах лечения говорить рано, поэтому просит у суда еще полгода. И так далее.

Районные суды соглашаются с заключениями врачей в подавляющем большинстве случаев. Поэтому многим пациентам продлевают пребывание в стационаре по пять, восемь, десять раз. Умножьте эти цифры на 6 месяцев, и получите срок, сопоставимый с наказанием за «фейки».

Недавно, кстати, и Конституционный суд постановил, что принудительная мера медицинского характера может применяться сколько угодно — даже дольше, чем предельный срок лишения свободы по статье УК, которая привела человека в психиатрическую больницу.

Только у лишения свободы, которое назначено по приговору суда, есть вполне понятный срок. И еще возможность замены неотбытой части наказания более мягким. Или перевода на облегченные условия отбывания наказания. Или УДО, в конце концов, — по статье, которая вменяется Вике, это половина назначенного судом срока.

Санкт-Петербург Live

Вика Петрова

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В срок лишения свободы зачтут время, проведенное в СИЗО. В срок применения принудительных мер медицинского характера не зачтут ничего, потому что не положено. Полтора года в СИЗО — и ни выпела, ни грамоты, ни каких-то побряжек за это в итоге.

Вместо этого в психиатрическом стационаре будут нейролептики, антипсихотики, транквилизаторы и прочие прекрасные препараты, которые даже при правильном и аккуратном применении могут иметь о-го-го какие побочки и последствия для здоровья».

А вот что написала сама Вика Петрова, обращаясь к своим друзьям и сочувствующим: «Дверь в исправительную колонию, с порога которой веет холодком жестких внутренних правил и порядков; возможно, пресса (от слова «прессовать»); тяжелой физической работой по 14 часов без выходных и прочих радостей, оказалась захлопнутой. Вместо нее открылся целый портал 24-часового существования на тяжелых препаратах [состояние «овоща», пусть даже в мини-версии, или колония? Конечно, колония!]; больничной «недееспособности» [письменные принадлежности — предмет

особого, ежедневного дипломатического торга, и только на посту у медсестры, под присмотром]; полная неопределенность относительно того, когда же наконец комиссия врачей увидит во мне хоть толику вменяемости, хоть 1% — все лучше, чем полная и абсолютная невменяемость, 100% неосознанность собственных действий и 100% невозможность нести за них ответственность.

С тюрьмой все было как-то попроще. Доказать же, что в твоей голове полный космический порядок, наблюдаемая Вселенная на субатомном уровне подчиняется законам природы, биологическая жизнь эволюционирует, технологическая сингулярность приближается, квантовая теория гравитации ищется, равно как и лекарства от старости, ведущие нас напрямиком к бессмертию, — задача не из легких.

Конечно, один-два года, и все будет ОК — отобьемся в международных судах, признаем процесс политически репрессиями, а «принудку» — карательной психиатрией, держащейся всего лишь на одной некомпетентно составленной психиатрической экспертизе,

которую у меня не было возможности адекватно оспорить».

Понятно, что Вика пытается подбодрить себя и своих друзей. Но на самом деле, пока не изменится политика в России и не закончится СВО, трудно поверить, что в комиссиях психиатрических больниц среди врачей найдутся те, кто решит, что у «политических психов» появилось критическое отношение к своему состоянию, «исправились прогностические способности» и они больше не представляют опасность для общества.

И в этом смысле ситуация с карательной психиатрией в современной России кажется худшей, чем она была в Советском Союзе. Потому что тогда были те, кто мог ее разоблачить, а советская власть боялась этих разоблачений. Сегодня же, повторюсь, разоблачать этот новый-старый метод репрессий — некому. А власть, кажется, уже ничего не боится, и терять ей особо нечего...

Зоя Светова

Напечатай мне денег!

ПОЧЕМУ ФИНАНСОВЫЙ РЕГУЛЯТОР НЕ МОЖЕТ
УСКОРИТЬ ЭКОНОМИКУ И ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ,
ЕСЛИ ОН ВСЕ-ТАКИ ПОПРОБУЕТ ЭТО СДЕЛАТЬ

Дмитрий
Прокофьев

Бумажный рубль вместо золотого

(Вместо предисловия)

На рубеже XX века экономический публицист Сергей Шарапов выпустил брошюру под хлестким названием «Бумажный рубль», в которой раскритиковал существовавшую тогда систему «золотого стандарта» российского рубля. Эффектное название его и подвело — кто листал книжку, не вникая в мысли автора, мог подумать, что экономист предлагает заменить золото какими-то ничем не обеспеченными бумажками, от которых российская финансовая система едва извлеклась в конце XIX века.

На самом деле Шарапов пытался объяснить, как работают «фиатные деньги» и почему привлекательность валюты определяется не возможностью ее размена на золото по фиксированному курсу, а низкими кредитными рисками деловых операций.

Любые деньги — всего лишь единообразно учтенные долговые расписки, говорил Шарапов. Точнее, деньги — это и есть кредит: два разных названия одного и того же — активов и пассивов банковского сектора. Выдача кредита одному человеку означает и ровно такой же (по модулю, но противоположный по знаку) прирост денежного сбережения другого человека. Рубль, взятый в долг на расходы покупателем Ивановым, обернется рублем прихода на счету продавца Петрова. И с этой точки зрения бумажки с надписью «рубль» будут «бумажками с надписью» до той секунды, пока Иванов не возьмет их в кредит у банка. И только так они станут собственно деньгами.

Допустим, могли спросить читатели, и что из этого следует?

А то, объяснял Шарапов, что «золотое содержание» денег не имеет значения, поскольку «автоматичность денежного снабжения страны... заключается в правильно организованной сети кредитных учреждений, опирающихся на центральный регулятор денежного обращения и кредита».

Как эта сеть будет работать? Очень просто, объяснял идеолог бумажного рубля. Самой сложной будет корректная оценка кредитоспособности заемщика — «ни одного рубля не должно быть выдано не на дело или в неверные руки».

Как обеспечить правильную оценку кредитных рисков? Для этого нужна целая сеть мелких банков, которые максимально приближены к клиенту и знают, что представляет собой тот или другой потенциальный заемщик.

Как только заемщики начнут расходовать поученные ими деньги, в разных руках начнут скапливаться денежные знаки, свободные от немедленного расходования, продолжал свою мысль Шарапов. И вот тут рядом должна быть касса, куда эти знаки можно отнести на вклад или текущий счет, получая за них проценты. Начнется приток вкладов, который будет настолько меньше их оттока из касс, насколько есть нужда в наличных деньгах.

И сколько нужно будет таких денежных знаков вообще? Заранее этого знать нельзя, говорил Шарапов, цифра, выражающая потребность данного района в денежных знаках, будет вечно изменяться, отражая состояние сделок.

Ну, а что послужит гарантией стабильной ценности этих денег, которые каждый банк сможет фактически создавать, исходя из собственной оценки степени платежеспособности заемщика?

И вот тут Шарапов озвучивал другую идею: постоянное равновесие денежного обращения будет удерживаться за счет ставок по кредитам — ключевая ставка. При застое и приливе вкладов понижается процент по вкладам и ссудам, промышленность поощряется более дешевым наймом денег, объяснял Шарапов. При промышленной горячке и усиленном требовании денег вкладной и ссудный процент повышаются — поощряются осторожность и спокойствие.

«Верная и умелая учетно-ссудная политика может служить великолепным регулятором денежного обращения и надежной гарантией постоянства ценности бумажных денег, хотя бы не обеспеченных никаким металлом...»

Собственно, так и работает ФРС США, могли бы мы сказать сегодня. При этом Федеральная резервная система возникла примерно в те же годы, когда Шарапов пытался объяснить, как устроены кредитные деньги.

Но в то время в России Шарапова не услышали. Правительство было занято привлечением иностранных капиталов, необходимых для первой индустриализации, и возможность размена русских рублей на полновесное золото казалась важным аргументом для европейских

инвесторов, готовых финансировать проекты в России — от строительства Транссибирской магистрали до производства арматуры для водопроводов.

Но в ситуации, когда правительству понадобилось срочно увеличить расходы (в начале Первой мировой войны), сильная сторона рубля обернулась слабой — размен бумажных рублей на золото был прекращен, а финансового регулятора, способного управлять денежно-кредитной политикой, о создании которого говорил Сергей Шарапов, в стране не было, гарантией стабильности рубля были золотые запасы Госбанка. В результате лишённые золотой поддержки российские банковские билеты стали терять свою ценность, а последующие события стерли в порошок и частные банки, и сбережения вкладчиков.

Разочарование товарища Дзержинского

В начале 1920-х годов финансовые власти СССР решили повторить опыт царского правительства и ввели в обращение «золотые червонцы», ничем не отличавшиеся от «империалов» за исключением чеканки — вместо царя Николая на новых монетах был изображен мужик-сеятель. Но что-то пошло не так.

Как писал сотрудник Историко-дипломатического управления МИД СССР Александр Донгаров в книге «Иностранный капитал в России и СССР», «...червонец «весил» золотом столько же, сколько николаевская золотая десятка, которая до революции менялась на фунт стерлингов... Но в плане покупательной способности червонец не шел ни в какое сравнение с английской валютой».

Если на Западе после войны цены на многие промышленные товары остались на уровне довоенных или даже снизились, то в Советской России они выросли в 2–4 раза. Первое время червонец спасала дешевизна советской сельскохозяйственной продукции; однако к середине 1920-х годов подорожала и она.

Напечатай мне денег!

Недовольство сложившейся ситуацией высказал сам Феликс Дзержинский, руководивший не только тайной полицией, но и Высшим советом народного хозяйства: «Если сравнить покупательную способность червонца у нас на рынке и иностранной валюты на заграничном рынке, то окажется, что на ту валюту, на которую наши экспортеры продают свои заготовки, они могли бы за границей купить гораздо большее количество изделий, товаров, чем на те червонцы, которые они получают в обмен на валюту... Червонцы, обмененные на валюту в Госбанке, дают советским импортерам возможность купить гораздо больше, чем на эти червонцы можно купить у нас».

В июне 1926 года на валютном рынке в СССР за два фунта стерлингов давали три червонца — притом что содержание золота в монетах было одинаковым. Просто на одну монету можно было купить много английских товаров, а на другую — мало советских.

Что же касается признания червонца мировым валютным рынком в качестве надежного средства расчетов, все получилось еще менее удачно. Официально червонец впервые был включен в котировку на Рижской бирже 10 апреля 1924 года. Кроме того, червонец котировался в Эстонии, Италии, Китае, Монголии и Иране.

В Лондоне советская валюта не котировалась. Но поскольку английским импортерам советской продукции бывали нужны червонцы для сделок, во второй

половине 1923 года Госбанк СССР договорился с британским «Ллойдс банком» о продаже и покупке червонца по золотому паритету, вне зависимости от реальной покупательной способности рубля. (Довоенный золотой паритет — 1 руб. = 0,7438 г золота.) Но английские фирмы покупали червонцы только для совершения конкретных сделок.

«...ни корреспондентские соглашения, ни неофициальная котировка червонца некоторыми банками, ни официальная котировка его на нескольких периферийных биржах не означали, что мировой валютный рынок признал червонец в качестве надежного средства накопления и расчетов по всем видам платежей. Здесь червонец не котировался, и поэтому все расчеты с концессионерами приходилось вести в иностранной валюте», — писал Александр Донгаров.

В 1926 году червонец перестал размещаться на золото и валюту на частном валютном рынке, а в 1928 году был введен запрет на вывоз червонцев из СССР. С тех пор червонец не котировался уже нигде, а советский «денежный знак» превратился из средства сохранения ценности в средство изъятия трудовых ресурсов у населения.

Перекошенный рубль

Как работала система такого изъятия, объяснял последний премьер-министр СССР Валентин Павлов в книге «Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку»;

«...в СССР сбережения населения играли роль основных кредитных ресурсов. Собственными средствами предприятий обеспечивались только минимальные их потребности, остальное — кредит. Хозяйственная практика была такова: Сбербанк брал наши деньги под низкий процент и через Госбанк СССР под более

высокий процент отдавал займы тому, кто испытывал недостаток в средствах. В результате общая совокупная потребность денег в стране минимизировалась. Ведь мой временный избыток покрывал чей-то недостаток.

По статистическим данным, 55% оборотных фондов промышленности, сельского хозяйства и транспорта покрывались кредитом, за которым стояли вклады населения в сберкассах и счета прибыльных предприятий. Принадлежа конкретным физическим или юридическим лицам, эти вклады служили источником для кредитования народного хозяйства...»

«...При централизованном планировании все доходы и расходы в масштабах СССР строго увязывались между собой. Но зато неизменно — каждый год! — возникали очень большие сложности с балансированием доходов и расходов населения. Потому что экономика была перекошена в сторону тяжпрома. Фонд накопления достигал 36%.

Однако станками с числовым управлением, ракетами или истребителями-перехватчиками <...> нельзя было удовлетворить потребительский спрос населения. За этим вопросом стояла важнейшая проблема поддержания покупательной способности потребительского рубля.

И если порой менялись цены на отдельные виды товаров, то вовсе не для того, чтобы пополнить бюджет, как считали малосведущие в финансовых вопросах журналисты.

Эти деньги нужны были прежде всего, чтобы не допустить снижения реального курса потребительского рубля».

Другими словами, правительство СССР оплачивало труд людей «денежными знаками», заведомо зная, что потратить эти деньги «по гарантированным ценам» люди не смогут — товаров в необходимом количестве промышленность просто не выпускала и не планировала выпускать.

Правительство и Государственный банк СССР вполне понимали процессы, про-

исходящие в экономике, но исправить ее «перекошенную структуру» так и не смогли до самого распада СССР. Денежно-кредитную систему страны пришлось собирать заново, и первая же проблема, с которой столкнулись финансовые власти РФ, была зашкаливающая инфляция, в то время как экономические власти столкнулись с падением производства.

Столкновение этих проблем и породило дискуссию между двумя сторонниками противоположных взглядов на роль и задачи Центрального банка.

Центральный банк — локомотив экономики или амортизатор кризисов?

Кратко сформулировать эти две позиции можно так:

Позиция А) Проблема экономики заключается в нехватке денег для финансирования различного рода проектов.

Центральный банк может «напечатать деньги», необходимые для оплаты задач, которые перед экономикой ставит правительство. Будет денег больше — и денег хватит всем. В этой логике ЦБ — это такой паровой локомотив экономики, который, если начать забрасывать в его топку банковские билеты, потащит экономику вперед, в направлении, определенном правительством.

Позиция Б) Центральный банк (финансовый регулятор) не локомотив экономики, и финансовому регулятору нет дела до экономического роста. Его задача — обеспечение функционирования денежно-кредитной системы.

У замечательного экономиста Сергея Журавлева было отличное определение: «Если принять экономику за автомобиль, а «шоки» — за кочки и выбоины на дорогах, то ЦБ своей денежно-кредитной политикой выполняет в машине роль амортизатора. Сам по себе он не может ускорить или замедлить среднюю скорость движения за сколько-нибудь продолжительный промежуток, но может немного уменьшить дискомфорт езды по кочкам для водителей и пассажиров».

Почему так? Разве Центральный банк не может сделать так, чтобы денег в эко-

номике стало больше? Нет, это работает сложнее, объяснял Сергей Журавлев:

«...занимая деньги у банка, мы, конечно, занимаем не у банка (который тут лишь технический посредник), а у того, кто принес туда вклад или держит остаток на счету для платежей. Таким образом, всему депозитному компоненту денег, т.е. вкладам и средствам на расчетных и текущих счетах, противостоит, грубо говоря, кредит.

При этом банки и создают деньги, так как, взяв кредит, заемщик или не сразу его потратит и оставит часть на счету, или даже потратит сразу, но тогда деньги попадут на счет к тому, кому он заплатит. А из этих остатков банк может собрать новый кредит и т.д. — процесс этот ограничен только двумя вещами — желанием заемщика иметь какую-то часть денег в виде наличных и обязанностью банка держать часть привлеченных денег в резервах в ЦБ.

Наличные в наших карманах — точно такое же свидетельство долга, номинально выпустившего их ЦБ, а фактически того, под чей долг ЦБ их напечатал. Обычно — это долг правительства, финансирующего таким образом часть своих расходов».

Иначе говоря, мы можем накапливать деньги, только если на другом конце цепочки есть кто-то, кто занимает. И никак иначе, резюмировал Сергей Журавлев.

То есть ключевой механизм действующей финансовой системы — это желание кого-то взять в долг для каких-то своих нужд, а Центральный банк решает, на каких условиях это может быть сделано.

Но что произойдет, если финансовый регулятор попытается оживить экономику, руководствуясь не оценками кредитных рисков, но действуя «в интересах правительства» и по его приказу?

На этот счет у историков экономики есть прямо-таки образцовый пример.

Максим БОГОДВИД / РИА Новости

Напечатай мне денег!

Рост цен вместо роста производства

В 1964 году в США правительство президента Линдона Джонсона понизило налоговые ставки — в рамках реализации проекта «Великого общества», обещанного президентом. Причем понижение произошло на фоне высоких темпов роста и низкой безработицы. Экономика ускори­лась, а к 1968-му была уже явно перегрета. Американским финансовым регулятором руководил в то время опытнейший администратор и хороший экономист Уильям Мартин, возглавивший ФРС еще при президенте Гарри Трумэне, в 1951 году.

ЧТО ТАКОЕ НЕЗАВИСИМОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

Центральный банк является независимым, если на его решения в сфере денежно-кредитной политики (например, повысить/пони­зить ставку и на какую величину) не влияют политические лидеры или частный сектор. В свою очередь, ЦБ изолирован от принятия социально-экономических и политических решений избираемыми властями.

Центральные банки официально наделены определенными обязанностями и ответственностью: они обеспечивают общественные блага (такие как финансовая стабильность), которыми пользуется все

общество в целом. Идея независимости ЦБ в том, чтобы эта деятельность не была перенаправлена в пользу только каких-то отдельных групп за счет всех остальных или в поддержку конъюнктурных либо популистских решений, которые в итоге принесут обществу вред.

Мартин был убежденным сторонником независимости Центрального банка (в 1951 году он стал одним из авторов Соглашения между ФРС и министерством финансов США, в рамках которого минфин отказывался от принуждения ФРС к покупкам казначейских ценных бумаг, а ФРС получала самостоятельность в проведении денежно кредитной политики в интересах макроэкономической стабилизации). И столкнувшись с «усиленным требованием денег», Мартин проголосовал за ужесточение денежной политики.

Взбешенный президент Джонсон вызвал Мартина в свою резиденцию в Техасе и сказал ему: «Когда мои мальчики умирают во Вьетнаме, ты отказываешься напечатать нужные мне деньги!» Мартин, кстати, отказал Джонсону в «печатании денег», но спустя два года уже новый президент, Ричард Никсон, поставил во главе ФРС «своего человека».

Этим человеком был Артур Бернс, гораздо более «звездный» экономист, чем его предшественник Мартин. Бернс был учителем нобелевского лауреата Милтона Фридмана и автором выдающихся работ по теории бизнес-циклов. В отношении кредитной политики Бернс был консерватором и ненавидел инфляцию. Но — какая ирония судьбы — Бернс, руководивший ФРС с 1970 по 1978 год, считается худшим председателем ФРС, а семидесятые годы XX века вошли в экономическую историю США как «Великая инфляция» — период самых высоких темпов роста цен с послевоенного 1947 года.

Что же случилось?

Ответ на этот вопрос дал исследователь Томас Дрексель из Университета Мэриленда в своей работе *Estimating the Effects of Political Pressure on the Fed: A Narrative Approach with New Data*, опубликованной в январе 2024 года.

Дрексель изучил архивные записи американской Президентской библиотеки о ежедневных графиках работы 13 президентов — от Франклина Рузвельта (1933 г.) до Барака Обамы (2017 г.). Документы содержат поминутную информацию обо всех мероприятиях с участием президентов, включая их встречи с 11 председателями ФРС, сменившимися за 83 года.

И почему бы президенту не поговорить лишний раз с главой Центрального банка? Разумеется, соглашался Дрексель, поговорить можно — вопрос только в том, как часто и как долго они будут это делать?

Анализ записей показал, что по времени, затраченному на общение между президентом и председателем ФРС, лидерами оказались Бернс и Никсон, часами обсуждавшие вопросы понижения учетной ставки и расширения кредита. Поначалу Бернс пытался объяснить президенту риски печатания денег, но в итоге не смог противостоять давлению Никсона и его окружения. «Невежды, крутящиеся вокруг Белого дома... почти убедили президента, что монетарная политика — не то, чем она должна быть», — записал Бернс в своем дневнике. В конце концов накануне выборов Никсона глава ФРС понизил ставку, и поток «дешевых денег» пошел в экономику.

Но вместо «роста производства» США получили «рост цен».

Почему это могло произойти — ответ на этот вопрос еще в 1972 году дал будущий нобелевский лауреат Роберт Лукас, объяснивший это тем, что политики недооценивают способности людей и компаний к прогнозированию. Когда Центробанк смягчает монетарную политику в силу ухудшения экономической активности, такая мера действительно

Петр САРУХАНОВ

оживляет экономику. Но при политическом вмешательстве все работает иначе.

Если власти по каким-то своим причинам хотят раздать денег, почему бы их не взять побольше и побыстрее, рассуждают люди. Рост номинального спроса вызывает рост цен на товары и услуги. И если люди это предвидят, они требуют и более высоких зарплат. А фирмы вслед за растущими издержками увеличивают цены. При этом реальные издержки не меняются, поэтому фирмам нет смысла увеличивать производство. В итоге вслед за ростом номинального спроса увеличится только инфляция, а не выпуск товаров.

В краткосрочной перспективе люди могут и не осознавать, что «накачка спроса деньгами» ведет к росту инфляции. Но в долгосрочной перспективе из-за ра-

циональности ожиданий экономических агентов подобный рост денежной массы изменит лишь уровень цен в экономике, никак не увеличив объем ее производства.

Осознание того, что Центробанк не независим в своих действиях, повышает инфляционные ожидания экономических агентов, одновременно подавляя рост их активности. Это, в свою очередь, усугубляет инфляционные последствия политически мотивированных экспансий.

Таким образом, расчет политиков на выигрыш от вмешательства в решения Центробанка может привести к прямо противоположному результату. Независимость Центрального банка в принятии решений — не прихоть, а результат длительного опыта экономических кризисов и ошибок. А правительст-

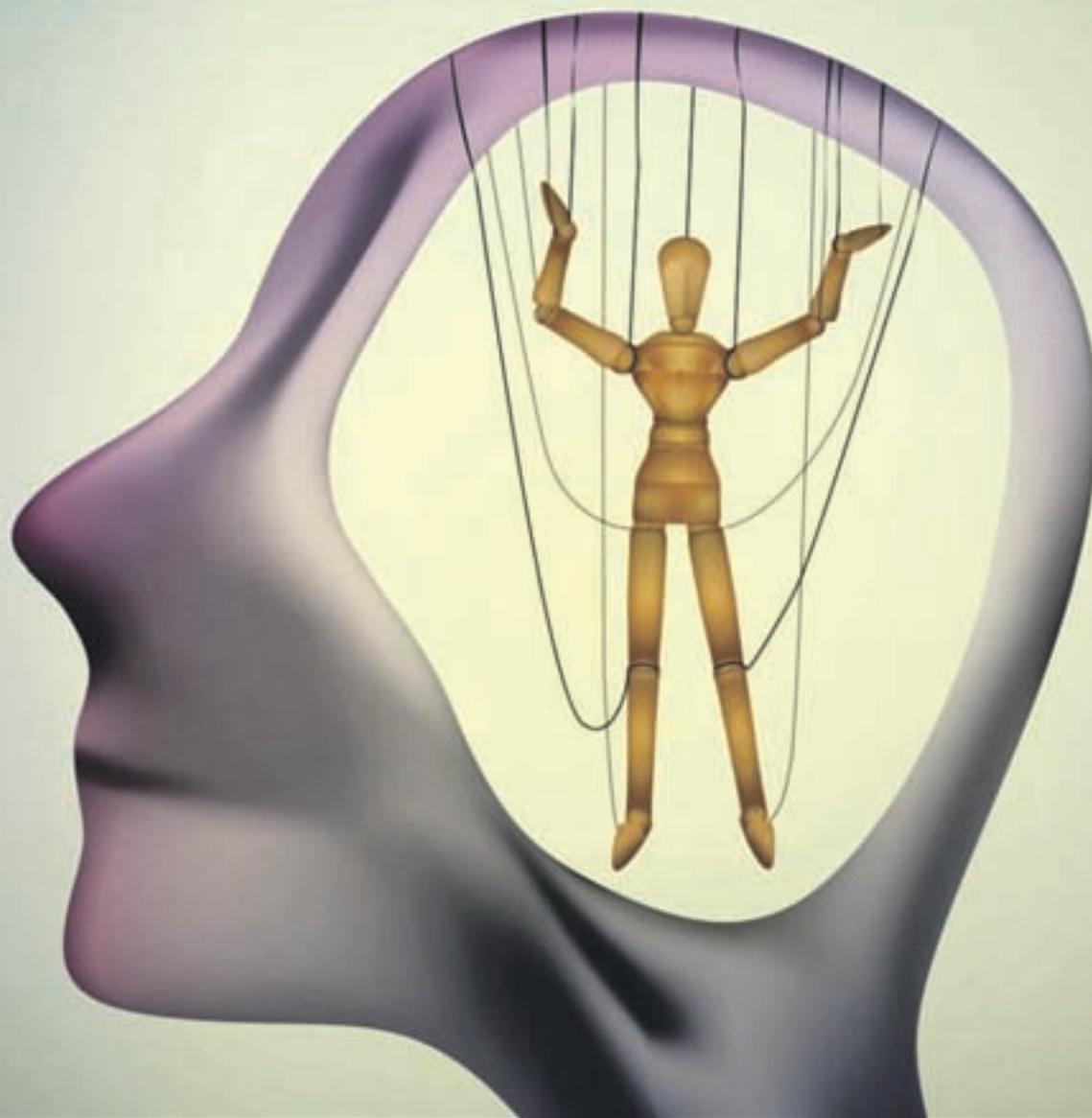
ву следует вспомнить, что писал Сергей Шарапов 120 лет назад: «Цель финансовой политики, с одной стороны, создать наилучшую обстановку народному труду и наибольшее материальное благосостояние народу, с другой стороны, изыскать средства возможно большие при наименьших жертвах со стороны народа для исполнения государством своих целей и задач». А лучший результат деятельности Центрального банка и его «главная ставка» — это сбалансированность денежного обращения в стране.

Дмитрий Прокофьев

О ЧЕМ ДУМАЮТ В РОССИИ

Социологическая рубрика

(18+) НАСТОЯЩИЙ
МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН
И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

Горизонты повседневного будущего

Лев
Гудков

Как показывают опросы общественного мнения, к концу 1990-х годов основная масса населения утратила возникшие в перестройку надежды на то, что отказ от социализма немедленно обернется процветанием страны, свободой, демократией, безопасностью и проч.

Еще через несколько лет, уже после передачи президентской власти от Ельцина Путину, в обществе исчезло представление о целях политики, проводимой руководством страны. Лишь 18% опрошенных (в среднем за 2004–2022 гг.) заявили, что они вполне понимают смысл и значение проводимой президентом политики; 42% говорили, что они «смутно» представляют себе цели и направление, в котором движется страна под нынешним руководством; у 24% — нет никакого понимания, а 11% — считали и считают, что «дела пущены на самотек» (плюс еще 5% в среднем за эти годы затруднились ответить на подобный вопрос). Иначе говоря, в среднем 82% россиян отвечали, что живут «без понятия» о целях руководства или не особенно нуждаясь в таком понимании, довольствуясь текущими заверениями пропаганды (при том что эгоистические мотивы действий руководства: сохранения власти, обогащения, ликвидации протеста и т.п., — не вызывают у них сомнений).

Колебания мнений незначительны. Респондентов, которые считают, что они «довольно ясно» представляют себе, куда ведет страну политическое руководство, становится чуть больше в моменты военных кампаний и акций пропагандистской мобилизации поддержки президента или недолгое время после них. (Особенно такой рост заметен в самом начале СВО — увеличение с 13–15% в 2017–2018 гг. до 27% в ноябре 2022 г.) И, напротив, в период кризисов, массовых протестов (2012–2013 гг.) и возникших впоследствии состояний разочарований, растерянности доля таких ответов снижалась до нижнего уровня в 12–13% при соответствующем росте об-

щего числа непонимающих, что происходит в стране.

Политика при Путине приобрела закрытый характер, наиболее важные решения принимались узким кругом приближенных к президенту лиц и лишь затем утверждались декоративным парламентом. К началу второго президентского срока В. Путина в стране уже были ликвидированы основные достижения предыдущего периода — федерализм, свобода слова, разделение ветвей власти, партийный плюрализм, независимость суда, гарантии частной собственности и другие. После неудачи массовых протестов 2011–2012 годов стало казаться, что общество утратило представление не только о долгосрочной политической программе действий руководства, но и о своем будущем. Исчезновение партийной конкуренции в политике, упорная дискредитация западной демократии, бывшей со времен горбачевской перестройки ориентиром движения страны к лучшему будущему, мерой реформ и модернизации государства, сопровождались навязыванием населению фикции «традиционных ценностей», за которыми не видно ничего содержательного, кроме оправдания произвола государства по отношению к частной жизни человека или к общественной группе. За 20 лет правления Путина ситуация менялась лишь в сторону ужесточения режима. Требования соблюдать «идеологическую дисциплину», как когда-то это формулировал один из партийных погромщиков в Москве начала 1970-х годов — секретарь МК КПСС по идеологии Владимир Ягодкин, становились все более и более настоятельными. Но умеренный рост материального благосостояния значительной части населения и сокращение крайней, унижительной бедности до 9–12% оттеснили на задний план такие проблемы из массового сознания.

«Будущее», его предчувствие свелось к повторению терпимого «настоящего», лишённого собственного смысла. Но некоторые категории населения чувствовали себя вполне уверенно и сохраняли оптимизм на всем протяжении 2000-х годов, даже после разгрома НТВ, дела ЮКОСа и явного усиления авторитаризма в стране. В первую очередь речь идет о более обеспеченных людях, то есть о чиновничестве, почувствовавшем новые времена и новые возможности, и о бизнесе, но также и о молодежи с ее естественной в этом возрасте верой в то, что у них-то жизнь будет иной, чем у их родителей. Более того, именно такой вектор общественно-политической эволюции — консервативной реак-

ции на институциональные изменения 90-х годов — стал фактором успокоения и удовлетворения от происходящего. Удельный вес этих категорий в общей массе населения не слишком значителен, поэтому инерция такого распределения мнений о будущем сохраняется до нынешнего дня.

В отличие от физического времени (одномерного, бескачественного, линейно направленного из прошлого в будущее) социальное время принципиально неоднородно, поскольку оно определяется событиями, переживаемыми в их предсказуемости или неожиданности, желательности или нежелательности, наполнено иллюзиями и страхами перед последствиями принимаемых властями решений. Время в обществе квантифицируется в соответствии с нашими ценностями, заставляя нас так или иначе оценивать предстоящие, текущие или прошлые события в той мере, в какой они затрагивают нашу жизнь. Это может быть время надежд и упований на исполнение своих планов, или время смуты и тревожного ожидания катастрофических последствий когда-то принятых другими людьми решений. Но оно может восприниматься и как «застой», «безвременье», как отложенная на будущее «правильная» или «настоящая» жизнь. Иными словами, социальное время (как и вся человеческая жизнь) меряется, измеряется человеческими действиями, придающими напряженность и смысл происходящему.

В более общем виде предсказуемость или иррациональность настоящего и будущего зависит от степени доверия к социальным институтам, определяющим нормы как обыденного, так и общественного политического поведения. Для демократий характерна давно выявленная зависимость: чем выше степень личной включенности в политику, а значит — субъективной уверенности в возможности влияния, правового и морального контроля общества над действиями властей, тем выше степень субъективной ответственности за происходящее, основанной на вере в то, что законы приняты в интересах большинства людей, а потому будут соблюдаться.

Горизонты повседневного будущего

На это направлена работа суда, финансовых учреждений, полиции, политических партий, массовых коммуникаций, включая институт публичных репутаций и проч. Уверенность в их значимости позволяет инвестировать имеющиеся средства семьи в образование детей, в страхование жизни, вкладывать в пенсионные фонды, брать долгосрочные кредиты и проч. На этом стоит современное демократическое общество. Такой институциональный каркас общественной жизни является условием предсказуемости событий — поведения множества других людей.

Собственно, личное достоинство основывается на несомненности того, что другие люди будут так же признавать то, что субъект ценит выше всего в самом себе, если только он ведет себя в соответствии с ожиданиями и критериями окружающих или значимых для него других лиц.

Иная картина складывается в автократиях, диктатурах, тоталитарных государствах, где государство присваивает себе исключительное право диктовать людям, как они должны вести себя, чем заниматься, что есть или не есть, как и с кем спать, во что верить, что говорить и что читать

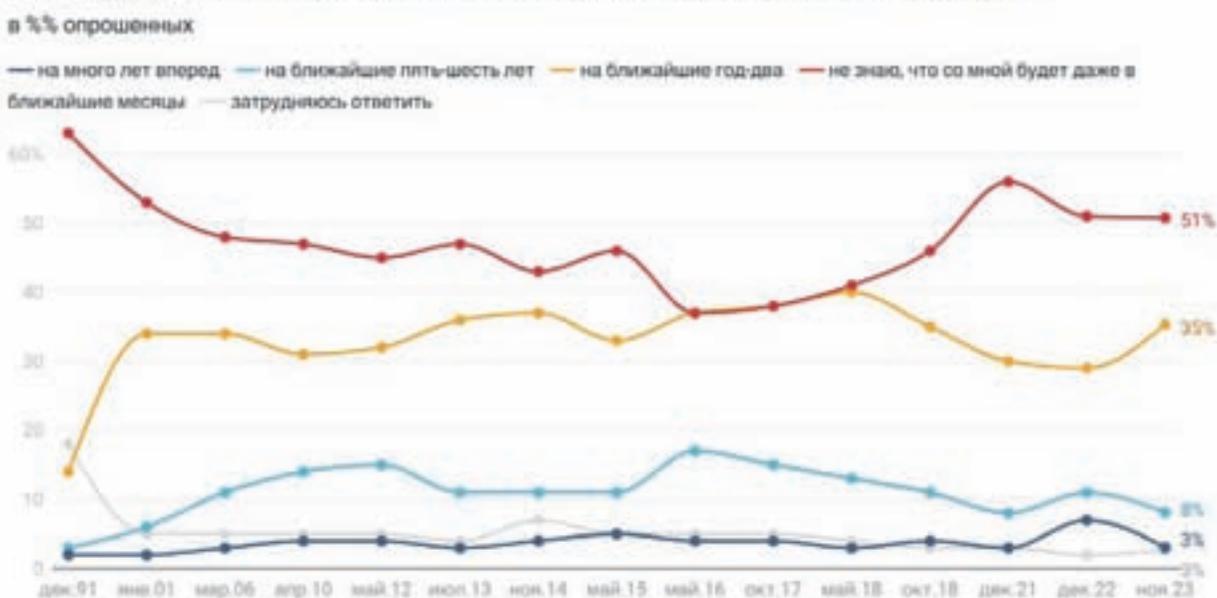
и смотреть, чего хотеть и чего ждать или не ждать. Суверенность власти, то есть ее независимость от интересов и желаний населения (по-русски — ее произвол), ее воля навязывать обществу свои интересы и представления в качестве народных, общеобязательных, ведет к хронической массовой неуверенности в завтрашнем дне (или отсутствию будущего), принимающей форму политической апатии граждан, лишенных представлений об общих целях и направленности событий. Эгоизм властей предрасполагает подданных приспособляться к непредсказуемому государству, стараясь минимизировать иррациональные последствия политики в своей повседневной жизни, будь то введение карантина при пандемии, повышение пенсионного возраста

или налогов, СВО и частичная мобилизация и т.п. И это порождает другое сознание, другую структуру социального времени, в котором резко повышается не просто неуверенность в завтрашнем дне, но и зависимость от государства.

Основная масса опрошенных не знает, что с ними будет даже в ближайшие месяцы (доля таких ответов, а это доминанта мнений российского населения, снижается с 64% в декабре 1991 года до 38–40% в 2015–2016 гг. и далее опять растет до 55–51% в 2021–2023 гг.). Порядка 35% опрошенных заявляют, что они могут рассчитывать свои планы на срок до одного-двух лет. Ресурсы еще 10–15% россиян позволяют им уверенно планировать свою жизнь в горизонте 5–6 лет. И, наконец, совсем немногие —

График 1

На сколько лет вперед Вы можете планировать свое будущее?

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН И РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 18+

Created with Dataartapp

2–3% — верят в предопределенность своего будущего, полагая, что их жизнь уже расписана на много лет вперед (граф. 1).

С возрастом горизонт планирования жизни последовательно сокращается, сужаясь до минимума у пожилых людей (граф. 2). Сокращение собственных ресурсов (пенсий, доступа к медицине, одиночество, отсутствие надежды на помощь окружающих людей, государства, социальных институций или благотворительных организаций) заставляет пессимистически смотреть на остаток жизни, теряя вкус к жизни и смысл своего существования. То же самое можно сказать и об ограниченности доходов. Бедная и стареющая страна не может позволить себе лучшее будущее в этом мире.

Данные массовых социологических опросов не позволяют говорить о содержательном характере мнений, что из них является беспочвенными надеждами или чистыми желаниями, заклинаниями будущего, а что представляет собой рациональные расчеты своих карьерных, семейных или материальных достижений. Косвенно об этом можно судить по эмоциональному фону повседневного существования основной массы людей и их оценкам будущего России (граф. 3 и 4). На протяжении последних 10 лет преобладает общее беспокойство и неуверенность. Единственные два момента, когда возникает относительное спокойствие, — это 2017 год (доковидный пик нормализации жизни после эйфории «Крымнаш» и связанных с ним невольных страхов из-за возможной внешнеполитической конфронтации и вероятности большой войны) и вторая половина 2023 года, рутинизация ситуации в зоне военных действий.

Растерянными и дезориентированными людьми легко манипулировать. Все исследования тоталитаризма показывают, что состояние длительной неопределенности, острого кризиса или хронической тревожности является неременным условием массовой политической мобилизации, обеспечиваемой двумя психологическими механизмами: концентрацией всех неприятностей и страхов на образах врага или врагов, «чужих», «нелюдей» и переноса на них внутренней агрессии, с одной стороны, и потребности в «спасителе», упований на появление «лидера», освобождающего тревожное сознание от фрустраций и собственной несостоятельности, ответственности за положение дел — с другой.

График 2

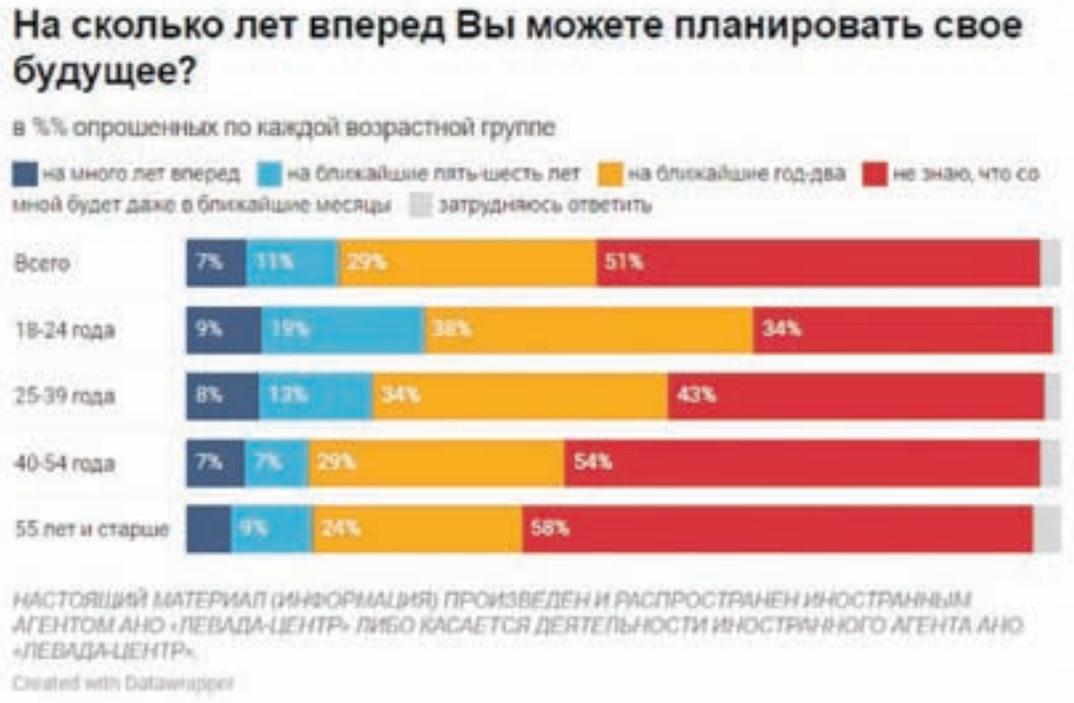

График 3

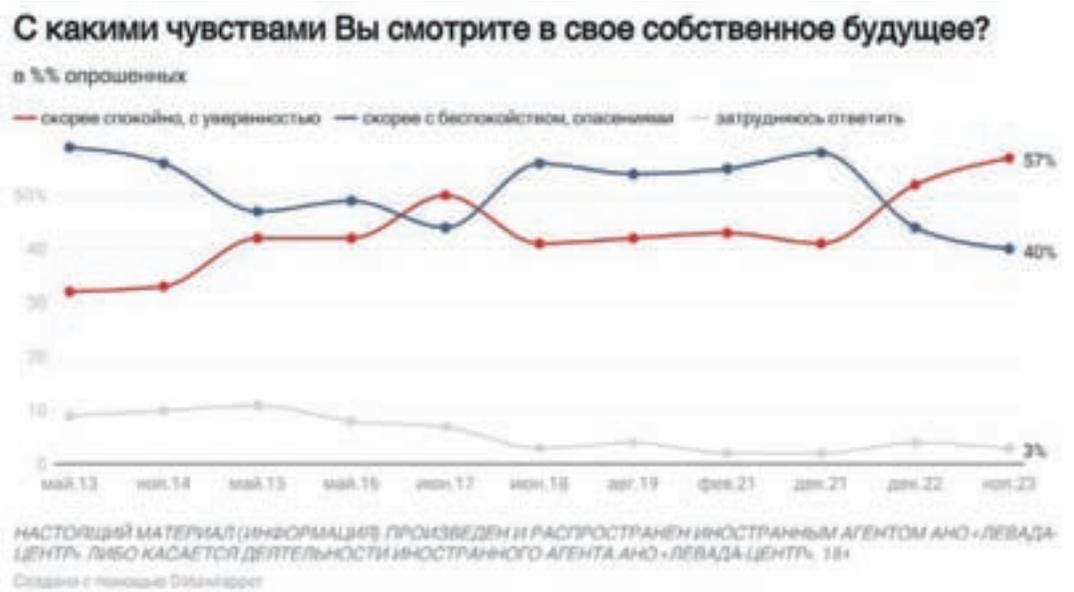
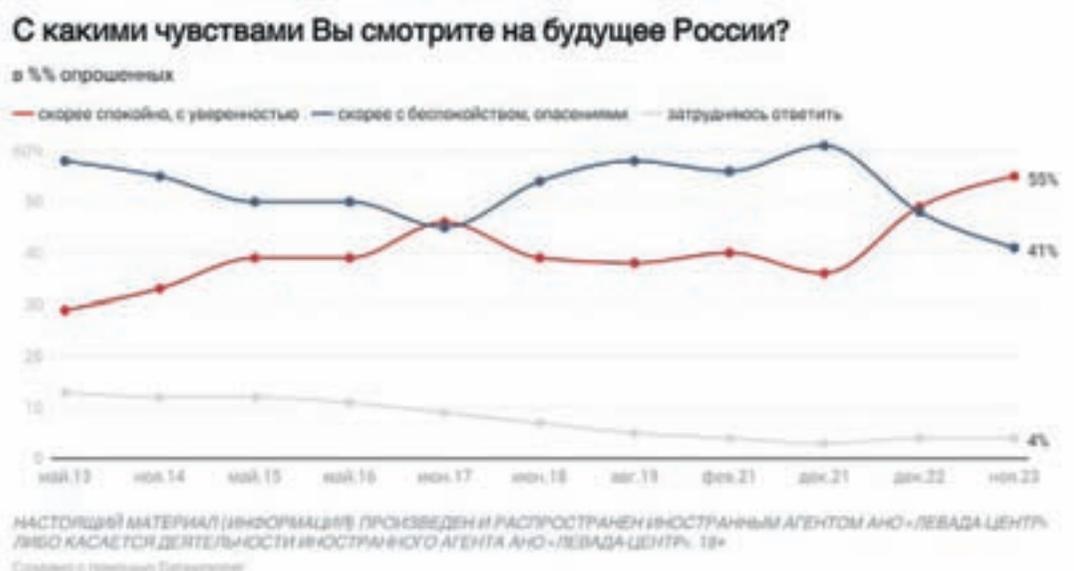

График 4

ГОРБИТ
GORBY

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Герои и люди

перед лицом смерти

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ
НАВАЛЬНОГО, ЧЕЛОВЕКА
С АНТИЧНЫМ ХАРАКТЕРОМ
И АНТИЧНОЙ СУДЬБОЙ

Роман

Шамолин,
антрополог

Что стоит отметить в характере множества нынешних россиян, так это безразличие к ценности жизни. С одной стороны, смерть и насилие оказались как будто чем-то естественным, нормальным, обыденным. С другой — сама жизнь как поток повторов, стандартных вещей и событий, в который российский человек погружен почти без остатка, без остановки — не приходя в сознание, не задавая вопроса: зачем? Кажется, никакая историческая драма уже не вытащит его оттуда.

В принципе, безразличие к чужой жизни и смерти объяснимо из общей человеческой природы. «Нам всегда достанет сил для того, чтобы пережить несчастья нашего ближнего», — как писал Франсуа де Ларошфуко в своих максимах.

Однако по нынешним россиянам можно сказать, что им нет особого дела не только до чужой, но и до собственной жизни. Конечно, практически никто не станет упускать случая попасть на «доходное место» — с этим все в порядке. Но вот к тому, что по мере развития человеческой цивилизации и культуры принято считать «жизненным достоинством» и «правом», — к этому интереса значительно меньше.

По факту, россияне весьма легко согласились с тем, что в их стране отменилась политическая конкуренция, были закрыты и объявлены вне закона все свободные медиа, а образование сделалось базой для одной-единственной властвующей идеологии. Согласились со многим таким, что весьма существенно задвинуло их в собственных возможностях и правах. Образно говоря, они весьма легко пережили смерть собственной свободы. Причем не только население российских окраин и маленьких городков, где разговоры о свободе сочтут за «пустую блажь», но жители продвинутых мегаполисов не выразили в подавляющем большинстве своем ни малейшего недовольства.

Да, некоторая часть протестовала, но это не задавало общего настроения. «Декабристы» всегда были далеки от

«народа». В большинстве своем россияне старательно убеждали себя, что от их воли ничего не зависит и все будет так, как «там» уже решили. Так, словно и жизнь человека — невелика ценность, и смерть его — невелика потеря.

Однако подобный взгляд ни врожденным, ни универсальным для человечества не является. И если мы здесь говорим о ценностях жизни и смерти, то не обойтись без обращения к этике. Лучше всего к тем временам, когда этика только зарождалась и находила себя в сознании человека.

Античность, где на первых ролях находились Греция с Римом, вполне обоснованно можно считать временами, давшими жизнь всем известным и до сих пор работающим универсальным этическим идеям развития человеческого рода. Вышедшее потом на историческую сцену христианство весьма гармонично эти идеи в себя вобрало и продолжило — по крайней мере, то христианство, что утвердилось в границах Западной Римской империи.

То, что определяло античную концепцию человека: с одной стороны, подчеркнутый, «скульптурный» индивидуализм, с другой — представление об универсальном и исключительно умозрительном порядке, Логосе, от которого у человека дар созерцания и размышления. Обе стороны связаны тесно: индивидуалистическая субъектность идет рука об руку с эволюцией философских универсальных идей. Из их сопряжения и рождается собственно этика.

Античный мир был убежден: индивидуальный характер больше всего раскрывается там, где происходит встреча со смертью. *Memento mori*. Или же встреча с теми вещами и событиями, что своей неотвратимостью смерть напоминают. Известно, насколько серьезно древние относились к судьбе. А в их представлениях о судьбе внимание настолько приковано к смерти, что почти все имена для обозначения судьбы обозначали и смерть (греческое: мойра, кера и т.д.). Когда грек или римлянин говорили о своей судьбе, они обычно имели в виду свою смерть.

С одной стороны, смерть, очевидно, аннигилирует человека, сводит его на нет. Но с другой — она выявляет его из безликой родовой стихии, дает имя и лицо. С точки зрения бытия коллективного, родового — индивидуальная смерть не имеет особенного, выдающегося статуса. Она лишь необходимый элемент тоталь-

ного процесса репродукции, поддержание которого есть главная родовая задача. Но с позиций бытия обособленного, конечного — смерть и все, что граничит с ней и указывает на нее, — есть источник максимальной активации сознания и характера. Для бытия рода смерть — это часть процесса бесконечного возвращения; для индивида — конец. А перспектива конца может придавать бытию человеческому максимальную напряженность и обновление. У индивида появляется шанс определять самому, каким образом и в каком качестве он подойдет к своей «последней черте».

Кроме того, перспектива встречи со смертью несет в себе шанс освобождения от власти обезличенного массового бытия, в котором каждый находит себя уже по факту рождения. Для человека эта перспектива имеет значение в каком-то смысле творческое. Если он не мог выбирать, кем станет при своем рождении, то выбрать, кем станет на «последней черте», — это уже в его силах. Кроме того, именно смерть выявляет его истинную значимость для других людей. Такое восприятие смерти как творческого мотива присуще лишь тем индивидам, для которых собственное идиотическое (обособленное, отдельное (греч.) бытие представляет больший интерес, чем бытие коллективное, родовое. Они культивируют свою судьбу как нечто протестное относительно родовой судьбы с ее векторами самосохранения и репродукции. Через акцентуацию смерти на сцене появляется такая культурно-политическая и экзистенциальная категория, как «протестные люди». И в эту категорию можно включить практически всех заметных персон как античной мифологии, так и истории. От Антигоны до Сократа.

Самоопределение «протестных людей» завязано на принципиальной неуживчивости с родовым и в широком смысле слова — «народным»; на отказе от адаптации к тому, что уже существует и воспроизводится. Их идиотический выбор реализуется как отказ от «народного» и как движение в сторону смерти. Но, по сути, это движение не к смерти, а к воплощению своей персональной судьбы. Хотя, подобно смерти, такая судьба несет разрыв с доминирующим политическим, привычно социальным, с коллективным — и обособление от него.

Герои и люди

перед лицом смерти

На подобном разрыве строился античный миф: его герой или отчужден изначально, или сам выбирает и культивирует разрыв со своим окружением. Только в силу этого он и становится носителем собственной судьбы. Для мифологического героя его судьба есть прямая практика его неуживчивости.

Как демонстрируют нам античные истории, неуживчивость с коллективным практически всегда обрекает протагониста на драматический финал; happy end в этих историях отсутствует в принципе. Такая обреченность связана с тем, что над индивидом, со всеми его претензиями на собственную, уникальную судьбу, — все же доминирует непреложная механика судьбы рода и государства. Очевидно, такая механика сильнее бытия отдельной особи. Но героический индивид все же продолжает настаивать на собственной альтернативе, что свидетельствует о весьма устойчивом положении «протестного» начала в таком человеке. И он готов за это платить самую разрушительную цену.

Но вот вопросы: следует ли воспринимать смерть или страдание индивида непременно так, что коллективная, государственная судьба торжествует над его персональной судьбой? Или же, напротив, трагедия — это освобождение от всякой внешней власти? Что через трагедию бытие авторизуется, самосознание делается максимальным, а этос, нрав индивида впервые обретает неповторимое

лицо — в то время как избегающее рисков и дистанцирующееся от смерти коллективное сознание пребывает в безликости конвейерного производства всегда одного и того же?

В любом случае нельзя не видеть, что именно предельно авторизованное, неуживчивое с коллективным миром лицо становится создателем и «прогрессором» этики универсального уровня.

С коллективной, расхожей точки зрения, трагедия — это однозначно катастрофа которой следует всеми средствами избегать, а значит, необходимо избегать того, что к ней приводит. Избегать протеста. Однако для индивида, рискнувшего на протест, собственное драматическое истязание есть вполне приемлемая плата за ту этическую (и эпическую) удовлетворенность, которую он обретает в ходе авторизации. Стяжание «бессмертной славы», как называли это античные греки. О различии между людьми относительно такого стяжания сказано в довольно нелестной форме у Гераклита Темного, эфесского философа:

«Лучшие люди одно предпочитают всему: бессмертную славу — преходящим вещам; толпа же насыщается, подобно скоту».

Возможно, что индивидуальный этос (тот, который есть «моральный закон внутри меня») в принципе не пробуждается, не рождается вне трагедии. Пусть даже такой трагедии, которая эмпатически проживается зрителем через сценическое действие, через искусство. В то время как

коллективный, народный этос — до тех пор, пока он находится в режиме избегания протеста и драмы, — не является, по сути, этичным в смысле обладания внутренним «моральным законом».

В целом все выглядит примерно так: драма рождается из акцентуации смерти, этика рождается из акцентуации драмы. В основаниях же мы видим протестное сознание, бросающее вызов судьбе и ведущее к выявлению из безликого «народного хора» авторизованного индивида, субъекта.

Безусловно, смерть осознавалась в человеческих культурах до и вне протестного, драматического мышления. У философа Карла Яспера, внимательно изучавшего этот вопрос, мы найдем такой термин, как «до-трагическое». Картина мира, построенная на «до-трагических» паттернах, свойственно спокойное и покорное принятие смерти. Собственно, как и судьбы. Без обвинений и претензий в адрес бытийного устройства или богов и земных властителей, его олицетворяющих. По сути, «до-трагическое» равно безоценочному. Это некая изначальная, существующая еще до попыток что-то изменить капитуляция перед таким устройством мироздания, какое человек, рождаясь, находит уже в готовом виде. Капитуляция перед смертью и судьбой. Все древние сезонные ритуальные празднества, мистерии вокруг созревания и сбора урожая приучали к тому, что все рожденное должно в свой черед умереть, а все существующее в свой черед должно

перестать существовать, — и в этом нет никакой трагедии, никакой проблемы. Бренность живущего не есть проблема. И кто такой отдельный человек, эта жалкая особь, чтоб спорить с абсолютным укладом вещей? Подобным образом устроенное, «до-трагическое» сознание было надежно защищено от сомнений и тревожных вопросов, а также от самой попытки опротестовать уже имеющийся принцип реальности.

Карл Ясперс подчеркивает и тот момент, что «до-трагическое» сознание есть по своей сути сознание «неисторическое». Ведь если история — это свидетельство о неповторимости, однократности и необратимости того или иного явления, то в «до-трагическом» все принимается так, как уже бывшее, известное и многократно пройденное. Известным воплощением такого сознания выступает мудрость Екклесиаста:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас».

(Еккл. 1:9, 1:10)

На подобном взгляде выстроенная картина мира не знает ни прогресса, ни регресса; не знает также и ничего недопустимого, неприемлемого, ибо: «нет ничего нового под солнцем». В этой картине мира не предусмотрено по большому счету никакой небывалой еще цели, никакого принципиального обновления. Она воспроизводит лишь то, «что было уже в веках, бывших прежде нас». А то, что

всегда было, это — непреложная власть смерти, судьбы и в качестве их земных представительств — «судьбой положенных властей».

Кажется, все подобное свойственно лишь временам весьма отдаленным, временам Екклесиаста, — но нет, совсем нет. Вспомним, что говорят сегодняшние россияне: «А что, нормально — везде воюют и убивают, и всегда воевали и убивали».

Возвращаясь к российскому населению. Чего в нем недостает такого, что было у греков и римлян? Такого, чтоб чужую смерть видеть как трагедию, а свою жизнь — как шанс обновить устоявшуюся картину мира? Недостает протестного сознания.

Не такого, как в состоянии воспетого «русского бунта». «Русский бунт» действительно бессмысленен, он ничего не меняет, он лишь способен разрушать поверхность существования. А потому «русский бунт» и сам очень поверхностен. Как были разрушительны и поверхностны казачьи вольницы Разина и Пугачева или, не по масштабу, но все же — недавний пригожинский бунт.

Речь идет о протесте, обращенном к самим матрицам мироустройства. О сомнении в том, что вот этот принцип «реальности», все эти «схемы» и «связи», все это безлико-коллективное и самодержавно-государственное — что это все «нормально» и должно так и оставаться. Тем и живет исторический субъект: протестом, сомнением, а затем — новыми горизонтами: «прекрасная Россия будущего».

Только вот что надо российскому человеку для пробуждения? Нынешние российские времена — это уже абсолютная античная драма. Теперь скорее даже христианская драма — той ранней эпохи, когда были гонения и катакомбный период. Уже и главный герой этой драмы принял смерть. Но, как и прежде, «народ безмолвствует». Окончательно? Или еще нет?

У великого БГ* в раннем творчестве есть такая песня, где одинокий монах, йогин, приходит ночью на кладбище и начинает играть на трубочке-флейте, призывая к себе голодных духов и предлагая им свою плоть и кровь. Это такая древняя, буддийская, а то еще и ведическая практика по «отсечению греховных привязанностей». А заканчивается песня переходом в наши времена и примерно такими словами:

*У нас много трубачей;
И свою кровью кормим
Сытых хамов-сволочей;
Столько лет — а им все мало.
Неужель мы так грешны?
Ох, скорей бы солнце встало
Над кладбищем моей родины...*

Роман Шамолин

* Борис Гребенщиков (БГ) признан Минюстом «иноагентом».

РИФМЫ

Рубрика
Александра **Архангельского**

Корочье, Пушкин

A large, high-contrast, black and white image of a man in a suit, looking down and to the right. The image is heavily stylized, with a grainy, almost abstract quality, and occupies the right half of the page.

В 2024-м Пушкину исполняется 225; не слишком круглый, но все-таки юбилей. Памятники ему сегодня служат для одних символом имперского насилия и подлежат сносу; для других — символом русского величия и подлежат массовой установке. А для третьих вопрос о памятниках вообще не существует, поскольку единица измерения в культуре не мертвый объект, отличный в бронзе, а живое чтение. И проблема не в том, будут ли в ближайшие годы сбрасывать бюсты Пушкина (спойлер: будут) или ставить новые (тоже будут), а в том, станут ли его читать, когда нынешний этап истории закончится. По причинам, выходящим за узкие литературные границы.

Утешает, собственно, одно. Мы не первые и не последние, кто сталкивается с подобными проблемами. И вынужден искать ответы на тоскливые вопросы. Как возвращать в мировой оборот национальных гениев, попавших в неприятные контексты? Как говорить о них изнутри немоты? Или даже лучше не пытаться? И тут, не проводя никаких лобовых параллелей, вспомним Томаса Манна и Гете. Потому что объяснять всегда лучше на абсолютных примерах, как бы, не имеющих к нам прямого отношения. Тем более что тема писательских юбилеев позволяет связывать далековатые сюжеты.

Итак, в 1932-м, то есть за год до костров из книг, в Германии решили отпраздновать столетие со дня смерти создателя «Фауста». Торжества устраивало демократическое государство на излете своего существования, возглавлял их лично Гинденбург (*рейхспрезидент Германии* — Ред.). День смерти как повод для праздничных поминок тогда никого не смущал; в 1921-м Ходасевич вообще предложил объявить день пушкинской смерти народным праздником — и аукаться именем Пушкина в наступающем мраке.

Немецкие политики аукаться именем Гете не планировали, их задачи были проще и прагматичней. Вожди бессильной веймарской республики хотели получить в союзники великого веймарца.

Народникам в предвыборном году нужен был символ самобытности. Кто-то искал образ подходящего врага; жена бывшего начальника Генштаба Людендорфа написала книгу, в которой обличала Гете как демократа и жидомасона. Геббельс настаивал на «присвоении» великого олимпийца, близкий к национал-социалистам германист Вальтер Линден восторгался: «Настоящий гетевский человек для нас — это фаустовский человек... Не усыпляющий гуманизм, но самосовершенствование в борьбе; не достигнутое счастье, но ничем не стесненное стремление». Хотя большинство коричневых смотрели на Гете с опаской.

В целом каждый получил примерно то, на что рассчитывал, и никто особенно не возмущался. Подумаешь, использовали Гете, а зачем еще нужна культура? И только Томас Манн, который во время Первой мировой встал на сторону немецкого милитаризма и слишком хорошо помнил о своих ошибках, попробовал праздник испортить. А что значит испортить праздник политикам? Не дать проехаться верхом на классике, превратить его в инструмент пропаганды. Манн побывал и на Востоке страны, в Веймаре, и на Западе, во Франкфурте, выступил с публичными докладами. И среди прочего напомнил эпизод 1813 года, когда Гете обвинили в отсутствии патриотизма и ставке на излишний гуманизм. Прозрачно намекнув на то, что Гете и сейчас находился бы под угрозой.

Остановить процесс сползания в нацизм ему не удалось; через год он вынужден будет эмигрировать, вскорости лишится немецкого гражданства, а в 1939-м выпустит роман о Гете «Лотта в Веймаре» — уже в США. Что же до национал-вождей, то они в конце концов «поставили» на Гете, но с опаской. В итоге Гете не вошел в сияющий нацистский пантеон; первыми среди равных стали Шиллер, Гельдерлин и Клейст. И борьба пошла не столько за его фигуру, сколько за отдельные тексты — прежде всего за «Фауста» — и за право верных толкований.

В 1933-м Курт Энгельбрехт пишет работу «Фауст в коричневой рубашке»: «Высочайшее счастье находит немецкий Фауст ... в борьбе за новую Родину». В 1939 году отдел прессы министерства пропаганды формулирует официальную позицию: Гете «всегда был борцом». А это значит, что произвольно истолкованный «Фауст» — не поэма о мятушемся гении, но эпос обновляющейся нации. А к 1940-му все доходит до уровня школы: ученик средней школы Аттендорна говорит в сочинении: «Фауст был национал-социалист. Это был борец за свободу, который

хотел построить новый мир. В «Фаусте» много всего; то, что нам не подходит, — можно отбросить; а то, что годится, — взять на заметку».

Что было дальше, мы прекрасно знаем. Как знаем и о том, что пушкинские торжества 1937 года прямиком восходят к юбилею Гете 1932-го¹. В тот момент в Германии на лечении находился (и попутно наблюдал за юбилейными процессами) бывший нарком просвещения Анатолий Луначарский. Создатель советской культурной политики не особенно вникал в немецкие партийные расклады; его волновал сам опыт «трансплантации» классической культуры в актуальное настоящее. Раньше он прекрасно понимал, как это делать, но революция с ее радикализмом завершилась, и нужно было приступить к державному строительству. И тут заемный опыт вполне мог пригодиться.

Результат Анатолия Васильевича скорей порадовал, он даже написал восторженную статью о франкфуртской постановке Гете. На Старой площади, под открытым небом. «Пример — достойный подражания. ...У нас и Москва, и Ленинград, и другие старые города, конечно, для разных эпох, могут также предоставить для ночных спектаклей под открытым небом необычайные по внушительности историко-архитектурные рамки». И многозначительно подытожил: «А ведь с историей мы не покончили».

В 1933-м с ней пришла пора «покончить», сменив на откровенную легенду. Причем, в отличие от лидеров чахоточного Веймара, большевикам не нужно было укреплять свое положение; они и без того победили. Просто делали следующий шаг навстречу цели. Один из основателей ВКП (б) Георгий Каменев (только что пониженный до уровня главреда издательства Academia, но еще не попавший в окончательную опалу) представил в Центральный исполнительный комитет записку о предстоящем в 1937-м столетии пушкинской смерти: «Партия и правительство могут и должны взять в свои руки проведение этих поминок: это диктуется и значением Пушкина, как основоположника новой русской литературы и непревзойденного за сто лет поэта, и задачами советской власти, как руководительницы культурной революции...»

¹ Примечание для бдительных читателей: в 1932 году Германия нацистской не была.

27

августа 1934-го записку одобрили, образовали юбилейный комитет во главе

с товарищем Сталиным, а 16 декабря Каменева арестовали; юбилейная машинка запустилась без него. И в январе 1937-го открылся «пушкинский год», в течение которого Пушкину вернули статус канонизированного гения. А значит, подытожили и завершили революцию, которая заведомо неканонична. Есть иерархии — нет революции, есть революция — нет иерархий.

Тут параллель между юбилеями начинает хромать на обе ноги. Веймарская республика в 1932-м возвращаться к до-революционным основаниям не собиралась, будущие национал-вожди, как было сказано, серьезно сомневались, стоит ли ставить на Гете, не утянет ли он за собой, в свой олимпийский космополитизм. Ничего подобного, никакой половинчатости в оценках, компромиссных форм апроприации юбилей 1937-го не предусматривал. Происходила ясная, беспримесная сакрализация Пушкина.

Сретенский монастырь завесили грандиозным пушкинским изображением, присвоив поэту божественный статус; художнику Петру Кончаловскому пришлось переписать картину «Пушкин в Михайловском» и прикрыть голые ноги поэта благопристойным одеялом — канонизированный гений не может представлять в ночной рубашке. А писатель и критик Виктор Шкловский в Михайловском стал свидетелем шествия ряженных:

«Колхозники устроили маскарад на льду. Проходила Татьяна Ларина, надевшая ампирное платье на тулуп. У нее был такой рост, она была так красива, что выглядело это хорошо. Шли богатыри, царица-лебедь, в кибитке ехал с синей лентой через плечо бородастый крестьянин Емельян Пугачев, рядом с ним ехала сирота Маша Миронова — капитанская дочка. И за ними на тачанке, гремящей бубенцами, с Петькой ехал, командуя пулеметом, Чапаев. Я спросил устроителя шествия — ведь про Чапаева Пушкин не писал? — А для нас это все одно, — ответил мне колхозник...»

Сквозь сатирический покров здесь проступает священное содержание; Пушкин и Чапаев предстают культурными героями, символами новой государственности. Не имеет значения, кто они и чем занимались, важно только одно: кто

Короче, Пушкин

и что собой олицетворяет. На ту же задачу работал фольклор, как фальсифицированный, так и натуральный.

В Саратове частушки явно сочиняли сотрудники политотдела: «Есть у нашей у Матрешки книжек изобилие. Есть поэт такой хороший, Пушкин по фамилии». В Иваново явно приложили руку их коллеги: «Стыдно нам с тобой, Феклуша, от подружки отставать. Хороша наша Марфуша, любит Пушкина читать». Или: «Ты, моя подружка Сима, приходи сегодня к нам, дай мне Горького Максима, я Толстого тебе дам». Ну тут хотя бы какой-то намек на фривольность... И все равно никто этого петь без приказа не станет. Задача заключалась, повторимся, в учреждении самого статуса фольклорного героя, принятого и санкционированного народом.

Зачем? Среди прочего затем, чтобы использовать Пушкина как некую идеологическую рамку, в которую втискивается любое политическое содержание. Сегодня — пролетарский интернационализм. Завтра — великодержавный шовинизм. Как в 1949-м, когда в разгар кампании против космополитов отмечали пушкинское 150-летие. Только что Пушкин доказывал великую роль России в мировом раскладе, и вот он уже не продукт европейского просвещения, а «является нашим союзником в борьбе со всяческим проявлением космополитизма и низкопоклонства перед Западом». Страстный борец за национальное достоинство русского народа против клеветников России, он славен тем, что произнес «гневные слова ..., разоблачающие всеисилие и всевластие денежного мешка пресловутую американскую демократию».

А вот теперь опять добро пожаловать в Германию. Напомним, на дворе 1949-й. Не осталось слабосильных веймарцев, проиграли строители рейха; страна была расколота на две неравных части, и в обеих праздновали 190-летие Шиллера. И тут

после шестнадцатилетней разлуки на немецкую землю вновь ступает Томас Манн. Не для того, чтобы утолить ностальгию; ее он не испытывал. Не для того, чтобы получить признание коллег; он их презирал. А только для того, чтобы воспользоваться юбилейным поводом — и произнести еще один доклад о Гете. Воспользовавшись Шиллером как ширмой.

Нужно понимать, на каком биографическом фоне все это происходило. Младший брат Томаса, Виктор, умер в апреле; в мае покончил с собой сын Клаус; тяжело болел Генрих. А Томас Манн, на которого в Германии смотрели косо после жесткого отказа возвращаться, не только продолжает говорить о Гете в Англии и Скандинавии, но и снова посещает обе части проклятой им страны: Франкфурт, находившийся в зоне западной оккупации, и Веймар, оказавшийся под контролем советской военной администрации. Хуже того, он принимает в ГДР Гетевскую премию и звание почетного веймарского гражданина, что ведет к обструкции; Библиотека конгресса США отменила уже объявленный его доклад.

Зачем ему это? В чем причина жесткого решения?

Ответ находим в его американском докладе 1945 года «Германия и немцы»: «Злая Германия — это и есть добрая, пошедшая по ложному пути, попавшая в беду, погрязшая в преступлениях и стоящая теперь перед катастрофой. Вот почему для человека, родившегося немцем, невозможно начисто отречься от злой Германии, отягощенной исторической виной, и заявить: «Я — добрая, благородная, справедливая Германия. Смотрите — на мне белоснежное платье. А злою я отдаю вам на растерзание». И сказать, что Гете просто символизирует хорошую Германию, а представители злой его похитили — недопустимо. Он и есть сама Германия. Со всем ужасным и прекрасным, что в ней было и будет.

Коллаж из архивного фото газеты «Общество и экология»

Пушкинский юбилей. Ленинград, 1937 г.

Манн не предлагает «истинных» толкований, которые должны прийти на смену «ложным». Он стоит на другом: примите Гете как неразрешимое противоречие; не ищите прекрасной Германии, она неотделима от «злой». И сомневайтесь в «белых пальто», как справедливо сомневаетесь в «нечистых». Манн, разумеется, не знал, что главным либеральным толкователем «Фауста» в послевоенной Западной Германии станет Ханс Шверте. Гауптштурмфюрер СС, который сменил документы, защитил еще одну диссертацию, заново женился на собственной жене и усыновил своего сына. И до 1995 года, когда под угрозой разоблачения вынужден был сдать властям, учил пониманию Гете. Но словно бы предвидел, что идейная зачистка с неизбежностью ведет к таким эксцессам.

Анне Ахматовой (фигура, в рамках русской традиции сопоставимая

с Томасом Манном) в 1949 году трибуну для речей не давали, но она продолжала работу над пушкинским циклом статей — вернувшись к нему после 10-летнего перерыва. На канонизацию и поглощение советской властью Ахматова отвечает возвращением Пушкина в тихий интеллектуальный оборот. Это больше, чем литературоведение, больше, чем исторические штудии, это освобождение от самозванного божественного статуса. И дали бы Ахматовой произнести свой пушкинский доклад, в нем не было бы ни ходасевической мрачности, ни советской бодрости; но проступила бы все та же томас-манновская мысль: Пушкиным русская культура не оправдывается и не осуждается; он и есть русская культура во всем ее величии и со всеми ее провалами. Нет беспримесно хорошего Пушкина и окончательно плохого; есть настоящий. Как нет, добавим от себя, отдельной

«злой» и отдельной «доброй» России; есть реальная.

И есть стихи, в которых все эти мотивы сошлись воедино и были осмеяны и поддержаны в одно и то же время.

Дмитрий Александрович
ПРИГОВ.

*Невытерпел стало народу
Пушкин! Пушкин! Помоги!
За тобой в огонь и в воду
Ты нам только помоги.
А из глыбы как из выси
Голос Пушкина пропел:
Вы страдайте-веселитесь
Сам терпел и вам велю.*

**Александр
Архангельский**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПРИДЕТСЯ
ОСВОИТЬ НЕ ТОЛЬКО
НАУКУ УПРАВЛЕНИЯ
РАСПАДОМ СТАРОЙ
СИСТЕМЫ, НО И БОЛЕЕ
СЛОЖНУЮ НАУКУ
УПРАВЛЕНИЯ
СИНТЕЗОМ НОВОЙ

**Каковы
шансы**
на формирование
нового мирового
порядка

Андрей
Кортунов

«Э то было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен; это был век мудрости, это был век глупости; это была эпоха веры, это была эпоха безверия; это были годы Света, это были годы Мрака; это была весна надежд, это была зима отчаяния; у нас было все впереди, у нас не было ничего впереди...» Даже тот, кто никогда не перелистывал страницы исторического романа Чарльза Диккенса о Великой французской революции «Повесть о двух городах», наверняка помнит эту ставшую уже хрестоматийной цитату. Она вновь и вновь возвращается в общественный дискурс — всякий раз, когда мир проходит через очередной острый кризис.

Человеку свойственно драматизировать переживаемый им здесь и сейчас крутой поворот истории. С близкой дистанции любой такой поворот выглядит особенно впечатляющим, совершенно уникальным, по определению беспрецедентным и, без сомнения, судьбоносным. Но стремление к драматизму в человеческой природе уравнивается не менее присущей ей пластичностью и адаптивностью. Когда дистанция времени увеличивается, когда расширяющееся историческое пространство заполняется новыми захватывающими дух событиями, когда постепенно тускнеют и выцветают впечатления и воспоминания очевидцев, нередко выясняется, что свидетели и участники очередной исторической драмы несколько поторопились со своими категоричными заключениями, и за редующими клочьями цветного тумана обновления все более отчетливо проступают знакомые черно-белые контуры вечной преемственности.

«Воронья слободка» загорелась в двенадцать часов вечера

Станет ли исключением из этого общего правила наше время? Сегодня мы постоянно слышим разговоры о катаклизме, о кризисе, о революции, о фундаментальной перестройке старого мироустройства.

С экранов телевизоров и смартфонов, со страниц академических журналов и газетных таблоидов нам неустанно твердят, что мир уже никогда не будет прежним, а вот каким он будет, да и будет ли он вообще — пока предсказать решительно невозможно.

Но, положа руку на сердце, кто возьмется утверждать, что он никогда не слышал подобных заверений и раньше? Конечно, слышал, и не один раз. Они звучали в момент распада Советского Союза в конце 1991 года. После террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 года. В начале глобального финансового кризиса 2008–2009 годов. Во времена «арабской весны» 2010–2012 годов и пандемии коронавируса 2020–2021 годов. Разве тогда не было веских причин полагать, что точка невозврата уже пройдена и что мир вступает в совершенно новую эпоху? И тем не менее год проходил за годом, ранее немыслимое постепенно превращалось в часть привычного повседневного, на горизонте возникали новые и новые проблемы, на фоне которых недавние потрясения постепенно теряли быллой драматизм и полагавшуюся им по статусу судьбоносность.

Наверное, очень многим — осознанно или неосознанно — хотелось бы надеяться, что и на этот раз как-нибудь пронесет. Мрачные пророки грядущих великих потрясений уже столько раз ошибались, что общественное доверие к ним основательно подорвано. Вероятно, этим и можно объяснить то олимпийское спокойствие, с которым подавляющая часть человечества наблюдает за вооруженными конфликтами, актами терроризма, глобальным потеплением, пришествием искусственного интеллекта и многими другими тревожными явлениями и тенденциями нашего времени.

Но все же нынешнее неблагополучие в мире сильно отличается от всего того, чему мы были свидетелями на протяжении последних 30–40 лет. Прежде всего, комплексностью происходящих катаклизмов. Раньше кризисные явления фундаментально затрагивали лишь какой-то один регион планеты (распад СССР или пробуждение арабского мира) или меняли одно, пусть и очень важное, измерение нашей жизни (подъем международного терроризма, дестабилизация финансовой системы или пандемия COVID-19). Существующая система международных отношений в целом успешно амортизировала возникающие шоки, меняясь в частности, но сохраняясь в целом.

Сейчас есть основания говорить о множественных сбоях, охватывающих самые различные сферы безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях — от крупного военного конфликта в центре

Европы до ускоряющегося глобального потепления и от технологической «расстыковки» США и Китая до хронического кризиса государственности в самых разных регионах мира. В бессмертном «Золотом теленке» Ильфа и Петрова большая коммунальная квартира, известная как «Воронья слободка», была обречена, поскольку ее подожгли сразу с шести концов. Так и в нашем мире крупные возгорания зафиксированы одновременно в самых разных точках мира и в разных измерениях международной системы.

Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Оглядываясь в недавнее прошлое, можно констатировать, что прежние потрясения оказались относительно краткосрочными. На удивление быстрым и, как тогда казалось, относительно упорядоченным стал советский распад в 1991-м. Через три месяца после терактов в США в 2001 году международная коалиция во главе с Соединенными Штатами уже взяла Кабул, а еще через месяц талибы были практически полностью вытеснены с территории Афганистана. Острая фаза глобального финансового кризиса пришлась на осень 2008-го — весну 2009-го, а после лондонского саммита «Группы двадцати» в апреле 2009 года ситуация в мировых финансах начала постепенно выправляться. Основные события «арабской весны» разворачивались в декабре 2010-го — феврале 2012-го, то есть уложились в период чуть более года. Даже главные волны пандемии прокатились по планете менее чем за полтора года, а первые эффективные вакцины против ковида появились примерно через девять месяцев после начала пандемических явлений. Между тем после 24 февраля 2022 года прошло уже больше двух лет, и никакого света в конце туннеля пока не просматривается. Напротив, есть основания полагать, что пожар в нашем общем доме еще только разгорается.

Это отличие не должно удивлять, поскольку во всех предыдущих случаях присутствовала готовность великих держав действовать сообща в противостоянии общим угрозам и вызовам. Пусть не всегда такие совместные действия оказывались успешными, но надежды на многосторонние усилия в будущем так или иначе сохранялись.

Сегодня таких надежд более не осталось, поскольку истоки кризиса лежат не в каком-то внешнем факторе, будь то международный терроризм или опасный вирус, а в отношениях самих этих великих держав друг с другом. В основе нынешнего кризиса — все более расходящиеся представления о том, что в этом мире справедливо и несправедливо, что законно и незаконно, что дозволено и недозволенно и каким вообще должен быть желаемый новый мировой порядок. Возвращаясь к упомянутой «Вороньей слободке», стоит отметить, что, как и у классиков советской литературы, в нашем случае коммунальную квартиру подожгли не какие-то посторонние преступники, а сами же жильцы, и потому рассчитывать на их последовательные совместные усилия по тушению пожара не приходится.

Разумеется, многочисленные так и не разрешенные проблемы, связанные с прошлыми кризисами (не преодоленные последствия распада СССР, не выигранная до конца война против международного терроризма, не реформированные вовремя международные экономические и финансовые институты, не завершенные в ходе «арабской весны» процессы политической трансформации Ближнего Востока, эгоистическая и близорукая реакция многих стран на пандемию), переплетаясь друг с другом и усиливая друг друга, так или иначе создают кумулятивный эффект. Тем самым все больше осложняя проблемы глобального и регионального управления международными процессами. Таким образом, наступает момент, когда человечеству придется расплачиваться по долгам, накопленным за десятилетия благодушия и самодовольства. Наверное, было бы несправедливым распределять ответственность за такое положение дел поровну на всех игроков мировой политики, но выявление «наиболее виновных» уже не меняет сути дела.

Позволительно предположить, что на наших глазах началась цепная реакция распада международной системы, и мы являемся свидетелями чего-то значительно более масштабного, чем просто возникающие раз в несколько лет сбои отдельных механизмов мировой политики и экономики. Как известно из школьного курса

Каковы шансы на формирование нового мирового порядка

физики, когда цепная реакция деления урана или плутония запущена, остановить ее более чем затруднительно, но ею можно управлять, растянув выделение энергии от миллионных долей секунды (атомная бомба) до нескольких месяцев и даже лет (атомный реактор). Так и в международных делах: после прохождения точки невозврата восстановить старую систему уже нельзя, но можно попытаться управлять ее распадом и контролировать выделяющуюся энергию.

Как именно пойдет дальше разрушение системы — примерно понятно. Мы уже наблюдаем развал сложившихся во второй половине прошлого века двусторонних и многосторонних механизмов контроля над вооружениями, кризис многих измерений международного публичного права, прогрессирующий упадок ряда важнейших институтов регионального и глобального управления от Арктического совета до ООН, эрозию практики свободы торговли. Обо всем этом уже много писали и говорили, и оптимисты отличаются от пессимистов преимущественно тем, что первые допускают упорядоченный демонтаж старой системы с параллельным строительством нового миропорядка (атомный реактор), а вторые предрекают ее неизбежное неуправляемое обрушение (атомная бомба).

**Согласие
есть продукт
при полном
непротивлении
сторон**

А вот как пойдет формирование нового мирового порядка — пока не вполне понятно. Если измерять историю не

десятилетиями, а столетиями, в ней легко найти множество примеров революционных преобразований региональных и даже глобальных систем международных отношений. Эти преобразования — как и любая революция вообще — всегда были сопряжены с очень значительными и явно избыточными издержками, но ни одно из них не ставило под вопрос существование человечества. Однако сегодняшняя ситуация в некоторых отношениях не имеет исторических прецедентов.

Раньше естественным алгоритмом разрешения системного кризиса в международной системе была большая война. Военное столкновение фиксировало новое соотношение сил и позволяло ведущим игрокам, подтвердившим в ходе войны свой статус, определить новые правила игры в международных делах. Так было при создании Вестфальской системы после Тридцатилетней войны (1648), Венской системы Европейского концерта после наполеоновских войн (1815), Версальской системы после Первой мировой войны (1919) и Ялтинско-Потсдамской системы после Второй мировой войны (1945).

Сегодня задача относительно быстрого восстановления равновесного состояния системы традиционными инструментами крупных вооруженных конфликтов выглядит практически неразрешимой: основные игроки уже не могут позволить себе роскошь прямого военного столкновения друг с другом, а их непрямые конфликты в формате прокси-войн, гибридных войн, технологических и информационных войн (НАТО—Россия, США—Китай, коллективный Запад — Глобальный Юг) способны длиться очень долго, не выявляя конечного победителя. Последние годы показывают, что ставки для обеих сторон в таких про-

тивостояниях крайне высоки, а варианты безнаказанной эскалации — многочисленны. Зафиксировать обновленные правила игры трудно еще и потому, что правила не могут работать, не опираясь на сильные многосторонние институты и встроенные в эти институты механизмы принуждения. Между тем в мире сегодня наблюдается повсеместная институциональная усталость и отсутствие готовности инвестировать значительные ресурсы и политический капитал в создание новых институтов глобального или регионального управления.

Все это означает, что международная система вступает в продолжительную эпоху перманентной революции. Ни

процесс распада, но ясно, что накопленный в мире запас энергии, питающей цепную реакцию распада, очень велик.

Нет, это не Рио-де-Жанейро!

«Революционное сознание выражает себя в убеждении, что возможно новое начало», — утверждал Юрген Хабермас. Но такое убеждение далеко не всегда и не сразу трансформируется в четкое и детализированное представление о том, какой именно должна стать новая реальность.

в ближайшие десятилетия будет подобна таким обществам. Следовательно, в центре мировой политики и экономики окажется проектная деятельность, основанная на неформальных или слабо формализованных горизонтальных связях отдельных игроков — как государственных, так и негосударственных.

Особое значение для включения в такие сетевые альянсы будет иметь «кредитная история» игрока — его опыт в выполнении взятых на себя обязательств. Международная репутация будет значить больше, чем она значила раньше, поскольку достижение юридически обязывающих соглашений и договоров окажется во многих случаях исключительно сложным делом, а привычные механизмы верификации, атрибуции мониторинга договоренностей будут становиться все менее эффективными.

По мере восстановления доверия и накопления опыта успешного многостороннего взаимодействия в ситуативной проектной работе начнут складываться предпосылки для перехода к более продвинутым форматам сотрудничества между геополитическими оппонентами. Тактические альянсы будут трансформироваться в стратегические партнерства, а неформальные горизонтальные связи приобретать вид международно-правовых режимов с соответствующей институциональной поддержкой.

В микромире, помимо энергии, высвобождающейся в процессе деления (распада) ядер тяжелых элементов, существует еще и энергия, высвобождающаяся в ходе слияния (синтеза) ядер легких элементов — дейтерия и трития, а также изотопов гелия и бора. Термоядерный синтез дает больше энергии, чем ядерный распад, и при этом выделяется значительно меньше радиации. Проблема в том, что процессом распада человечество уже научилось худо-бедно управлять, а процессом синтеза — пока нет. Поэтому мы успешно развиваем ядерную энергетику, а о термоядерной еще только мечтаем.

Точно так же в международной жизни человечеству рано или поздно придется освоить не только науку управления распадом старой системы, но и еще более сложную науку управления синтезом новой. Решение этой задачи — дело не самого ближайшего будущего, тут потребуются долговременная концентрация усилий всех ответственных игроков мировой политики и экономики. Но игра, безусловно, стоит свеч.

« Начальная фаза революции, как это не раз бывало в истории, будет в большей мере заключаться в разрушении старого, чем в создании нового

в 2024-м, ни в последующие несколько лет никакой «большой сделки» между великими державами, которая позволила бы перейти к выстраиванию нового миропорядка, не предвидится. Поскольку же устойчивый новый мировой порядок не возникнет, главное содержание международных процессов будет по-прежнему определяться в большей степени продолжающимся распадом старой системы, чем созданием новой. Мировые тренды в этих условиях будут отличаться нестабильностью, волатильностью и разнонаправленностью. Начальная фаза революции, как это не раз бывало в истории, будет в большей мере заключаться в разрушении старого, чем в создании нового.

В числе прочего перманентная революция международной системы станет, по всей видимости, проявляться в регионализации или даже в атомизации некогда глобальных экономических и технологических укладов, в прогрессирующей секьюритизации внешней политики и национальных приоритетов основных игроков, в продолжающемся упадке многосторонних механизмов на глобальном и региональном уровне, в повышении самостоятельной роли средних и региональных держав, препятствующих формированию новой жесткой биполярной системы. Можно спорить о том, как далеко пойдет

Постепенное складывание нового миропорядка, конечно же, с течением времени будет ускоряться, но оно, по всей видимости, пойдет не сверху вниз, а снизу вверх, через создание тактических ситуативных коалиций для решения отдельных насущных задач глобального или регионального управления. Причем в таких коалициях станут участвовать не только государства, но и негосударственные игроки международных отношений.

Коалиции будут складываться в условиях очевидного и постоянно растущего плюрализма ценностей и моделей национального социально-экономического развития. Вероятно, первоначально объектом регулирования станут преимущественно технические, политически нетоксичные измерения международных отношений с перспективой постепенного выхода на более сложные и политически чувствительные сферы мировой политики и экономики.

В свое время известный российский экономист и социолог Вадим Радаев много писал о значении неформальных правил и сетевых социальных связей в обществах, лишенных в силу тех или иных обстоятельств сильных и устойчивых политических и экономических институтов. Международная система в ближайшие годы и, вероятно, даже

Повелители «цифры» и безликая масса «юзеров»

ЧЕМ ГРОЗИТ ПОГРУЖЕНИЕ
ВСЕ БОЛЬШЕГО ЧИСЛА
ЛЮДЕЙ В ВИРТУАЛЬНЫЙ
МИР СОВРЕМЕННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Андрей
Рябов

Н есть числа различным прогнозам о том, каким окажется недалекое цифровое будущее человечества, многие черты которого начинают проступать уже сегодня. Израильского историка Юваля Харари с его «Краткой историей будущего» эти прогнозы даже сделали мировой знаменитостью.

Пожалуй, их общая черта, вне зависимости от авторства и страны появления, состоит в том, что цифровизация, искусственный интеллект (ИИ) сделают ненужными многие десятки профессий. И далеко не каждому удастся найти себе место в наступившей реальности. В результате появится огромное число людей, которым решительно нечем будет заняться.

Оценки этого «дивного нового мира» сильно разнятся. Технократам, апологетам различных «технотронных» утопий, большинству создателей, владельцев и топ-менеджеров цифровых компаний-гигантов такая перспектива определенно нравится. Возможности технологического прогресса кажутся безграничными, жизнь обычного человека становится необыкновенно легкой и в то же время управляемой, он наконец-то обретает желанную свободу от необходимости трудиться. Ну а о его материальном благополучии должно позаботиться государство.

В противовес «цифровым» оптимистам их оппоненты, а среди них немало тех, кто занимается науками о человеке, бьют тревогу. И, видимо, к ним стоит прислушаться, поскольку каковы бы ни были их мотивации, критики цифрового будущего объективно указывают на проблемы, которые неминуемо возникнут после его прихода и приближение которых можно ощутить уже сегодня.

По мнению пессимистов, получается, что значительная часть населения, чуть ли уже не по рождению, будет лишена свободы выбора и окажется вынужденной «отдыхать» на пособии, заполняя вечный досуг постоянно расширяющимися возможностями существования

в виртуальном мире. Их ждет воистину неограниченное потребление виртуальных товаров и услуг. Современное общество потребления выйдет, таким образом, на новый уровень развития, превратившись в общество развлечений. Однако цена путешествия в этот потребительский рай будет состоять в том, что эта огромная масса «юзеров» будет лишена возможности, и не исключено, что и мотивации, к какому-либо социальному действию. Они волей обстоятельств окажутся вне всякой социальной, а следовательно, и политической жизни. И такой поворот истории станет полным разрывом с политической традицией, по крайней мере, двух с половиной последних веков начиная с Великой Французской революции XVIII века. В течение этого времени все политические проекты, все политические теории по переустройству общества, правые или левые, носили инклюзивный характер. Иными словами, они были направлены на то, чтобы вовлечь в активную социальную жизнь, сделать субъектами исторического действия все новые и новые классы и социальные группы. К этому стремились и различные политические силы, пытающа-

даже посложнее разрыва с политической традицией двух последних веков. Это — вытеснение из социальной реальности Человека Нового времени, критически воспринимающего окружающую действительность, обладающего свободой выбора и лично ответственного за этот выбор и его последствия. «Юзер» не мыслит критически, он легко манипулируем, и потому его выбор часто бывает неосознанным, возникающим под сильным внешним влиянием. А уж понятие личной ответственности у «юзера» и вовсе отсутствует. Для ее появления нет никакой необходимости. Справедливости ради надо сказать, что все эти качества «юзера» из прекрасного будущего уже всюду формируются на наших глазах. И главная причина их, увы, от нас не зависит. Она обусловлена причинами технологическими, точнее, информационно-коммуникационной революцией последних десятилетий. В ходе ее развертывания человечество за короткий период времени перешло от культуры слова, текста, требующей критического переосмысления прочитанного и услышанного, к видеокультуре, культуре образов, которые к тому же быстро меняются. В ней главное — не рациональное осмы-

«**Современное общество потребления выйдет на новый уровень развития, превратившись в общество развлечений**»

яся реализовать эти проекты. А в случае «дивного цифрового мира» получается все наоборот. По мере его развития придется все больше и больше не вовлекать, а, наоборот, исключать. Означает ли это, что история поворачивается вспять? Думается, сегодня вряд ли можно однозначно на этот вопрос ответить.

И еще: социальная структура нового общества в значительной степени будет определяться местом человека или группы в цифровой иерархии, которая в перспективе станет стремиться к упрощению и в конечном счете превратится в двухсекторную. Наверху — владельцы, создатели, менеджеры, руководители различных проектов, то есть те, кто создает, развивает цифровую реальность, управляет ею. А внизу — безликая масса «юзеров». И возникающая здесь проблема будет

сление, а эмоциональное восприятие. Повсеместное развитие социальных сетей привело к возникновению, по выражению пулитцеровского лауреата Томаса Фридмана, «плоского мира», в котором голос каждого «юзера», каждой небольшой группы может быть услышан, а сами они становятся полноправными производителями товаров, идей и услуг. И вполне закономерно, что каждый «юзер» уверен: его оценки и суждения по любому вопросу заслуживают внимания, в том числе со стороны тех, кто принимает решения и правит миром.

Повелители «цифры» и безликая масса «юзеров»

Отсюда — падение интереса к экспертному мнению, которое тонет в многомиллионном хоре голосов обычных «юзеров». Вместо него — власть сетевой охлократии, диктующей свои представления и нормы. За этим следует слом традиционных политических иерархий, основанных на поэтапной селекции политиков на их пути к вершинам власти, и ответственности, обретаемой в ходе этого продвижения, неразрывно связанной с ним. Следствием этого становится небывалый взлет популизма, при котором новые «политические звезды» возникают на небосклоне общественной популярности буквально из ниоткуда, оказавшись в нужное время в нужном месте. Столь легко взобравшись на политический олимп и не имея за плечами опыта продвижения вверх по ступеням большой политики, они не чувствуют за собой никакой ответственности перед теми, для кого на какое-то время становятся кумирами. Поэтому столь легко раздав несбыточные обещания и не выполнив их, они так же бесследно и исчезают.

Погружение все большего числа людей в виртуальный мир современных коммуникаций порождает глубокие и, возможно, необратимые изменения в культуре. Упрощение языка, примитивизация контента, формируемого блогерами-миллионниками, которые рассказывают аудитории незатейливые истории про то, как стать счастливыми, подмена веками наработанных ценностей их имитационными формами — все это делает традиционную культуру с породившими ее большими смыслами, вопросами, размышлениями, сомнениями невостребованной, ненужной для основной массы «юзеров» в «дивном новом мире». Возникают контуры антиутопии, хорошо знакомой еще по знаменитому роману Рэя Бредбери «451 градус

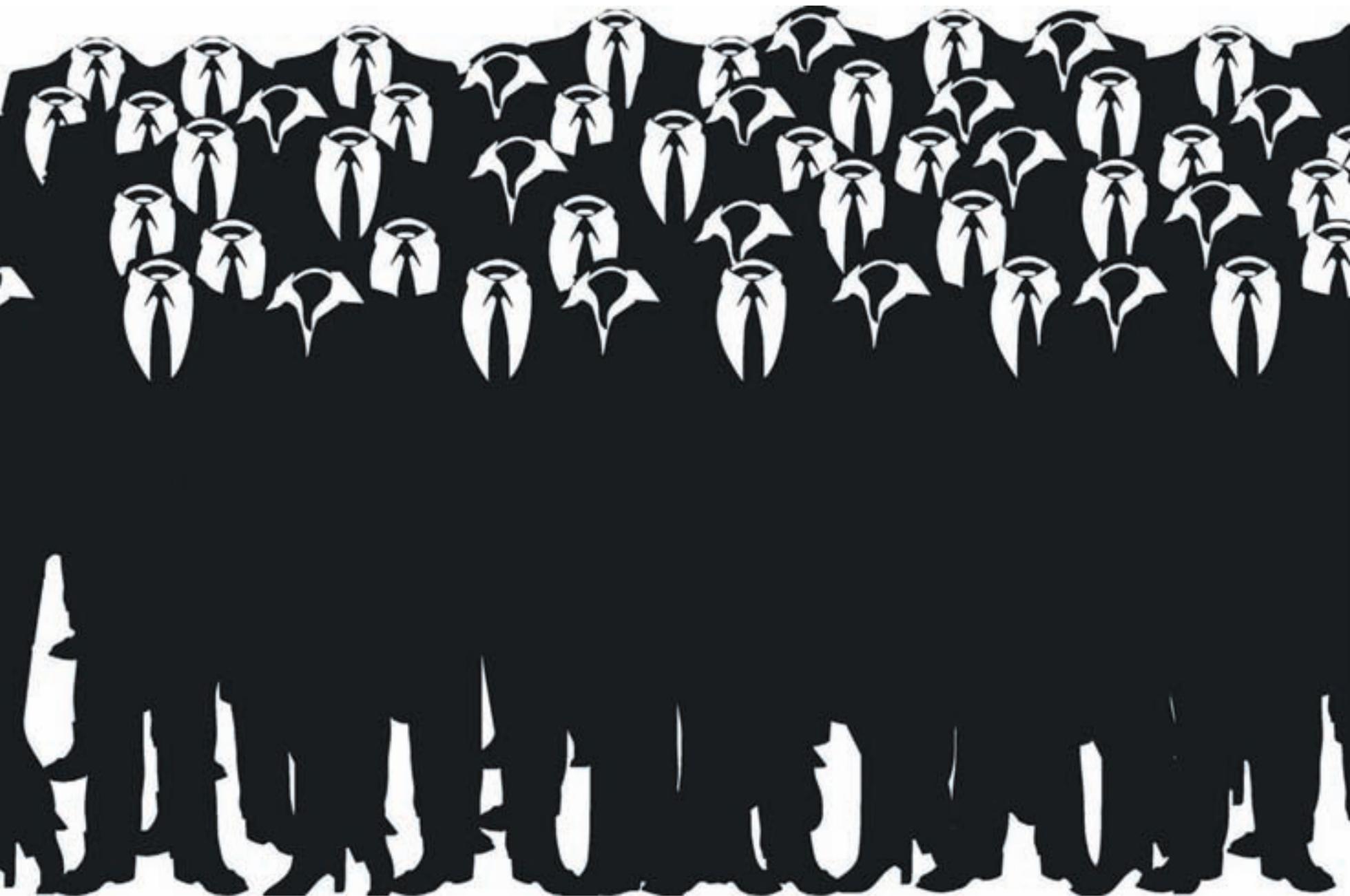
по Фаренгейту». Только выглядит эта антиутопия уже по-современному, на более высоком технологическом уровне.

С таким явлением, возникающим в результате разрыва между техническим прогрессом и неготовностью или, может быть, неспособностью человечества меняться в сторону собственного окультуривания, большего очеловечивания, наша цивилизация уже не первый раз сталкивается на протяжении своей истории. Этот феномен применительно к первой трети XX века подробно описан в хорошо известной книге Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». С приходом научно-технических революций значительные массы людей, как писал ее автор, не стремятся к самосовершенствованию, к овладению богатствами культуры, накопленной предыдущими поколениями, не поднимаются к вершинам творчества, на что, кстати, надеялся Карл Маркс, а, напротив, опрощаются, двигаясь к «новому варварству».

Означает ли это, что и в нашу эпоху надежды на совершенствование человеческих добродетелей беспочвенны? И что культура, ее сохранение и передача потомкам останется достоянием лишь интеллектуально и духовно развитого меньшинства? И какими средствами добиться ее сохранения и развития? На этот вопрос у человечества нет сегодня продуманной стратегии действий, которая учитывала бы возникающие технологические и социальные реалии, не отрицая их, а используя в своих целях.

Ответы, которые предлагаются, носят скорее консервативный характер, являются попытками хоть как-то задержать,

закрепить в стремительно меняющемся мире «ускользающую красоту» мира привычного, складывавшегося на протяжении многовековой истории человеческой цивилизации. Выдающийся итальянский писатель Умберто Эко в своем «Воззвании к прессе» предложил газетам привлечь в свои ряды талантливых аналитиков и устроить с их помощью своеобразную «прополку» Сети, чтобы достать из океана информационного мусора, которым ныне для многих предстает интернет, мысли и идеи, достойные серьезного осмысления и общественного обсуждения. Впрочем, проблема в том, что эти мысли могут и не заинтересовать погружившуюся в виртуальные миры «общественность», а аналитическую работу вскоре будет делать приученный к обработке «больших данных» искусственный интеллект. Вопрос, однако, в том, кому понадобятся данные проведенного им исследования, найдут ли они заинтересованную аудиторию? Возможно, ответ на него отчасти подсказывают получившие распространение в США среди богатых слоев социальные практики, в центре которых — человеческое общение, отказ от гаджетов, минимизация присутствия в виртуальном мире. Такие модели поведения становятся предметом роскоши. Описавшая эти практики в опубликованной еще в марте 2019 года статье журналист The New York Times Нелли Боулз пришла к однозначному выводу, что «образ жизни, основанный на таком общении, превращается в привилегию высших слоев. В свою очередь, преимущественное потребление цифровых услуг становится уделом бедных». Иными словами, обладателями этих «привилегий»

станут те, кто будет иметь возможность размышлять о чем-то значительном, вести неспешные дискуссии в офлайн-формате, они-то и станут потребителями той качественной информации, которую и призвал извлекать из информационного шума Умберто Эко.

К сожалению, надо отметить, что приближающаяся биологическая революция, которая существенно раздвинет границы человеческой жизни, по крайней мере, поначалу сделав эту возможность доступной лишь для богатых, грозит еще больше «элитизировать» культуру, сделав фактический доступ к ней уделом привилегированных меньшинств.

Возможно, эти процессы культурной стратификации общества окажутся спроецированными и на большую политику. Фокусы внимания консервативных

партий сместятся на защиту культуры — основы выживания человечества как социального вида. Остается неясным, однако, вопрос о том, а захочет ли интеллектуально развитое меньшинство обратить имеющийся у него культурный потенциал на продвижение его в массовые слои или же сделать культуру инструментом превращения себя в замкнутую и несменяемую корпорацию, призванную вечно властвовать в духе уже уэллсовской антиутопии.

Либералы же, защищающие и продвигающие индивидуальные свободы в качестве целей своей политики, по-видимому, превратятся в апологетов цифровой утопии, беспредельно расширяющей возможности потребления и потребительской свободы и освобождающей большую часть человечества от необходимости трудиться. Впрочем, и в их представлении общест-

во останется жестко структурированным по принципу «элита — массы», только основой элитарности в этом случае будет выступать технократизм. Место других политических сил в этом сценарии пока не просматривается.

Впрочем, не нужно забывать, что это лишь один, консервативный вариант развития, основанный на наблюдении за тем, что уже присутствует в нынешних реалиях. Появятся ли какие-то иные сценарии, построенные с учетом новых факторов, нам еще неизвестных, и знаний о них, покажет время.

Андрей Рябов

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

Служанка политической

целесо- образ- ности

КАК ПИСАЛАСЬ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
ПРИ «ПОЗДНЕМ СТАЛИНЕ»

Павел Гутионтов

Рассуждая о задачах истории и долге историка, Ломоносов писал, что историограф «должен быть человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния... природный россиянин, чтоб не был склонен в исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию». Его вечный оппонент академик Миллер придерживался диаметрально противоположной точки зрения: историк «должен казаться без отечества, веры, без государя... все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод возбуждению к себе подозрения в лести».

Кто же прав? Великий русский ученый-патриот Ломоносов — или иностранец этот, Миллер, склоняющий нас «ко шпынству»? Правда, как раз в науке истории Михаил Васильевич отличился куда меньше, чем в химии, металлургии или, скажем, в литературе отечественной. А работы Герхарда Фридриха Миллера, например, о Сибири, где он провел годы в экспедициях, общепризнанно стали «первым правильным ученым трудом по сибирской истории». И вообще...

И почему, кстати, «иностранец»? Официально нашим соотечественником Миллер стал с 1748 года, когда перешел в российское подданство. Умер в 1783-м.

Или соотечественником нашим может считаться только тот, кто «родится правильно», в Холмогорах, например? А учился, как Ломоносов, например, в Германии, да женат на немке?

И еще цитата.

«...Особенно тяжело несут свой крест те, кто так старался, так старался всегда идти в ногу со временем (да еще при этом на цыпочках). Самое неприятное было то, что слишком часто приходилось перемывать ногу. Но ведь не все могут это делать легко и быстро, гуляючи, припеваючи, играючи, напевая, танцуя, плюясь и сморкаясь...»

...Но — «истина остается истиной, независимо от того, что существует и ложь».

Так писал в своей преисполненной сарказмов книге «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» ее автор Аркадий Белинков.

«Во главе с русским народом»

С первых лет после революции взгляд на историю России был (вполне объяснимо) несколько упрощенным: отсталая, «тюрьма народов», беспощадной метлой вымести все рецидивы проклятого прошлого... И это, признаться, многим нравилось, особенно — про беспощадную метлу. При этом, правда, границы Российской империи старались сохранить, насколько возможно, — незыблемыми. И даже расширить их. Потому что — не тюрьма уже, чай, понимать надо, а не понимаешь — заставим.

дов. — Ред.) Истории, собственно говоря, самой и не было; ее не изучали в школе, памятники рушили, все начинали с самого начала. Жили настоящим и будущим. Ими и гордились. Впрочем, к некоторым фигурантам «академического дела» вернемся позже.

Потом грянула война, естественно, подстегнувшая патриотизм, которым скоро стали именовать нечто совсем другое.

В первом номере журнала «Славяне» за 1943 год в редакционной статье впервые была высказана новая важная идея, говорившая о дальнейшей эволюции партийно-государственной идеологии. «Русский народ предстает перед всем славянским миром как мститель за оскорбление, нанесенное всей славянской семье народов. Есть центр для объединения славян в отпоре наглым немецким разбойникам. Это Россия. Народы Советской страны во главе с русским народом создали государ-

Александр АПСИТ

В 1930 году состоялось знаменитое «академическое дело», когда по надуманным предлогам по нелепому обвинению в подготовке к «свержению советской власти и восстановлению монархического строя» разом было арестовано несколько десятков крупнейших российских историков с дореволюционным научным прошлым. (В частности, такие величины отечественной исторической науки, как С.Ф. Платонов, М.М. Богословский, Е.В. Тарле, М.К. Любавский, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье... Причем идейным вдохновителем этих репрессий стал только что избранный академиком «историк-марксист» М.Н. Покровский, позже, уже после своей смерти, обвиненный, в свою очередь, в «вульгарном социологизме» и «очернительстве» российской истории — в связи с очередным виражом политической конъюнктуры во второй половине 30-х го-

ство нового типа, равного которому нет по прочности. В Великой Отечественной войне советского народа изжито и былое недоверие славянских народов к старшему в их семье — к русскому народу»...

Другими словами, от идеи союза равных славянских народов, провозглашенной в трудную минуту 1941 года, начался переход к давней идее союза во главе со старшим братом — русским народом, то есть идея славянского объединения стала принимать русоцентристский характер. Наименование русского народа «старшим братом» с течением времени становилось все более привычным и частым.

Служанка ПОЛИТИЧЕСКОЙ

ЦЕЛЕСО- ОБРАЗ- НОСТИ

Летом 1944 года в Москве было проведено совещание власти и историков. Компетентные органы сочли, что настало время «сверить часы». Потому что стали заметны отклонения от (выбранного наверху) курса.

Еще в феврале секретарю ЦК А.С. Щербакову сообщили о том, что профессор Московского университета Михаил Тихомиров (будущий академик) проявил непростительную близорукость при написании работы «Ледовое побоище и Раковерская битва». Очевидно, обла-

Архив РАН

Михаил Тихомиров

дая более сильным критическим интеллектом источниковеда по сравнению с Тихомировым и лучше него ориентируясь в средневековых документах, некий партработник Е. Леонтьева зорко подметила следующее: «Сбитый с толку немецкими источниками» (!) историк неверно «утверждал вслед за немцами, что отношения... русских князей с народами Прибалтики якобы преследовали грабительские цели, что русские грабили и разоряли западные

области ливов и эстов. Профессор на протяжении многих страниц своей книги охотно цитирует высказывания немецких историков (Генриха Латвийского, онемеченного латыша, кстати, но Леонтьева этого не знала), по существу, направленные на утверждение фашистской легенды о превосходстве германской нации. Автор... утверждает, что «в 1210 году немцы ходили на приморских эстов со вспомогательным отрядом русских из Пскова. Набег сопровождался страшными грабежами и насилиями. Немцы с их союзниками (т.е. русскими), обходя все кругом, разоряли и сжигали, что находили, а коней и бесчисленные множества скота угоняли за собой»...

Леонтьева не объяснила, Тихомиров ли выдумал этот факт, немецкие ли фашисты, жившие в XII веке, фальсифицировали историю. Важен был обнаруженный идеологический вывих.

Книга Тихомирова была запрещена. С другой стороны, тревогу вызывали и те, кто, казалось бы, никаких тревог вызывать не мог: ортодоксальные большевики типа заслуженного академика Анны Михайловны Панкратовой, явно недооценившие новых задач, вставших перед страной.

Из письма Панкратовой в ЦК. «Профессор Смирнов П.П. заявил, что «теперь перед нами другая задача — возвеличение нашего прошлого, и нам необходимо реабилитировать не только Ивана IV и Петра I, но и других царей XVIII, XIX веков, так как они действовали в своей внешней и колониальной политике в интересах укрепления Российской

державы и ее расширения, а массовые народные движения, в частности, крестьянские и национальные восстания, подрывали государственное могущество России. Профессор Яковлев объявляет прогрессивной всю колониальную политику царизма в XVIII–XX веках. С целой программой «пересмотра» истории СССР выступил на заседании авторов коллектива второго тома учебника по истории СССР для вузов руководитель Высшей дипломатической школы профессор Бушуев С.К. Мотивируя необходимость этого пересмотра условиями Великой Отечественной войны, он выдвинул лозунг: «Добить национальный нигилизм!»...

Собственно, Панкратова была обижена не присуждением Сталинской премии двухтомнику «История Казахской ССР», где она была руководителем авторского коллектива. Так что у нее на грядущее совещание были свои планы.

Но письма Панкратовой обратили на себя внимание работников идеологического аппарата ЦК партии. И 18 мая 1944 года начальник Управления пропаганды и агитации ЦК Александров, редактор «Правды» Поспелов и заместитель начальника Управления пропаганды и агитации Федосеев подписали служебную записку под названием «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков». Документ был направлен секретарям ЦК Маленкову и Щербакову.

Сама Панкратова была обвинена в том, что она в школьном учебнике «вслед за немецкими историками начинает русскую

Фрагмент портрета Ивана Грозного Виктора Васнецова, 1897 год

историю с Рюрика и навязывает советским людям немецкие фальсификации о варяжском происхождении русского государства».

Далее, анализируя статьи и учебники по истории России, критики обвиняли авторов (Панкратову, Бахрушина, Лебедева, Нечкину) в том, что в их трудах «умалывается и принижается великое историческое прошлое нашей Родины, замалчивается и искажается роль выдающихся деятелей русского народа». К этим деятелям были отнесены такие прихотливо соединенные фигуры, как Иван Грозный, Минин и Пожарский, Суворов, Кутузов, Ушаков, Нахимов, Радишев, декабристы, Белинский, Чернышевский и Добролюбов. Особенно партийные критики вступились в защиту царя Ивана. Все описания отрицательных черт грозного правителя, данные Бахрушиным в школьном и вузовском учебниках, партийные идеологи с возмущением цитировали, считая чуть ли не клеветой на этого героя российской истории.

Авторы записки подчеркивали цивилизующую роль России в истории нерусских народов, попавших в ее состав. Эта мысль сопровождалась явным принижением культурного уровня других стран. О казахской государственности, например, говорилось, как о «зачаточной», о китайцах (а казахи могли быть завоеваны не русскими, а китайцами) — как о «варварских племенах Востока». Такой прием призван был оправдать завоевание Казахстана именно Россией.

В общем, совещание историков собралось. В нем приняли участие наряду

с учеными аж три секретаря ЦК ВКП(б) с командой идеологических работников меньшего ранга. На совещании (продолжавшемся с огромными — до двух с лишним недель — перерывами) выступили все. Чтение заволажывающее; жаль, что за отсутствием места нельзя многого привести.

Мнение партийного руководства было поручено огласить С. Ковалеву, заведующему отделом Управления пропаганды и агитации ЦК. Ковалев имел ученую степень кандидата наук, видимо, поэтому был выдвинут для выступления перед почтенными академиками и директорами институтов именно он.

Ковалев, в частности, сказал: «Авторы (учебника для исторического и неисторических факультетов) не нашли ничего лучшего, как характеризовать развитие русской культуры в течение всего XVII века словами изменника Родины Котошихина. Известно, что Котошихин, будучи служащим в одном из приказов, продавал государственной важности документы иностранцам, затем бежал за границу и там... написал пасквиль на русское государство и русский народ. Авторы учебника цитируют наиболее отвратительные места этого пасквиля. Вслед за высказываниями Котошихина авторы приводят писания другого изменника родины князя Хворостинина. Непонятным становится, почему эти писания изменников родины Котошихина и Хворостинина отнесены к русской культуре XVII века и зачем привели авторы их высказывания для характеристики развития русского народа»...

Откуда же было знать людям, не изучавшим русской средневековой истории, что при всей неприглядности нравственного облика Котошихина он — автор сочинения, в котором наиболее обстоятельно были описаны московские порядки, что его произведение — это единственное в своем роде свидетельство о жизни правительственных учреждений тогдашней России. Вопрос о ценности исторического источника для кандидата исторических наук Ковалева не вставал. Слова «изменник Родины» в условиях третьего года Великой Отечественной войны звучали грозно и страшно. Преступно было цитировать любое сочинение изменника.

Итоговый документ совещания готовил Александров, потом дело поручили Жданову. Сталин контролировал, вдумчиво читал и правил варианты (одиннадцать!). Последняя редакция текста, которую удалось обнаружить в архиве, относилась к 9 сентября 1944 года.

В целом содержание тезисов сильно менялось; их, что называется, качало с борта на борт. Но итоговая правка Сталина была незначительной. Можно полагать, что основное содержание тезисов уже не вызвало возражений с его стороны. Однако они так и не были опубликованы.

И хотя тезисы ЦК по ходу работы над ними наполнялись идеями славянского единства и дополнялись мыслями о солидарности с югославскими партизанами, они, увы, включали в себя и не подходящие для текущего момента идеи и характеристики. Советская армия к тому времени вышла на границы СССР, вступила в Польшу. Стоило ли напоминать полякам о том «общеизвестном факте, что царизм был угнетателем трудящихся, а царская Россия — тюрьмой народов», сообщать о том, что среди российского руководства есть люди, которые оправдывают реакционную колониальную захватническую политику царизма, отрицают прогрессивное значение национальной освободительной борьбы угнетенных народов (в том числе и польского народа), возрождают «реакционные, великодержавно-националистические воззрения» или находятся в идейной зависимости от «немецких историков-норманистов»? У Сталина могли быть различные причины, чтобы воздержаться от публикации тезисов. Несомненно, что действительность была богаче высказанных здесь предположений, нет сомнений также и в том, что принять решение об отказе от опубликования тезисов мог только Сталин.

Служанка ПОЛИТИЧЕСКОЙ

ЦЕЛЕСО- ОБРАЗ- НОСТИ

Но главное, что еще раз показало совещание (прежде всего — самим историкам), это то, что любая окончательная оценка исторических событий, пусть и свершившихся многие столетия назад, может быть сделана лишь в единственном месте — в ЦК партии, властью. В связи с целесообразностью или тем, что под целесообразностью понимается.

Где вскрывались серьезные ошибки

9 августа 1944 года. ЦК ВКП(б) вынес постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В этом постановлении ЦК партии заявил о «серьезных ошибках идеологического характера в исторической науке, в литературе и искусстве Татарии». В резолюции постановления говорилось: «Предложить Татарскому обкому ВКП (б) устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идигее). Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против царизма и помещичье-крепостнического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов — героев Отечественной войны».

Кроме того, именно в этом постановлении впервые ясно была высказана мысль об опасности преклонения «перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран».

7 декабря 1944 года работник ЦК А. Назаров, побывавший в Мордовской АССР, сигнализировал Маленкову: «За время своего пребывания в Мордовии мной просмотрены некоторые исторические книги, изданные за последние годы Мордовским научно-исследовательским институтом. При ознакомлении с этой литературой обращает на себя внимание то, что в освещении истории Мордовии имеют место серьезные извращения националистического порядка. Переход Мордовии под господство русского государства историками Мордовии рисуется как сплошная разорительная колонизация мордовского народа. Господство Московского государства отождествляется с татарским игом. Причину рассматривают не как исторически необходимое средство в борьбе с реакционной частью боярства за укрепление многонационального русского государства, а как реакционное явление в истории русского государства. Историк т. Максаев... восхваляет «богатыря» Сабана лишь потому, что он являлся непримиримым противником опричнины Московского государства. В мордовской литературе отрицается прогрессивная роль для того времени крещения мордвы и идеализируется дохристианское язычество».

По этому сигналу началась широкая проверка. Была составлена итоговая справка «Состояние и задачи изучения истории Мордовской АССР». Ее авторы — директор Мордовского научно-исследовательского института языка, истории и литературы и заведующий сектором

истории института, оправдываясь, указывали на то, что о завоевании мордвы Иваном IV и превращении края в колонию Московского государства говорится как в первом, так и во втором томах учебника по истории СССР для вузов. То есть освещение событий в главном советском обобщающем труде — учебнике — тождественно пониманию этих же событий мордовскими историками, что и служило им оправданием.

Кажется, отговорились...

В декабре 1945 года ЦК партии отметил, что в «Истории Казахской ССР» (привет академику Панкратовой!) приукрашиваются национально-феодальные отношения казахов и, наоборот, недостаточно показывается угнетение трудящихся масс со стороны казахских султанов и ханов. Вопреки историческим фактам казахское государство XV–XVIII веков объявляется прочным и могущественным государством, тем самым объективно умаляется значение Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей подлинно независимое государство — Казахскую ССР, являющуюся неразрывной частью Советского Союза. В «Истории Казахской ССР» дана однобокая оценка присоединения Казахстана к России. Этот факт рассматривается в «Истории» только под углом зрения завоевательной политики русского царизма. Авторы не учли исторической обстановки, сложившейся в Казахстане в момент его присоединения к России, и не показали по-настоящему прогрессивное значение во-

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

ждения Казахстана в состав Российской империи. В книге совершенно недостаточно показываются экономические и культурные связи между казахским, русским и другими народами СССР, их совместная борьба с царским произволом и насилием, способствовавшие сближению народов нашей страны и их сплочению вокруг великого русского народа.

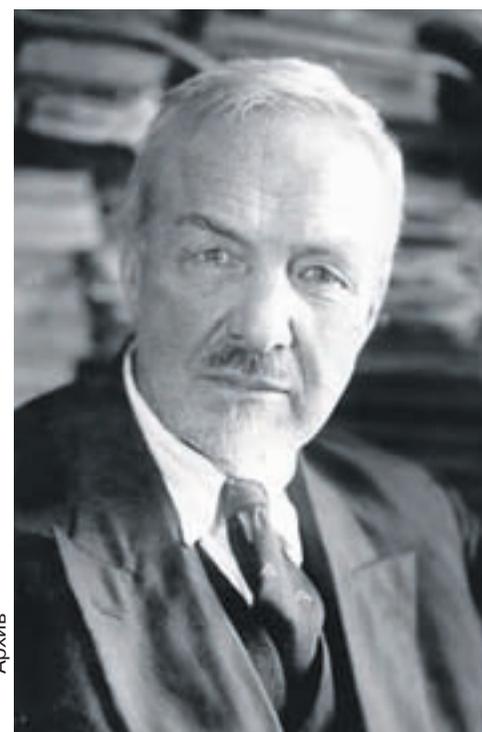
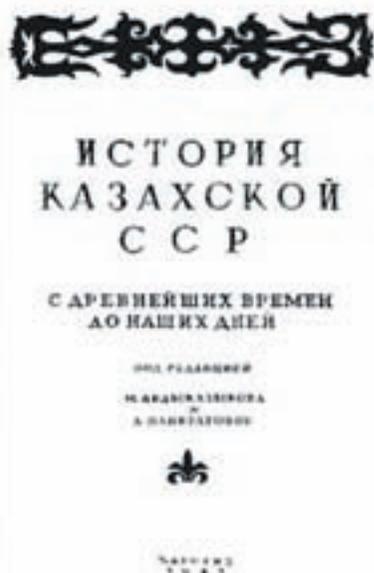
ЦК поставил задачу коренным образом переработать книгу.

В отчете, который был представлен в ЦК группой работников Управления агитации и пропаганды, содержались резкие формулировки в адрес ЦК компартии Казахстана, в частности, секретаря ЦК компартии Казахстана Абдыкалыкова, который «пытался всячески смазать допущенные ошибки». На предложение одного из проверяющих провести собрание партийно-советского актива и интеллигенции с докладом «Об ошибках, допу-

Европы... Роль восточных славян, оставивших и опрокинувших монгольские полчища и спасших тем самым цивилизацию Европы, остается невыясненной. Подобное выключение восточных славян из истории Средних веков не дает возможности научно разработать историю этой эпохи».

Намекая на работу А.И. Яковлева о холопстве на Руси, Александров и в ней увидел тлетворное влияние немецких историков. Яковлев сближал название славян с восточным и западноевропейским названием раба. Партийные идеологи увидели в этом прямой результат воздействия немецких фальсификаторов — «клеветническое положение о рабском характере славянских племен, якобы нашедшее свое выражение в психике, культуре и государственности славянских народов». Эту часть своего доклада Александров завершал постановкой очередной задачи для

Оттоном I, победы которых над славянами повыбрасывали на итальянские, испанские и африканские невольничьи базары огромные партии военнопленных славянских невольников. Вот почему и на востоке, и на западе нарицательным термином для обозначения невольника вообще сделалось племенное название именно «славян», произошедшее через ряд ви-

Архив

Алексей Яковлев

щенных в «Истории Казахской ССР» и задачах улучшения идеологической работы» Абдыкалыков ответил: «Если кто захочет, пусть проводит, а я выступать больше не буду. Мне это уже надоело».

Проверочная комиссия предложила отстранить Абдыкалыкова от должности, что, скорее всего, и было сделано.

Доклад Александрова 1 августа 1945 года. «О некоторых задачах общественных наук», с которым он выступил на курсах преподавателей социально-политических дисциплин, был опубликован в журнале «Большевик» и стал директивным.

«Ни один из учебников по истории Средних веков не говорит о роли Киевского государства в истории

историков — «до конца разоблачить немецкую фальсификацию истории происхождения славян, воссоздать полную картину истории и многогранной духовной и политической жизни славянских народов, что сослужит большую службу делу единства и прогресса славянских народов в наше время».

Что же написал Яковлев в своей многострадальной книге? «Славянские рабы становятся одним из самых ходовых товаров на среднеазиатских, месопотамских и на всех средиземноморских рынках... Особенно значительные массы славянских рабов появились на рынке после ударов, нанесенных славянству Карлом Великим, Людовиком Немецким и имп.

доизменений и укоренившееся в разных вариантах едва ли не у всех западноевропейских народов».

Действительно, как можно подобное написать — о величайшем среди народов мира, ведомом от победы к победе товарищем Сталиным?!

Начавшаяся в 1947 году дискуссия о движении Шамиля обострила внимание историков к теме присоединения тех или иных территорий к России, заставила задуматься над оценкой этого явления, над применимостью ходячей формулы «наименьшего зла», выдвинутой еще в 1937 году в постановлении жюри по итогам конкурса на лучший учебник по истории СССР для школьников.

В 1950 году власть начала открытое наступление на историков, которые выдвигали положительную оценку движения Шамиля.

Служанка ПОЛИТИЧЕСКОЙ

ЦЕЛЕСО- ОБРАЗ- НОСТИ

6 мая 1952 года «Правда» сообщила читателям, что азербайджанский историк Гейдар Гусейнов лишен Сталинской премии (*причем посмертно*. — Ред.), которую ему присудили за книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX в.».

Современник события, историк С.С. Дмитриев, с изумлением отметил в своем дневнике, что это был «случай беспрецедентный в своем роде». Некоторые книги, удостоенные премии, подвергались суровой критике, но авторов премии не лишали.

«Вину Гусейнова... усмотрели в том, что в этом труде идеализирован мюридизм Шамиля и сам Шамиль, показанные как явления социального порядка, борьба народно-освободительная», — писал Дмитриев.

«Но ведь все это было в Дагестане! — восклицал Дмитриев. — И удельный вес этого вопроса в книге, трактующей Азербайджан, ничтожен. И наконец, ведь во всех учебных пособиях Советского Союза (в том числе и авторов, и редакторов, являющихся лауреатами Сталинской премии Нечкиной и Панкратовой) именно так и трактуется Шамиль. Так же дело обстоит и с учебником Шестакова, и с хрестоматиями, и пр. и пр.».

16 мая Дмитриеву позвонила Панкратова с предложением подписать письмо, составленное ею и Нечкиной и обращенное к сыну Жданова Юрию, тогда возглавлявшему отдел науки ЦК. В письме содержалась почтительная просьба собрать совещание историков в связи с отменой премии Гусейнова и вопросами об освещении борьбы горцев. Историкам, оказывается, необходимо было объяснить, как они должны писать дальше и о чем.

Как же!.. Сами должны догадываться!

Дмитриев предполагал, что идея письма принадлежала Нечкиной: «Она еще вчера в МГУ об этом заговаривала».

Встретив Панкратову 17 мая и побеседовав с ней, Дмитриев воочию увидел, что она «совершенно не понимает ничего в связи с решением о книге Гусейнова. Участвовал в этом разговоре и Бушуев, также подавленный».

Сравнение первого тома учебников по истории СССР для вузов 1939 и 1948 годов издания привело к следующему наблюдению.

В издании 1948 года была исключена фраза о психопатологических извращениях Ивана Грозного. Учебник 1939 года говорил о том, что жестокости Ивана только «в ряде случаев (!) были вызваны упорным сопротивлением крупных феодалов», а в 1948 году речь шла о том, что «как правило (!), его жестокости были вызваны» таким сопротивлением.

Из второго издания учебника выпала такая нелестная характеристика Грозного: «Разврат и пьянство, которым он предавался без удерж, рано его состарили, и он умер далеко не преклонных лет».

Текст под названием «Историческое значение петровских реформ» вырос в три раза.

В издании 1948 года появился новый фрагмент — «Великий русский полководец А.В. Суворов».

Очень сильно был сокращен текст, освещавший «греческий проект» Екатерины Второй (завоевание Турецкой империи), исключена обширная цитата из работы Энгельса «Внешняя политика русского царизма» и шесть строк авторского текста, в которых говорилось об агрессивном характере внешней полити-

ки России. В обстановке холодной войны эти материалы, с точки зрения власти, были неуместны. С другой стороны, затуманивание агрессивности России также способствовало идеализации русского народа и его истории.

«Какая концепция понравится Ему?»

В 2005 году брянский профессор Александр Дубровский издал замечательную книгу «Историк и власть. Историческая наука и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950 гг.)». Очень много нигде больше прочитать мне не удалось — только в этой книге; какие-то факты из нее я здесь и использовал. И отдельной главой в книге даны наброски к портретам ведущих деятелей отечественной науки, людям, которые в глазах массового читателя определяли облик прошлого страны. Портреты вызывают, мягко говоря, горечь.

«Идеологическая дань», которую платил власти каждый из ученых, была разной. Разными были цены и меры компромисса с властью у этих людей. Поэтому разной оказалась и ценность сделанного ими.

Академик **Борис Дмитриевич Греков**, лауреат Сталинской премии; в 1930 году был осужден по «академическому делу».

Сохраняя порядочность в отношениях с коллегами, он то и дело был вынужден

Архив РАН

Борис Греков

приспосабливаться к велениям власти. Характерна фраза, запомнившаяся коллеге Грекова и содержащаяся в книге историка В.Б. Кобрин. Греков спрашивал: «Вы же партийный, посоветуйте. Вы должны знать, какая концепция понравится Е м у». И показывал на портрет Сталина, висевший на стене...

Написанные Грековым книги сейчас читать трудно. По мнению того же Кобрин, «в трудах Б.Д. Грекова сегодняшнего читателя поражает сочетание широкой эрудиции и высокой профессиональной культуры со схематизмом выводов, точно укладывающихся в прокрустово ложе формационного учения в том виде, в каком оно было изложено в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Член-корреспондент АН СССР **Сергей Владимирович Бахрушин**, лауреат Сталинской премии; был осужден по «академическому делу», в 1933 году амнистирован.

В 20-х годах, занимаясь историей Сибири, он написал работу «Русские переселенцы в прошлом». Оказалось, что картина взаимоотношений русского населения и местных жителей, настолько была наполнена жестокостями, что она никак не соответствовала стремлению власти в 1930-х годах показать благотворность присоединения тех или иных народов к России. Ясно, что эта работа оказалась нежелательной для опубликования и не появилась в печати.

Во второй половине 30-х годов Бахрушин выступил в Институте истории с докладом «Восстание в Западной

Сибири в 1662–1665 годах». Это восстание носило антирусский характер, имело целью отделить значительную часть территории Сибири от России. По недосмотру власти материал об этом восстании еще не был вычищен из учебной литературы. Поэтому, с точки зрения Бахрушина, тема вовсе не была запретной или сомнитель-

Архив

Сергей Бахрушин

ной в политическом отношении. Будь у автора хоть малейшее сомнение в этом, он, напуганный «академическим делом», никогда бы не пошел на выступление с подобным докладом.

Понятно, что тема борьбы любого нерусского народа в пользу образования собственного государства была запретной при жизни Бахрушина. Да и в 1980-е годы, когда профессор Дубровский готовил к печати сборник неопубликованных трудов Бахрушина, эта работа давно покойного историка была сочтена «неуместной» для издания.

Академик Лев Владимирович Черепнин.

Профессор Дубровский приводит немало важное свидетельство о его судьбе. Это письмо И.С. Макарова Бахрушину от 20 декабря 1932 года.

«...Лев Вл. находится по-прежнему близ с. Копачево на Двине в 120 верстах от Архангельска. Он перенес тиф и как будто до сих пор еще не может перейти на конторский труд; летом занят на каменных разработках, а зимой — на заготовках леса. Для него самое лучшее было бы перебраться, по крайней мере, в Архангельск: с Копачевым очень плохое сообщение,

и посылки задерживаются по 2 месяца. Сначала у него было очень мрачное настроение, но теперь он, кажется, преодолел его и крепится. Во всяком случае, его искусство оказалось самым тяжелым.

...Мне следователь Брауде прямо заявила, что мои фашистские убеждения ей хорошо известны. Я обвинялся в участии в организации, а Лев Владимирович лишь в недоносительстве, причем ему было обещано освобождение в том случае, если он возьмет на себя определенное амплу. Наши доклады у Вас на квартире рассматривались следствием как одно из звеньев организации, причем спорить и опровергать всю вздорность этих построений было совершенно бесполезно. Но на вопрос относительно участников наших собраний мы с Л.В. ответили по разному. Л.В. отказался их назвать, а я, как это ни было неприятно, назвал фамилии, так как был

Архив

Лев Черепнин

уверен, что все сидят. Следовательница лишила Л.В. передач, и я допускаю, что ссылка под Архангельском была следствием его, без сомнения, наиболее принципиальной, но, по-моему, все же неправильной позиции: ведь для следователей не секрет, что ссылку на Север можно сделать гораздо тяжелее лагеря».

Итак, Черепнин отказался сотрудничать со следствием, стать доносчиком (принять «определенное амплу», как выразился Макаров), и наказание ему последовало особенно тяжелое.

Служанка ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСО- ОБРАЗ- НОСТИ

Власть низвела историка до положения арестанта, чернорабочего, а затем изгоя, боящегося чуть ли не каждого милиционера на московской улице. Он, как и все историки, проходившие по «академическому делу», был напуган на всю жизнь.

Черепнин как будто следовал совету из письма Тарле: обязательные молитвословия — литании — произнесены, а далее начинается настоящая работа.

Эту сторону произведений Черепнина помогают понять воспоминания историка А.А. Зимины, современника событий.

«Прибегает в сектор ответственный редактор «Феодалных архивов» С.В. Бахрушин с корректурой первого тома в руках. Беда! После августовской сессии ВАСХНИЛ поступило указание выявить и вытравить идеализм в науке. Чем эта кампания кончится, никто предугадать не мог. Но опыт 1930 года Сергея Владимировича и Льва Владимировича говорил о многом. И вот появляется заключение к тому (подписан к печати 11.09.1948) под названием «Критика буржуазных трудов по актово-му источниковедению раннего феодализма». В нем досталось и А.С. Лаппо-Данилевскому, и С.Б. Веселовскому, и — не успел трижды прокричать петух — А.А. Шахматову. Бросив вскользь одну фразу о «технических приемах» Шахматова, автор задался целью определить, «в какой мере эти приемы представляют научную ценность».

И оказалось, что эти приемы применялись Шахматовым «в ограниченном плане буржуазной методологии», ведь он не ставил задачи «за историей текста выявить движущие социальные силы». Уже второй том «Феодалных архивов» был испорчен вульгарным социологизмом (первый в основном тексте не пострадал). Он уже начинается с «Марксизма и языкознания» Сталина. Затем шло подряд шесть цитат из других работ классиков».

Во второй части своего труда при анализе социальных отношений Черепнин почти на каждом шагу обнаруживал проявления классовой борьбы и цитировал высказывания основоположников марксизма. Мало того. В последнем параграфе последней главы он охарактеризовал Судебник 1497 года как «выдающийся памятник юридической мысли, превосходящий современные ему европейские собрания законов»...

И стоящий наособицу человек, не согнувшийся, не поддавшийся. Академик **Степан Борисович Веселовский**.

Степан Веселовский

Архив РАН

Впервые он довольно обстоятельно высказался об Иване Грозном и его внутренней политике в большой статье «Синодик опальных царя Ивана как исторический источник», опубликованной в 1940 году. Опубликование работы Веселовского облегчалось тем, что она была предназначена для академического сборника статей и носила источниковедческий характер. В ее названии не содержалось никакой оценки правления Грозного. Автор писал о казнях в период правления Грозного. Однако их в то время не замалчивали и апологеты царя. Репрессии и жестокости Ивана были оправданы, в частности, в учебнике для университетов тем, что эти жестокости ничем не отличались от тех, которые допускали другие правители, современники Грозного, а также и тем, что царь осознал необходимость создания сильного государства и не останавливался ни перед чем для достижения этой цели.

«В одних случаях (казни) происходили по суду и публично, в других — без суда, без объявления вины, внезапно; в одних случаях сопровождалась пытками, мучительством и затем издевательствами над трупами, в других все ограничивалось смертью и конфискацией имущества, — писал Веселовский. — Со времени учреждения опричнины в 1565 году казни приобрели характер организованного террора, направленного уже не столько против виновных, сколько против самых широких слоев населения, но в первую очередь, конечно, против тех, кто подвергался под горячую руку царя, кто составлял его ближайшее окружение и был

Памятник Ивану Грозному в Орле

исполнителем его распоряжений, будь то боярин, приказный дьяк или псарь, поставленный на заставе. Через них царь Иван распространял ужас в низшие слои населения, а иногда производил непосредственные погромы. Террор принимал характер системы»...

Веселовский отвергал мысль о важной роли царя Ивана в проведении реформ в 1547–1550 годах. В это время Иван был юношей, проводил большую часть времени в поездках на охоту и богомолье, а затем находился под опекой своих советников. «Мы не имеем никаких оснований приписывать реформы Ивану, они совершены его именем, с его одобрения, но ссылаться на них в доказательство мудрости и государственных талантов Ивана нет оснований... Его действия, поступки в частном и целом, в большом и малом обличают в нем не прозорливого и передового государственного деятеля, а, наоборот, человека старых понятий, хозяина вотчины-удела доброго старого времени, волею судеб поставленного во главе огромного государства в очень тяжелый период его переустройства из вотчины московских князей в европейское государство»...

Последние два-три года жизни Ивана можно рассматривать как годы крушения всей его внешней и внутренней политики... Попытка царя Ивана «в Европу прорубить окно» окончилась после продолжительных войн, потребовавших от населения огромных жертв, неудачей...

Годы его самостоятельного государственного управления — с 1560 г. и до смерти — были едва ли не самым темным и тяжелым периодом во всей истории Московского государства. По бедствиям, перенесенным народом в это время, этот период не уступал лихолетью Смутного времени с его дворцовыми переворотами, самозванщиной, гражданской войной и польской интервенцией»...

4 сентября 1946 года оргбюро ЦК партии вынесло постановление, в котором говорилось: «Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма «Иван Грозный» обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представляя прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана». Партийный документ точно цитировал высказывания Сталина на беседе с авторами фильма. Таким обра-

зом, его мнение приобретало характер директивы.

С 1945 года до самой смерти историка, последовавшей в 1952 году, Веселовский не опубликовал ни строки об опричнине. «Есть основание думать, что работа была прервана по какой-то внешней причине, быть может, по боязни доноса и обыска»... И уже после его смерти (в 1952 г.) в архиве академика нашли подготовленный им цикл очерков. Собранные в огромный том и изданные в 1963 году «Исследования по истории опричнины», наверное, лучшее, что было когда-либо написано об эпохе Ивана Грозного. С тех пор книга не переиздавалась.

Зато сейчас Ивану Грозному в России установлены уже несколько памятников.

«История состоит из разделов. Первый раздел, второй раздел, третий раздел. И хоть бы кто-то одел... Вот такая история».

Так написал сатирик Феликс Кривин.

Павел Гутинтов

ЖИЗНЬ на два профиля

КАК ВЫЧИСЛЯЛИ, НАХОДИЛИ,
СДАВАЛИ, УНИЧТОЖАЛИ
«ВНУТРЕННИХ ЭМИГРАНТОВ»
В СТАЛИНСКИЕ ВРЕМЕНА

Наталья
Громова

В 20–30-е годы двадцатого века в старых облезших особняках, квартирах доходных домов в тоске и мучениях жили люди прежних времен. Они могли быть стариками, а могли быть совсем еще юными. Соединяла их невозможность существования в новом большевистском времени. Бывшие люди — уплотненные в углах старых особняков, в коммуналках доходных домов забивались в щели, чтобы сделаться менее заметными. «Как-то уж очень быстро большинство квартир не только в Приарбатъе, но почти во всей Москве превратились в осиные гнезда, а жизнь в них стала кошмаром. Старые владельцы этих квартир, загнанные в одну, много две комнатенки, жили, стараясь не замечать ужаса этой жизни. Но между тем, чтобы стараться не замечать, и тем, чтобы действительно не замечать, разница очень существенная», — писал художник Владимир Домогацкий в мемуарной повести «Кладовка». Это название как никакое другое отражало состояние умов молодых людей, питающихся соками прежней культуры. Они прятали себя прежних

в таких кладовках-углах старой Москвы, Ленинграда и других городов Советской России. «Квартиры их, уплотненные в одну, реже в две комнаты, превратившись в коммунальные, — самый распространенный вид жилища тогдашнего москвича, — напоминали застывшие музеи предреволюционной поры. В их комнатах громоздилось красное дерево, старые книги, бронза, картины. Они были островитянами в мутном потоке нэпа, среди народившихся короткометражных капиталистов и возрождающегося мещанства, но в равной степени отделены и от веяний новой, формирующейся культуры, еще очень противоречивой, зачастую прямолинейно примитивной в своих первых проявлениях».

Потихоньку ходили на службу в советские учреждения, потихоньку писали, для себя, при свете керосиновой лампы, потихоньку встречались с такими же бывшими. Старались как можно меньше говорить, не попадаться на опасные разговоры, не обсуждать новости, уходить от прямых ответов. Пытались правильно голосовать на собраниях, не пропускать субботники и воскресники.

Но их узнавали по манере говорить, держаться, вести. Их вычисляли, находили, вели, сдавали, а затем уничтожали. Для этого существовал не только штат обученных людей; их порой губили такие же, как они, — бывшие.

Кто-то из них сумел выжить и дотянуться до последующих времен. Но этот процесс отнял у них огромные силы.

Помимо тех, кто связал себя неразрывно с прежней эпохой и культурой, были и те, кто хотел перемен, хотел строить новый прекрасный мир, но в какой-то момент времени оказалось, что и они

вынуждены были внутренне эмигрировать. Их внутренняя эмиграция была или смелой деятельностью, или сознательным двуединым. Так успели исчезнуть из Москвы и устроиться на незаметную работу старые большевики, угадавшие страшный замысел вождя, который перебил в конце 30-х годов прежнюю ленинскую гвардию. От них почти никого не осталось, но те, кто выжил, надолго сохранили опыт молчания. Было великое множество тех, кто «жил на два профиля», лгал на собраниях, а потом много и безнадежно пил. Потом внезапно умирали, чаще от сердечных приступов. Именно о них скажет Пастернак словами героя Юрия Живаго.

«В наше время очень участились микроскопические формы сердечных кровоизлияний, — говорит Живаго своим друзьям в 1929 году. — Они не все смертельны. В некоторых случаях люди выживают. Это болезнь новейшего времени. Я думаю, ее причины нравственного порядка. От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного криводушия. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь; распинаться перед тем, чего не любишь, радоваться тому, что приносит тебе несчастье. Наша нервная система не пустой звук, не выдумка. Она — состоящее из волокон физическое тело. Наша душа занимает место в пространстве и помещается в нас, как зубы во рту. Ее нельзя без конца насиловать безнаказанно». То, что сталинская эпоха истерзала души людей, как говорил тот же Пастернак, «замучила живьем», понимали многие, но он с беспощадной точностью объяснил, почему оставались рубцы и отметины как на сердце, так и в душе.

ДЕЛО БРОННИКОВА

Возможно ли было в 30-е годы людям, исповедовавшим иные, несоветские ценности, уйти в другой мир, в иное измерение? Например, устроиться на незаметную работу, тихо сидеть на собраниях, не высовываться, не разговаривать с сослуживцами, соседями по коммуналке. Конечно, так жили очень многие. Но все-таки люди хотели встречаться с друзьями

и близкими, сохраняя остатки своего, пусть и исчезающего мира. Эта история произошла в Ленинграде в 1932 году.

О том, что существовало огромное дело, которое ленинградские следователи назвали «делом Бронникова», по имени человека, основавшего и входившего в десяток домашних ленинградских кружков, стало известно только в 1990 году, когда

Государственной публичной библиотеке к очередному юбилею ФСК (бывший КГБ) сделала царский подарок — вручила хранителям дело, в котором были показания нескольких бывших сотрудников библиотеки, а по обвинительному заключению проходили двадцать три человека, среди которых были не только сотрудники Государственной публичной библиотеки (нынешней РНБ), но и студенты Государственного института истории искусств (ГИИИ), работники ленинградской кинофабрики, представители технической интеллигенции.

Жизнь на два профиля

Каждый из них был участником одного или нескольких небольших неформальных объединений. Многие из них ходили на службу, на работе ничем не выделялись. Но в домашнее время делали то, что им было особенно важно и интересно.

В 1927 году Михаил Бронников и несколько его знакомых, увлеченных киноискусством, организовали кружок и дали ему необычное название «Бандаш».

Молодые люди, не имея возможности создавать кинофильмы, делали фотофильмы. Писали сценарии, выстраивали мизансцены, фотографировали, а потом монтировали. Деятельность кружка «Бандаш», как скажет Бронников на допросе, «шла под знаком освоения буржуазного кино- и фотоискусства. Не удовлетворяясь пассивным восприятием кино и подбором фильмов, проходящих в советском прокате, мы решили создавать свои собственные произведения». «Мы» — это М. Бронников, М. Ремезов, В. Власов, Г. Шуппе, Н. Ефимов...

Вслед за кружком «Бандаш» с 1927-го по 1931-й возникли «Дискуссионный клуб», «Безымянный клуб», «Штрогейм-клуб», «Шекспир-Банджо», «Академия» и «Фабзавуч», «Бодлеровская академия». Из «практического» «Бандаша» выросли «теоретические» «Дискуссионный клуб» и отпочковавшийся от него «Безымянный клуб». Основной темой дискуссий было современное искусство, а также мировоззренческие и политические вопросы. По словам подследственных, в этих кружках выпускались рукописные журналы («Журнал с именем», «Журнал без имени»). Сюда приходили также физик Георгий Шуппе, друзья Бронникова по Институту истории искусств: словесник Михаил Ремезов, киношники — Фаня (Фанни) Минц, Николай Ефимов... Читали заграничные журналы. Литературу выписывали через издательство «Международная книга», получали от знакомых иностранцев, отыскивали в библиотеках, переводили и вчитывались в нее. Обсуждали современное кино. Георгий Шуппе говорил следователю: «В 1928 г. я познакомился, еще будучи комсомольцем, на квартире Власова с Бронниковым и примкнул к организованному им антисоветскому кружку «Бандаш», в который помимо меня и Бронникова входили Власов,

Шишмарева, Сафонова, Порет Алиса Ивановна, Блетова и молодежь из кинотехникума, из которой я помню двух девиц — Макарову и Москаленко. В дальнейшем я примкнул также к антисоветскому кружку Бронникова «Дискуссионный клуб», где сам не выступал, а слушал других. Помню, в частности, доклад Бронникова о Прусте, сделанный им на одном из собраний клуба». Любопытны два упомянутых имени: Алиса Ивановна Порет — художница, подруга Даниила Хармса, и «девица Макарова» — не кто иная, как будущая знаменитая актриса Тамара Макарова и жена советского режиссера Сергея Герасимова. Им удастся избежать ареста. Молодые культурные девушки и юноши искали свой круг, свою среду. И находили. А дальше кому-то везло, а кому-то нет. В «Безымянный клуб» ходили преимущественно бывшие студенты киноотделения Института истории искусств. В «Штрогейм-клубе» (название — от имени американского кинорежиссера, актера и сценариста Эриха фон Штрогейма) занимались углубленным изучением западного кино. В «Шекспир-Банджо» изучали драматургию и театр, создавали сценические интерпретации классических произведений, разыгрывали их в «театре для себя». Кружки «Академия» и «Фабзавуч» были созданы для просвещения молодых людей, не искусшенных в искусстве. Зато в «Бодлеровской академии» рафинированные эстеты читали друг другу и обсуждали свои собственные литературные произведения. Кружок поэтического творчества под названием «Бодлеровская академия» собирался регулярно, один раз в две недели, по вторникам, на квартире М.Д. Бронникова. И этим кружком он тоже руководил. Сюда приходили заводилом сбыта завода «Красная Заря» Александр Рейслер, сотрудник Научно-исследовательского геологоразведочного

института Павел Азбелев (бывший студент и сотрудник Института истории искусств), инженер Ленпроектдора Борис Ласкеев. Последний показывал: «В 1928 г. по предложению Бронникова я вошел в антисоветский нелегальный кружок «Бодлеровская академия», руководимый и идейно направляемый Бронниковым. В кружок входили исключительно лица из круга инженерно-технических работников. Политической задачей руководства кружка являлось проникновение в среду технической интеллигенции, втягивание в кружок и антисоветское разложение, используя для этого искусство, в частности, литературу как средство. Достигалось это путем отрыва членов кружка, занимавшихся помимо своей специальности также и литературой, от советской тематики и пролетарского метода в творчестве, насыщая его антисоветским содержанием, чтением на регулярных собраниях круга своих и чужих контрреволюционных произведений. На наших собраниях запрещалось чтение современных или даже близких современности произведений. Допускалось чтение исключительно дворянских писателей, воспевающих красивую придворную жизнь, на образцах творчества которых мы и учились. Как я показывал, на вечерах нашего кружка мы читали свои антисоветские произведения. Творчество руководителя кружка М. Бронникова, который наиболее часто читал свои собственные произведения, насквозь пропитано монархическими и дворянскими идеями». Оказывается, Бронников заставлял всех читать дворянскую литературу! Особое место занимал кружок «Шерфоль», где руководителем был не Бронников, а Михаил Лозинский, учитель Бронникова и многих других его коллег по переводческому искусству. Объединение это сложилось еще в 1920 году как студия перевода при издательстве «Всемирная литерату-

ра». Ее участники переводили сонеты поэта Эредиа, а заодно издавали рукописный журнал «Устой», пародировавший современность. Коллективно писали стихи и пьесы, которые затем разыгрывали в своем кругу.

ОГПУ посчитало, что деятельность кружка «Шерфоль» «свелась к антисоветской театрализованной игре: кружок стал представлять собой воображаемое герцогство с соответствующим феодально-монархическим этикетом с установленным дворянским гербом...».

К названным кружкам — в сущности, просветительским — примыкали салоны

существовании загробного мира, о необходимости иметь с этим миром постоянную связь... показывал присутствующим снимок жены писателя Конан-Дойля, вырезанный им из современного английского журнала, под которым эта последняя сообщала, что ей при помощи организованного ею кружка спиритов удается сноситься с духом своего мужа... Моор устраивал спиритические сеансы...». Г.Ю. Бруни на допросах рассказывал нечто поразительное: «Мы вызывали духов, причем эти духи очень часто говорили всякие антисоветские вещи, вроде того, что дух Ленина в загробном мире кается в совершенных им на земле грехах».

Сегодня нам известно, что один из кружков Бронникова оказался в поле зрения органов еще в 1931 году.

Реформированный и укрепленный Секретно-политический отдел ОГПУ (СПО) подготовил секретный доклад «Об антисоветской деятельности среди интеллигенции за 1931 год». Доклад этот был составлен 4-м отделением (часть СПО), которое занималось агентурно-оперативной работой по печати, зрелищам, артистам, литераторам и интеллигенции гуманитарной сферы. Возглавляла его бывшая жена пролетарского писателя Ю.Н. Либединского Марианна Герасимова. Доклад был отпечатан

в шестидесяти экземплярах, разослан всем членам коллегии ОГПУ, всем полномочным представителям ОГПУ, всем местным подразделениям. В ЦК ВКП (б) были отправлены четыре экземпляра: Сталину, Кагановичу, Постышеву и Молотову. В докладе, в частности, говорилось, что, «несмотря на разгром контрреволюционных организаций в издательствах, кинопромышленности, краеведении, музейных сообществах, остались наиболее законспирированные группы, которые глубоко зашифрованы в антисоветской деятельности...». Там указывалось: «Нелегальная литература создана ленинградской антисоветской литературной группой «Шекспир-Банджо», нелегальные антисоветские произведения имеются у ряда московских писателей и антисоветских писательских групп, зачитываются в «своем кругу».

Смысл доклада сводился к тому, что вылавливать теперь надо было тех, кто пытался встроиться в советскую жизнь, стараясь никак не проявлять себя на службе или в общественной жизни, сохранял свое личное независимое пространство, собираясь в литературные, переводческие или эзотерические кружки. Никаких «своих кружков» больше не должно было существовать. После этого доклада судьба кружковцев была окончательно определена. Началась горячая работа по организации дела.

Следователь Алексей Бузников создавал на абсолютно пустом месте огромное дело об антисоветских и фашистских (!) кружках. В 1931-м он работал с обэриутами (кстати, некоторые кружковцы были близки с обэриутами), теперь он стал вдохновителем «дела Бронникова». Известно, что одним из его помощников был начинающий практикант Александр Николаевич Федоров. К 1938 году он вырастет до помощника начальника 4-го секретно-политического отдела УГБ УНКВД ЛО и будет участвовать в следствии по «делу ленинградских писателей», и в частности, Бенедикта Лившица. А уже в 1955 году он будет жить в престижном доме в Ленинграде. Но пока Бузников с помощниками был занят другими делами, и кружковцы еще могли ходить по улицам, бывать друг у друга в гостях, влюбляться, писать стихи, обсуждать тревожащие их проблемы, спорить...

В ходе следствия обвиняемые вели себя по-разному: только двое (М.Л. Лозинский и Н.Н. Шульговский) с безукоризненным достоинством не признали своей вины, большинство же в смятении давали добровольные «признания», были и такие, кто торопился как можно больше сообщить о «преступлениях» своих друзей. Обвинительное заключение инкриминировало их участникам пропаганду фашистской идеологии и монархизма, культивирование традиций дворянской знати, шпионскую деятельность в интересах империалистических государств. Следствие было коротким — началось в марте, а закончилось уже через четыре месяца — в июне. Если сравнивать с машиной Большого террора, то можно считать, что оказалось оно весьма гуманным: постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО (Ленинградского военного округа) 17 июня 1932 года к высшей мере никого не приговорили, давали только по несколько лет исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) или ссылки. Правда, большинство получили потом повторный срок, погибли или пропали в лагерях, кто-то умер в заключении. А те, кто выжил после лагерей и ссылок, старались об этом не вспоминать.

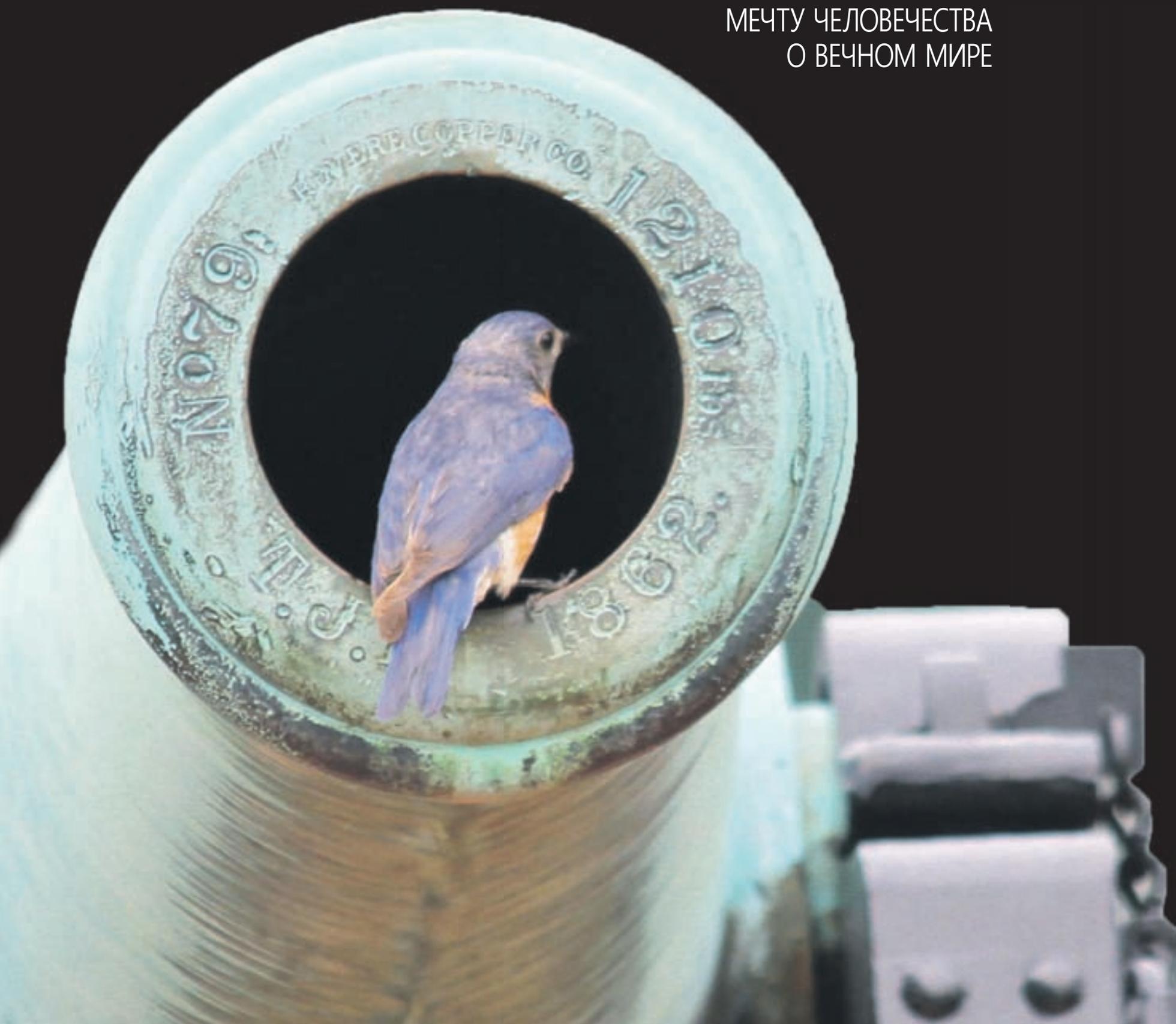
Михаил Бронников

Википедия

Билибиной, Наумовой и семьи Мооров. Для них был создан специальный раздел обвинительного заключения по следственному делу № 249—32 — «Мистико-спиритуалистическая деятельность организации». Эти объединения Бронников не организовывал, а только, в силу своей активности, посещал. Здесь собирались люди более солидные, встречавшиеся еще до революции. Это было другое поколение, которое искало выход в обретении веры вне церкви. В то время и в Москве, и в Ленинграде стали популярны разнообразные мистические течения, собрания новых розенкрейцеров, тамплиеров, спиритов, страстно мечтающих о конце большевизма и пытающихся жить в духовном подполье. От допрошенных были получены сведения о том, что Моор «неоднократно заводил беседы с присутствующими о су-

Запретить войну!

КАК ПЫТАЛИСЬ
ВОПЛОТИТЬ В ЖИЗНЬ
МЕЧТУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
О ВЕЧНОМ МИРЕ

**Павел
Полян**

*Учредить для вечной непрекращающейся войны между желающими всех стран особый пустынный остров, например, Исландию (прекрасная смерть). В обыкновенных войнах пользоваться сонным оружием (сонными пулями).
Велимир Хлебников. Предложения.*

*Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.
В. Лебедев-Кумач*

*Мы боремся за мир! За весь!
Из анекдота о Л.И. Брежнев*

*Первый сатирик: Вчера зашел я в Лигу наций, там звали всех разоружаться...
Второй сатирик: А ты не видел? У Бриана торчали пушки из кармана!
И. Ильф и А. Петров. Так принято.*

**Кенигсберг.
Пацифистский
императив
от Иммануила
Канта**

Как ни странно, но идея вечного мира впервые пришла в немецкую голову, да еще в Пруссии. В 1795 году Иммануил Кант выпускает трактат *Zur ewigen Frieden* («К вечному миру»), где формулирует основные принципы мирного сосуществования наций и, в принципе, даже набрасывает эскиз будущей Лиги Наций как органа, обеспечивающего совместный мониторинг международных конфликтных ситуаций и поддерживающего мир между государствами. Жанрово трактат выстроен как универсальный бланк международного договора о вечном мире между государствами: за краткой преамбулой следует первый раздел с шестью предварительными

статьями, затем второй раздел с тремя окончательными, затем еще два добавления и приложение.

В «Предварительных статьях» — шесть кантовских ударов во избежание войны, то есть условий, которые всем государствам следует принять и прилежно исполнить. Перескажу их своими словами. Первое: мирный договор не может быть секретным, иначе он недействителен. Второе: границы государств застывают, их нельзя менять, причем не только путем завоевания, то есть войной, но их нельзя наследовать, обменивать, покупать или дарить. Третье: все постоянные армии — упразднить. Четвертое: госдолги ликвидируются только своим погашением. Пятое: вмешиваться силой в конституцию или работу правительства другого государства нельзя. Шестое: засылание в страны-противники тайных убийц, отравителей и подстрекателей к измене недопустимо.

В «Окончательных статьях» — условия для поддержания мира между переставшими уже воевать странами. Таковыми Кант находил республиканское, а не монархическое устройство (защита от самодурства несменяемых самодержцев?), право народов объединяться в союзы и федерации свободных государств и право людей на мировое гражданство, то есть на свободное перемещение по миру.

**Петроград.
Декрет о мире
от Владимира
Ленина**

Из Кантова Кенигсберга — да в революционный Петроград!

Самым первым декретом советской власти стал «Декрет о мире», написанный лично Лениным и единогласно принятый завтра после свержения Временного правительства — 26 октября (8 ноября) 1917 года, на Втором съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Декрет напечатали в «Известиях» и прочли на радио. От имени новой власти Ленин обращался — как бы *urbi i urbi* — ко всем воюющим народам и их правительствам с призывом к заключению перемирия и немедленному началу переговоров о «справедливом демократическом мире», он же мир «без аннексий и контрибуций». Продолжение войны, господа хорошие, — это же «величайшее преступление против человечества»!

Операторами декрета назначались боевые командиры, им предписывалось брататься и договариваться о мире

на своих участках фронта. Генерала Духонина, и.о. Верховного главнокомандующего, отказавшегося исполнять сей декрет, отрешили от должности.

Что ж, большой вклад в разложение армии могла бы внести только отмена военной субординации и воинской дисциплины, что со временем тоже произойдет. Военное счастье хоть и улыбалось тогда на востоке немцам, но еще приятнее для них был бы стоп-кран. В Берлине, похоже, были довольны своей инвестицией.

Ну а другой концентр декрета о мире Ленину словно лично диктовал старина Кант — осуждение, отмена и предание гласности всей тайной дипломатии Российской империи.

**Вашингтон.
Четырнадцать
тезисов от Вудро
Вильсона**

Вчерашние союзники по Антанте декрет демонстративно проигнорировали. За одним-единственным исключением — по имени и фамилии Вудро Вильсон, президент США. Тот самый, что изо всех сил уклонялся от вступления своей страны в войну и с крайней неохотой пошел на это только в начале 1917 года, спустя годы после ее начала. Выступая 8 января 1918 года перед Конгрессом — и, как кажется, откликаясь на ленинский декрет, — Вильсон сформулировал свои знаменитые «Четырнадцать тезисов» о целях войны. Вот они:

- I. Исключение секретных соглашений, открытость международной дипломатии.*
- II. Свобода мореплавания за пределами территориальных вод.*
- III. Свобода торговли, устранение экономических барьеров.*
- IV. Разоружение, уменьшение вооружения стран до минимального уровня, необходимого для обеспечения национальной безопасности.*
- V. Свободное и беспристрастное рассмотрение всех колониальных вопросов с учетом как колониальных притязаний владельцев колоний, так и интересов населения колоний.*
- VI. Освобождение российских территорий, решение ее вопросов исходя из ее независимости и свободы выбора формы правления.*

Запретить войну!

VII. Освобождение территории Бельгии, признание ее суверенитета.

VIII. Освобождение французских территорий, восстановление справедливости в отношении Эльзас-Лотарингии, оккупированной в 1871 году.

IX. Установление границ Италии по национальному признаку.

X. Свободное развитие народов Австро-Венгрии.

XI. Освобождение территорий Румынии, Сербии и Черногории, предоставление Сербии надежного выхода к Адриатическому морю, гарантии независимости балканских государств.

XII. Независимость турецких частей Османской империи (современная Турция) одновременно с суверенитетом и автономным развитием народов, находящихся под властью Турции, открытость Дарданелл для свободного прохода судов.

XIII. Создание независимого польского государства, объединяющего все польские территории и с выходом к морю.

XIV. Создание всеобщего международного объединения наций в целях гарантии целостности и независимости как больших, так и малых государств.

И, хотя далеко не все пункты заслужили себе галочку слева (мол, выполнено), старт серьезному разговору о послевоенном переустройстве был задан. Вильсон возглавил квадригу демиургов послевоенного мирового порядка, названного впоследствии «версальским». Остальные трое — премьер-министры Великобритании, Франции, Италии — Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Клемансо и Витторио Эмануэле Орландо. В этом качестве и уже после немецкой капитуляции Вильсон лично приехал в Париж (между прочим, первый визит американского президента в Старый Свет) с большой

командой экспертов и провел в этом ликующем и победительном городе немало недель.

Особенно важным Вильсон считал свой 14-й пункт, и тем парадоксальнее тот факт, что Лигу Наций-то создали, а США в нее так и не попали.

Париж. Договоры с побежденными и Лига Наций

Именно Франция стала страной-оператором коллективной победы в Первой мировой — общей для всех стран Антанты, кроме России. В Париже с 18 января 1919-го по 21 января 1920 года и при участии представителей 33 государств (среди них не было никого от России, даже от «белой») проходила Мирная конференция, созванная странами-победительницами для выработки и подписания мирных договоров с поверженными державами Центральной оси или их правопреемниками. Во Франции же были подписаны все пять таких договоров: в Версале — с Германией (28 июня 1919 года), в Севре — с Турцией (10 августа 1919 года), в Сен-Жермене — с Австрией (10 сентября 1919 года), в Нейи-сюр-Сене — с Болгарией (27 ноября 1919 года) и в Трианоне — с Венгрией (4 июня 1920 года).

На Парижской конференции былработан Устав и был запущен де-факто первый надгосударственный глобальный проект, а именно Лига Наций (10 января 1920 года). Она просуществовала более четверти века и была распущена 18 апреля 1946 года, простояв и Вторую мировую войну. Из 42 ее государств-основателей 24 оставались членами Лиги Наций до ее конца, 21 государство присоединилось в интервале 1920–1937 гг, но семь из них или вышли из нее, как, например, Япония и Германия (обе в 1933 году, Япония — чтобы избежать своего исключения из-за нападения на Манчжурию), или Италия

(1937). Единственной страной, официально исключенной из Лиги наций, стал СССР после нападения на Финляндию в 1939 году. Максимальное количество стран в Лиге Наций — 58 — было зафиксировано в интервале между вступлением в нее Эквадора (28 сентября 1934 года) и выходом Парагвая (23 февраля 1935 года).

А вот США в Лиге Наций не провели ни полдня: соответствующее устремление президента заблокировал произоляционистский Сенат, не ратифицировавший 19 марта 1920 года весь Версальский договор. Между тем за США было забронировано одно из пяти мест в исполнительном органе руководства Лиги Наций — в ее Совете. Четыре других места были закреплены за Великобританией, Францией, Италией и Японией. Кроме постоянных членов в Совете было и четыре временных, избираемых Собранием на три года. В 1926 году к четырем постоянным членам совета присоединилась Германия, а в 1934 году постоянным членом Совета стал и Советский Союз, в том же году накануне вступивший и в саму Лигу.

Успешное учреждение Лиги Наций стало ядром и итогом всех усилий по формированию новой системы международных отношений. Оно отражало стремление наций к справедливости, цивилизованности и сотрудничеству во имя мира и безопасности. Но и старые имперские замашки великих держав, их привычки быть равнее всех равных никто ведь в землю не зарывал, а они даже с риторикой Лиги Наций не стыковались.

Локарно. Аристид Бриан и другие нобелиаты

Парижская конференция, Лига Наций и пятерка мирных договоров как целое все еще оставляли подвешенными немало вопросов между победителями и побежденными, особенно Германией. Уровень недоверия к ней подскочил по-

Густав Штрэземан, Остин Чемберлен и Аристид Бриан во время переговоров в Локарно

Википедия

сле заключения в 1922 году в Рапалло договора Германии с РСФСР и истечения 10 января 1925 года срока одностороннего режима наибольшего благоприятствования в торговле, который, согласно Версальскому договору, Германия предоставляла державам-победительницам.

Отсюда — раунд новых переговоров, инициированных Германией и проходивших в нейтральном швейцарском городке Локарно с 5 по 16 октября 1925 года с участием семи стран. Германию представляли рейхсканцлер Ганс Лютер и министр иностранных дел Густав Штрэземан, Италию — Бенито Муссолини, Великобританию — Остин Чемберлен, Бельгию — Эмиль Вандервельде, Францию — Аристид Бриан, Польшу — Александр Скшиньский и Чехословакию — Эдвард Бенеш. Итогом стала семерка договоров, подписанных 1 декабря 1925 года уже в Лондоне и вступивших в действие 10 сентября 1926 года — как только Германия стала членом Лиги Наций.

Так, европейские границы Германии разделили на два сорта: западные — как бы незыблемые, и восточные, в отношении которых никаких гарантий не было выдано (попытка заключения «Восточного пакта» в 1934 году ожидаемо провалилась). Основным документом,

подготовленным в Локарно, стал так называемый Рейнский пакт — арбитражное соглашение между Веймарской республикой, Францией и Бельгией, предусматривавшее все возникающие между странами споры разрешать только мирным путем — через Лигу Наций или международные суды. Арбитражные договоры Германия заключила еще с Польшей и Чехословакией, и тут как бы мило отказываясь от военного решения территориальных споров. Обе эти новые славянские страны — в случае нападения на них — бралась подстраховывать Франция, но те же Локарнские соглашения несколько сковывали ее в этой бравости. Тем не менее компромисс был выгоден всем, в том числе и Восточной Европе. 27 ноября соглашения были ратифицированы рейхстагом, после чего — 5 декабря — правительство Германии заявило о своей заранее оговоренной отставке.

Дипломатический климат в Западной Европе явно улучшился и породил представление о некоем «духе Локарно» как о воле к миру, даром что иллюзорное, как доказала история. Тем не менее на волне этого духа Германия и впрямь перестала быть страной-изгоем: в 1926 году она получила статус постоянного члена Лиги Наций и даже добилась демилитаризации Рейнской области в 1930 году.

Локарнские договоры в Лондоне 1 декабря 1925 года за Францию подписывал Аристид Бриан (1862–1932). Но во время самих переговоров в октябре он не занимал никакой должности в правительстве премьер-министра Поля Пенлеве¹, которого сам же и сменил на Елисейских полях буквально накануне подписания (27 ноября 1925 года).

Между тем Бриан — один из опытейших политиков Третьей республики. 11 раз он трудился тем или другим министром, из них шесть раз — премьер-министром, при этом совмещая эту должность с постом министра иностранных дел.

За заключение Локарнских соглашений, гарантировавших Западной Европе послевоенные границы, Штрэземан и Бриан получили на двоих Нобелевскую премию мира за 1926 год².

Еще одним заинтересованным в распространении духа Локарно стал Советский Союз, остро нуждавшийся в это время в избавлении от изоляции и в ослаблении международной напряженности. При этом Сталин оценивал итоги «Локарно» скептически, поскольку — в его глазах — договоры сохраняли за Германией статус побежденной, а не равноправной страны. В 1926 году между Германией и СССР был заключен Берлинский договор о ненападении и нейтралитете, еще более ослабивший оборонительный союз Польши и Чехословакии с Францией, поскольку в случае войны между Польшей или Чехословакией с СССР Германия, по этому договору, не пропустила бы войска Франции через свою территорию.

¹ Если сами переговоры вел все-таки он, то только по поручению, а не по должности.

² Аналогичную премию и за то же самое Чемберлен как-то умудрился получить еще в 1925 году!

Запретить войну!

При этом Сталин оказался прозорливей нобелиатов. Гитлер сразу же взял курс на отказ от Локарнских соглашений, не допуская даже вооружения ее западных границ. 7 марта 1936 года в *Auswartiges Amt* (МИД Германии. — Ред.) были приглашены послы Англии, Франции, Бельгии и Италии и Константин фон Нейрат, министр иностранных дел Германии, передал им меморандум о полном и неограниченном суверенитете Третьего рейха в демилитаризованной Рейнской области, после чего с улыбкой сообщил о занятии в этот самый момент Рейнской зоны вермахтом.

Ось Париж — Вашингтон. А не запретить ли войну?

Важно не забывать, что все 1920-е и 1930-е гг. США отсутствовали не только в Лиге Наций, но и во всей архитектуре послевоенного мира. Поэтому не удивительно, что 6 апреля 1927 года, в день 10-летия вступления США в Первую мировую войну, Бриан обратился к американскому народу и правительству с призывом заключить американо-французский договор «о вечной дружбе, запрещающий обращение к войне как к средству национальной политики».

Сама эта идея принадлежала не Бриану, а была подсказана ему американ-

ским историком канадского происхождения Джеймсом Томсоном Шотвеллом (1874–1965). Профессор Колумбийского университета, он принадлежал к группе так называемых «новых историков», считавших исторический опыт базовым инструментом формирования политики, в частности, в области международных отношений. В 1917 году, после вступления США в Первую мировую, Шотвелл стал директором Фонда Карнеги за международный мир и вошел в узкую группу исторических советников президента Вильсона и делегации США на парижских переговорах о послевоенном мире, где всячески противостоял американскому изоляционизму и ратовал за вступление США в Лигу Наций.

Ответ Госдепартамента США (тоже подсказка Шотвелла?) последовал не скоро: лишь 28 декабря 1927 года. Госсекретарь Фрэнк Келлог (1856–1937) заявил, что американское правительство принимает предложение Франции, но при этом полагает невозможным заключить такой договор с одной только Францией. Хорошо бы достичь присоединения к пакту всех главных держав, сам же пакт в таком случае станет главным инструментом отказа от войны как орудия национальной политики. У американской позиции был еще и тот компонент, что деньги, то бишь инвестиции, благоволят миру и тишине, причем долговому миру, а еще лучше вечному.

Бриан поддержал Келлога, и между Францией и США завязалась оживленная переписка. Вскоре они смогли согласовать текст договора и разослать его странам — потенциальным соучредителям. 27 августа 1928 года, в 15 часов 55 минут, в Париже состоялось торжественное подписание договора представителями этих 15 стран — Германии, США, Бельгии, Франции, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Ирландии, Индии (*несмотря на сохранявшийся статус британской колонии.* — Ред.), Италии, Японии, Польши и Чехословакии.

В тот же день приглашение присоединиться к договору получили еще 48 стран, имевших дипломатические отношения с США. СССР не входил тогда в их число, потому приглашение поступило через Эрбетта, французского посла в СССР, уже 29 августа 1928 года. Через два дня, 31 августа, французскому послу была передана нота о согласии правительства СССР присоединиться к пакту, а саму Декларацию о присоединении СССР нарком Литвинов подписал 6 сентября 1928 года — между прочим, первым из всех стран — и тотчас же передал ее Эрбетту.

Всего же к пакту присоединились 63 государства, то есть почти все существовавшие к этому времени. Среди не присоединившихся — Швейцария, Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия и Саудовская Аравия.

Формально договор вступил в силу 24 июля 1929 года. Но еще 9 февраля 1929 года СССР выступил инициатором особого Московского протокола 1929 года о досрочном введении в действие обязательств по пакту, вводившего режим досрочного вступления в силу Парижского договора. Московский протокол подписали помимо СССР представители еще четырех стран — Эстонии, Латвии, Польши и Румынии. Между прочим — тех самых стран, которым, согласно договору Риббентропа–Молотова, СССР предъявит всего через 10 лет свои ультиматумы и аннексирует их территории — полностью или частично.

За самим Договором об отказе от войны как орудия национальной политики закрепилось с тех пор название Парижского пакта, или Договора Бриана–Келлога. Госсекретарь Келлог удостоился за него Нобелевской премии мира за 1929 год. К слову: выдвигали на Нобелевскую и Шотвелла — в 1952 году, но тогда премия не была присуждена никому. В 1953 году Шотвелл номинировался снова, но премию тогда присудили Альберту Швейцеру. Впрочем, и Иммануил Кант с Владимиром Лениным тоже не получали Нобелевку.

Пакт Бриана–Келлога

Википедия

Договор Келлога– Бриана. Текст

При этом сам текст договора — как бы двух сортов. Так называемый основной текст состоит из двух первых статей:

Статья I. Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов по принадлежности, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях, в качестве орудия национальной политики.

Статья II. Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах.

В третьей статье — описывается порядок присоединения к пакту, его ратификации и хранения ратификационных грамот:

Статья III. Настоящий Договор будет ратифицирован Высокими Договариваю-

щимися Сторонами, указанными во вступительной части, в соответствии с требованиями их конституций по принадлежности, и он войдет в силу между ними, как только все ратификационные грамоты будут сданы на хранение в Вашингтоне.

При этом странами подписывалась только основная часть договора — его первые две статьи. Позднее, при ратификации, каждая страна могла делать свои оговорки исходя из собственной интерпретации пакта, оговорки, естественно, не обязательные для других сторон договора. И страны охотно делали их, прокладывая для себя маршруты к неисполнению договора. Так, Великобритания указывала на некие зоны своей озабоченности и своего специального жизненного интереса, Франция оговаривала себе право на самозащиту и на выполнение обязательств статута Лиги Наций, Локарнского договора и договоров о нейтралитете. И так далее.

Такая процедура сводила обязательство отказа от войны к платонической декларации и во многом обесмысливала весь процесс.

Устарела ли столетняя архитектура безопасности

Заключение договора означало шаг на пути создания системы коллективной безопасности в Европе, причем не увязанный с членством в Лиге Наций, в которой Штаты блистательно отсутствовали. Пакт стал краеугольным камнем судопроизводства на Международном военном трибунале в Нюрнберге, где руководителям нацистской Германии были предъявлены персональные обвинения в нарушении этого пакта.

До принятия пакта война все еще считалась де-юре нежелательным, но приемлемым средством внешней политики. Пакт же объявлял неспровоцированное нападение на другую страну не проступком, а преступлением. Отчасти поэтому переименование войны во что-нибудь еще считается с тех времен уловкой.

Этот же принцип лег в дальнейшем в основу Устава ООН, признающего право стран на самооборону, — право, которым 7 октября 2023 года,

в частности, воспользовался Израиль, объявивший ХАМАС (де-юре и не государству даже) не что-либо, а именно войну.

При этом самооборона вполне может быть и коллективной. Государства имеют право легально помогать странам — жертвам агрессии, или налагать санкции на агрессора. Не нарушая при этом собственный статус — нейтральный или невовлеченности.

Конечно же, кантов «вечный мир», как, впрочем, и его же «чистый разум», — субстанции скорее метафорические.

Но как же сделать так, чтобы люди не гибли на войне? — Очень просто: не воевать!

А как сделать так, чтобы не воевать? — Запретить войну!

Напомню: ни одна из стран, чьи подписи стоят под договором Келлога–Бриана свои подписи не дезавуировала.

Павел Полян

ГОРБИТ
GORBY

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Юлий
Ким:

«Начало вернуть невозможно, немыслимо»

С ЛЕГЕНДАРНЫМ ПОЭТОМ,
БАРДОМ, МУЗЫКАНТОМ
ГОВОРИМ О САМОМ
НАСУЩНОМ И БЕСПЕЧНОМ

Лариса Малюкова

— **Разговор начнем с самого простого вопроса. Сколько песен у Юлиа Кима?**

— Думаю, где-то под тысячу.

— **И вы все помните?**

— Нет, конечно. Больше тех, которые не помню. По той простой причине, что во многих песнях музыка не моя и на гитаре я ее не сумел подобрать.

— **Когда открываешь любую информацию о Юлии Киме, читаешь: «поэт, драматург, композитор, бард». Как вы все эти сферы тасуете?**

— Изначально я, конечно, бард, а уж потом стал драматургом.

Я мало занимался прозой, к сожалению. И всегда жалел, что у меня не получается так: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки...» — и поехала, подсакивая на ухабах разбитой дороги, замечательная история с мертвыми душами. Не получается у меня проза, создающая другие миры. У меня она автобиографична, хотя и есть один фантастический опус «Путешествие с Юрием Ковалем на том свете». Оно тоже биографическое, основанное на моих реальных и умоглядных взаимоотношениях с героями, а там кого только нет — от Галича до Вени Ерофеева и даже Иосиф Виссарионович. Чистая фантазия, которую я сочинял с наслаждением почти музыкальным.

— **Существует понятие «театр Кима». Я даже имею в виду не ваши многочисленные мюзиклы. Но и в кино, и в драматических спектаклях многие песни написаны от лица персонажей. Иной раз так ярко, что, вспоминая Бендера, мы слышим признание: «Нет, я не плачу...» — и дальше вся философия Бендера. Или Бумбараша с его «кораблем по морю». Или Дульсинеи. Расскажите, в этот момент Ким перевоплощается в Бендера, Дульсинею или пишет по заданию режиссера?**

— В случае с Бендером в основе лежит мое личное представление об этом персонаже. Сюда же примешалось личное представление о Бендере Марка Захарова

и Андрея Миронова. Я же знал, кто снимает и кто играет. Я бы даже сказал, это представление целого поколения, вместе с которым я прочел Ильфа и Петрова во время своего студенчества. Открыл мне книгу Юрий Ряшенцев, мы с ним дружны с институтской скамьи. Он меня — провинциального корейца — водил по Москве, открывал всякие московские тайны и чудеса, а «Двенадцать стульев» он почти наизусть декламировал, пока мы гуляли вокруг его дома по Хамовникам. Вот так все это мне и передалось, все в меня запало.

Мы сразу с Геннадием Гладковым поняли, что первая песня Бендера должна быть песней мечты. Мечту мы похитили из «Золотого тельца» — Рио-де-Жанейро. В «Двенадцати стульях» не было на это указания, но герой-то один и тот же. Поэтому у нас в «Двенадцати стульях» герой появляется с «Танго мечты». И поскольку танго любимый жанр нашего Великого комбинатора, я решил, что и дальше будут танго — о любви, о смысле жизни, я даже сочинил последнее танго Остапа Бендера, в фильм оно не вошло. Главное же танго Гладков превратил в фокстрот «Белеет мой парус».

— **А то «исчезнувшее» танго?**

— Осталось в моем репертуаре. Музыку сам придумал.

— **Вы профессиональный историк. При этом ваша судьба вписана в историю страны. Прадед-священнослужитель крестил Жукова, репрессированного отца вы с двух лет не видели. Получается ли у вас смотреть на историю, как положено историку, с определенной дистанции, размышлять о ее петлях, в которых мы все время путаемся?**

— Иные мыслители настаивают на том, что история России все время движется по кругу и повторяется на новом этапе со сказочной дотошностью: реакция, потом прогресс, потом реакция на прогресс и т.д. И все же меня не покидает ощущение, что история имеет поступательное движение. Это свойство мировой истории. Англия или Америка XX века — это не Англия и Америка XVIII века. А анализируя эти существенные несходства, можно счесть, что все-таки сделан шаг вперед, если иметь в виду общий вектор развития жизни человечества.

— **Вас когда-то уволили за диссидентство. При этом доблестные органы разрешили вам писать для театра и кино, что сегодня кажется фантастикой. Почему тогда было можно, а сегодня — нельзя? И «неблагонаме-**

ренных» включают в черные списки, исключая из творческого процесса.

— Мне кажется, что органы, от которых зависело разрешение и запрещение, были поумнее нынешних. Решения нынешних запретительно-разрешительных органов поражают либо своей жестокостью, либо нелогичностью. Чем это объяснить, не знаю. У меня есть ощущение, что революция 1991 года, как тектонический сдвиг, резко изменила сознание. И в результате столь кардинально изменился быт, предпочтения, жизнеощущение или мироощущение всего населения в целом.

— **То есть у общества произошло серьезное сотрясение мозга?**

— Именно. А в основе этого «сотрясения» — возвращение частной собственности и частного предпринимательства во всеобщую жизнь. Это важнейшая причина всего того, что происходит сейчас, того, чем нынешняя эпоха отличается от предыдущей, хотя вроде повторяется плохое и хорошее. Насчет хорошего не буду говорить, но очень много плохого, что было в годы нашего советского периода, внезапно стало повторяться. А с другой стороны, оказалось вдруг, что «многое можно» — особенно талантливым. И это «многое можно» мешает исконным запретителям. И мы сейчас живем, с одной стороны, снова во время, похожее на 50–60-е годы, а с другой стороны, есть коренные и важнейшие отличия в жизни всех слоев населения.

— **А зачем вновь понадобился Сталин и его повсюду «возводят»?**

— Внимательно наблюдаю за тем, как это имя все чаще начинает звучать. Мне это представляется объяснимым, в условиях военных требуется «поджать», «мобилизовать» и т.д. Ищут источники для этой мобилизации либо в древности начиная с Александра Невского и Грозного, либо в недавнем сталинском советском прошлом. Причем подчеркиваю, что пока еще это соседствует, например, с огромным и трагическим памятником Франгуляна на Сахаровском проспекте, который открывал президент Российской Федерации со всеми надлежащими словами о памяти невинно репрессированных. Далее в каком-то из своих выступлений президент побранил и Ленина, и Сталина, когда рассуждал об украинской истории, о том, что они своей рукой раздали направо и налево исконно-посконные российские земли.

«Начало вернуть невозможно, неммыслимо»

Тут все перемешалось. И звучит, как теперь говорят, «неоднозначно». И все это следствие неслыханного того самого потрясения, о котором я говорил.

— Смешно: в Википедии, когда открываешь страницу Кима, обнаруживаешь внутри еще одну биографию. Известно, что после запрета на протяжении многих лет вы подписывались псевдонимом Михайлов. Так вот, этот Михайлов у вас там записан как отдельный человек: год рождения и год смерти. 1969–1985. Чистый Киж.

— Псевдоним вынужденный, мне запретили преподавать в школе, то есть запретили мою профессию и запретили выступать на сцене. Источники заработка вроде были пресечены. И тогда я посетовал, а дело было на Большой Лубянке, в очень мягком разговоре со мной: «А как же зарабатывать?» Мне было сказано даже с некоторым оттенком удивления: «Ну вы же работаете в кино и театре...» В подтексте подразумевался псевдоним. Который отменился только в горбачевские времена.

Понятно, что кроме псевдонима подразумевался и отказ от участия (гласного) в правозащитном движении (негласное я себе позволял время от времени). С той поры и тружусь для кино и театра, временами отступая в область лирики или прозы.

— Но теперь под своим именем и свободно?

— С одной важной оговоркой: приходится учитывать пожелания заказчиков, а заказчикам приходится учитывать пожелания контролеров. Но контроль над заказчиками в те времена и в нынешние — отличается. Причем в разных областях искусства по-разному. Например, почти ушла цензура из печатного слова. Ее стало меньше, но она превратилась в абсурд: на обложке книги, например, пишут: «Содержится нецензурная брань», она тем не менее выходит и продается. С некоторыми «ино-агентами» сложнее, их просто вычищают с полок. При этом пока еще многое разрешается, чего не разрешалось в советские времена. Тогда на курение и выпивку могли махнуть рукой и пропустить хорошее произведение, с другой стороны, могли найти антисоветский подтекст там, где он и не подразумевался. Вспоминаю рассказ о провинциальном кукольном театре, где запретили шуточный спектакль про Ноев ковчег, найдя в нем пародию на крейсер «Аврора».

— У меня есть версия отличия прошлых запретителей от нынешних. Дело в том, что прошлые, запрещая условных Высоцкого, Кима, Галича, слушали их в кабинетах, знали тексты наизусть. Нынешним все это не интересно.

— Похоже на то.

— Как вам кажется, нет ли ощущения, что бардовская песня уходит в прошлое?

— Нет. Здесь все просто. Для этого нужно... как теперь говорят, «войти в тренд». Ежегодно проходит Грушинский бардовский фестиваль на Волге, параллельно возникают какие-то аналогичные слеты. Сейчас, например, случилось 25-летие бардовского про-

екта «Песни нашего века». Его затеяли, по-моему, «Иваси», и он живет до сих пор. Я не был его участником, но, как говорится, «в гроб сходя, благословил» от всей души еще в 1998 году. Тогда на 25-летие Грушинского фестиваля на Волге, под Самарой, собралось почти 200 тысяч человек. Представляете? Сцена там устроена в виде огромной гитары — на воде. И на эту гитару вышли все 11 участников проекта и грянули свой репертуар при общей овации 200-тысячной публики. Это было незабываемое зрелище. Фестиваль прошел испытание веком, деньгами, спекуляциями, но сохранился. И ежегодно собирает ну минимум 50–60 тысяч со всех концов необъятной родины.

Фестивали бардовской песни продолжают повсюду. Более того, в мире их стало больше, чем было. На это, конечно, повлияла свобода эмиграции, которая началась при Горбачеве, утвердилась при Ельцине и, как ни странно, продолжает-ся до сих пор.

— Теперь она уже снова вынужденная.

— Да она всегда была разнообразной. И мы помним все эти названия: «белая», «колбасная», «айтишная». Но суть ее сохранилась все-таки, хотя, понятное дело, сейчас возникли большие затруднения, и не каждая страна примет желающего туда эмигрировать. Но пока эта свобода есть, что капитально отразилось на мироощущении нового поколения.

Так вот бардовская песня распространилась по всему земному шару, пальцев не хватит перечислять страны...

— Ее аудитория — исключительно русская диаспора?

— Разумеется, в первую очередь это русское дело: язык, рождение в России, развитие в России.

Правмир

Более того, я все время говорю о бессмертии этого жанра, поскольку он возник с первым глотком свободы, который называется «оттепель». XX съезд и разоблачение сталинского культа, мне кажется, главнейшее событие XX века, во всяком случае, в российской истории, а вовсе не распад Советского Союза, как утверждают иные знатоки. Невиданная прежде свобода, с которой простой человек без всякого специального профессионального образования с гитарой на коленке где-нибудь на кухне, в походе, в своей компании, где угодно может свободно излить свои мысли и чувства в неловких стихах и простых мотивах... И сама эта свобода делала эти неловкие стихи и ноты явлением искусства. Соблазн свободно и бесконтрольно высказать накипевшее так был

силен в 50-е, что остался естественной потребностью, по крайней мере, молодого образованного сословия до сих пор, и желание высказаться будет существовать еще долго.

— Гладков, Дашкевич, Рыбников — отдельные музыкальные миры. Кто из композиторов стал вашим музыкальным альтер эго, с кем совпадали?

— На первом месте — Дашкевич, безусловно. Как-то так сошлись наши звезды, что с 70-го года начиная мы рука об руку прошли до конца века, и только новейшие времена и сильные перемены в устройстве жизни нашего киноискусства ослабили эти связи. Дай бог ему здоровья, недавно он праздновал 90-летие. Полон творческих сил, охотно

пишет ноты и тут же — очередное философское сочинение...

А рядом, конечно, имя Геннадия Гладкова. С ним немножко иные, более сложные отношения, но в основном тоже родство творческих начал. И Гладкову, и Дашкевичу свойствен, скажу не очень точное, но емкое слово, — «демократизм».

— Но ведь это совершенно разные композиторы?

— Конечно. Но поймите меня правильно, наша культура отчасти — «подзаборная». Дашкевич начинал как химик, Гладков начинал как химик, прямо-таки следом за композитором Бородиным. Я — провинциальный ученик русской школы туркменского города Ташауза приехал в Москву. И все мы оказались в этом удивительном вареве 50-х и далее 60-х годов, которое отложило на нашем поколении отпечаток. Станислав Рассадин первым и произнес слово «шестидесятники», потом, правда, он отмахивался от этого клейма, причем сердито. Но дальше сами шестидесятники стали над собой шутить и тем самым клеймо утвердили.

Смотрите: шестидесятник Юрий Любимов 1917 года рождения, Галич — 1918-го, Окуджава — 1924-го, Высоцкий — 1938-го — и все шестидесятники. Правда, внутри них есть важный рубеж, который одни шестидесятники прошли, а другие нет, — это война. Давид Самойлов и Булат Окуджава в этом пекле побывали, Солженицын прошел пекло лагеря. И тем не менее все мы шестидесятники. Это наше родовое клеймо. Здесь же, если говорить о бардах, и Вероника Долина, и Михаил Шербаков, и Оля Чикина, хотя в их биографиях отпечатались совсем другие числа, но в самом своем корне это наши люди.

— Не люблю рейтинги. Особенно когда это касается искусства. Тем не менее какие из сочинений Кима вы бы отнесли к произведениям высокой пробы?

— Есть некоторые вещи, которые я люблю вспоминать и петь. В моих прозаических занятиях больше всего мне нравится очерк «Путешествие к маяку». Это признание в моей любви к Камчатке, и не только к ней.

«Начало вернуть невозможно, неммыслимо»

— А песни?

— Из наших занятий с Гладковым выше всего ценю прощальную песню из «Обыкновенного чуда» — «Давайте негромко, давайте вполголоса...», с которой происходит постоянное одно и то же недоразумение. Не могу без смеха о нем вспоминать. Дело в том, что эта песня предсмертная, и написана для последней части пьесы Шварца «Обыкновенное чудо», где принцесса умирает от любви. А ее возлюбленному противостоит волшебник, возненавидевший героя после того, как тот не поцеловал принцессу и сорвал его величайший опыт. Не поцеловал как бы из благородных намерений. А волшебник говорит: «Ты ее не любил, ты мне не интересен». И прогоняет его. И принцесса заболевает. Остальные персонажи всплескивают руками, собираются вокруг нее, вздыхают. Ведь чахнет она у них на глазах, вот-вот помрет. Для этого их состояния и придумана предсмертная песня. Сочиняя ее, я думал о миноре, думал о ритме вальса (напевает) — вот с такими загробными интонациями. А Гена сочинил слюфокс — медленный фокстрот, к тому же мажорный. И этот ритм и мажор обманули огромное количество народу. Потому что первые четыре строчки, исполненные на этот мотив, всем представляются замечательной песней, задушевым хором, достойно завершающим любое мероприятие: концерт, юбилей, свадьбу, торжественное заседание по поводу 90-летия пожарной команды:

*Давайте негромко,
Давайте вполголоса,
Давайте простимся светло...*

— Но это просто значит, что песня живет своей отдельной жизнью.

— Она живет жизнью трех первых строчек, ведь дальше там ужасные слова: «Да-да, господа, не авось, не когда-нибудь, а больше уже никогда», — это уже конец всему. Но слышат или хотят слышать только первые слова.

Песня получилась у нас с Геней трагически прощальная... И когда я слушаю запись, то более всего люблю несколько финальных минут чистой оркестровки. Гена сделал такой «хвост», такое симфоническое завершение, и там гуляют инструменты так красиво. «Печаль моя светла», — сказал Пушкин, вот эпитафия к этой песне.

— Вы назвали только одну песню. А ведь и с Дашкевичем сочинились песни из ряда вон. Считаю абсолютной классикой романтизма романс «Не покидай меня, весна».

— Я очень рад.

— И именно в исполнении Елены Камбуровой. Там все как-то сошлось в интонации, в рифмах, мелодии. А для вас?

— Если я скажу «Песня о конях» из «Бумбараша», то это где-то рядом. И здесь еще чудо сотворения, потому что мы справились с «Песней о конях» за полчаса. Дело было на съемках «Бумбараша», и Юра Смирнов (актер «Таганки», который играет бандита Гаврилу) попросил песню для своего героя. Я ее быстренько сочинил, причем изначально пять куплетов, а не три. Тут проснулся Дашкевич и сказал: «Это должно быть на трех нотах», — и при мне эти ноты начертал. И все. Не исправил с тех пор ни одной. В тот же день Юра Смирнов со своим прекрасным слухом и голосом выучил и спел вроде бы незамысловатую мелодию. Эти три ноты понра-

вились съемочной группе, а затем понравились и Золотухину, сыгравшему главную роль. И песню отдали ему, потому что по звучанию и объему она созвучна смыслу картины.

— У Дашкевича вообще какое-то поразительное чувство фольклора, народной мелодики, обманчиво простой. Вы говорите о «трех нотах», а я слышу этот бег вниз, и вдруг — взлет к смерти, к обрыву.

— Совершенно точно. Причем он свой талант сочетает с глубоким знанием истории музыки. У него есть несколько прекрасных стилизаций — это музыка к фильму Абдрашитова «Слуга» или музыка к «Плюмбуму». И, что совершенно никому не известно, кроме небольшой группы зрителей, это наша с Дашкевичем опера «Ревизор», в полном объеме исполненная в Новосибирской опере. Это заказ Покровского Бориса Александровича, главного режиссера Большого театра и Малого оперного театра на Никольской, где вся труппа состояла из солистов. И мы сочинили «Ревизора»! Но Дашкевич так раздухарился, что придумал свой финал. И «Ревизор» вышел не комической, как того хотел Покровский, а трагикомической оперой, потому что финал был с двумя смертями.

— Вместо немой сцены?

— Там Хлестакова догнали и судили, чтобы он не смел вернуться в Питер и всех их профельетонить. Дашкевич устроил прямо суд 1937 года! В финале (это, кстати, поставил режиссер Михаил Левитин) уже все произошло, и суд, и приговор, и уже погибли герой и героиня, Хлестаков с Марией Антоновной... Городничий, купцы,

чиновники, Бобчинский с Добчинским в одинаковых балахонах со свечами идут из глубины сцены к авансцене, к зрителю и исполняют на латинском языке текст одной из частей «Реквиема» Моцарта на музыку Дашкевича. На этот традиционный латинский текст они поют чистейшую и роскошную стилизацию а-ля Моцарт!

— **А почему погибают Хлестаков с Марией Антоновной?**

— Хлестакова растоптала в гнев толпа, даже не успели его приговорить. А Мария Антоновна сама скончалась... потихонечку сошла с ума, спев перед смертью давно забытую нашу с Дашкевичем песню из спектакля «Альпийская легенда».

— **Вам нравится, когда ваши песни, вроде «Губы окаянные», считают народными?**

— В первую очередь это веселит. Сразу вспоминается опыт других авторов. Например, истории песен Высоцкого, Городницкого и т.д. Довольно много бардовских песен ушло в народ безымянными. И когда узнают, что у песни есть автор, изумляются. В моем случае это было дважды. Один раз с песней «Губы окаянные», которую до сих пор многие считают русской народной. А еще в репертуаре некоторых наших цыганских эстрадных звезд оказалась шуточная лирическая песенка 1957 года, которую я посвятил одной замечательной девушке, и вот они цитируют ее в своих выступлениях. «Эх, душа моя ко-солапая». Они ее поют, а на дисках пишут, что слова народные.

— **А правда, что вы любите мажор больше, чем минор?**

— Неправда, потому что у меня нет предпочтений. Начинать я как «мажорный музыкант». В этом смысле вполне выдерживал соревнование с самим Визбором, который, как большинство бардов 50–60-х, много сочинил мажорной музыки. Это соответствовало нашему тогдашнему самочувствию, умонастроениям, нашим надеждам. У меня есть такой стишок, который начинается с общеизвестных строк: «Когда мы были молодые, как чудно жили мы тогда. Звучали речи огневые, пила водка как вода. Надежды, планы и программы цвели, как ландыши в саду. И даже наши генералы сужали брюки на ходу». Ну и, конечно, вся солнечно-мажорная Ада Якушева... даже когда в ее песни случайно забредает минор.

Чувство, что открылось свободное дыхание, передалось всему нашему поколению, потому период и назывался «оттепель». Потом многие стали считать, что

чешские события ее остановили. Я с этим категорически не согласен. Все это очень условные вехи. Тот приоткрытый в 60-е годы кусочек свободы оказался настолько сильным триггером для развития общественного самочувствия, что оно продолжилось и дальше. И театр, и кино, и проза, и поэзия — все жило-развивалось в 70-е годы, несмотря на ужесточившийся пресс.

Часто спрашивают: откуда произрастают барды? Из советской песни. Потому что этот наш мажор очень совпадал с мажором Дунаевского. Тут у меня целая теория, которая вертится в голове, споря с философией Дашкевича. Он все время описывает процесс культурного одичания, а я, наоборот, вижу, что тогдашний наш просвет выходил из социалистического романтизма. Был социалистический реализм, критический реализм, а вот социалистический романтизм еще толком не изучен.

— **Который выразился, прежде всего, в выдающейся, ныне утерянной песенной культуре.**

— А еще в прекрасных произведениях, вроде гайдаровской прозы, например. И вот этот искренний социалистический романтизм составлял основу нашего энтузиазма. Потом он начал гаснуть.

— **И стал все больше прорываться минор. Причем во всех сферах жизни.**

— Минор в моих песнях пробивался все больше вместе с критическим отношением к действительности, и шаги начальства, давившие общественную мысль, способствовали развитию этого минора. В 1963-м я сочинил первую крамольную песню, а потом эта коллекция начала пополняться и дошла до своего предела. В 1968-м, еще до чешских событий, уже прошли суды над инакомыслящими. Мой друг получил срок. И я так разозлился, что сочинил «Песню пьяного Брежнева» с припевом: «Мои брови жаждут крови». И это дошло наверх. Но меня лишь выгнали из системы образования. Не посадили, слава богу.

— **Но вот что удивительно, Ким и в мажоре умеет говорить о драматических, даже трагических вещах. Редкое умение. Мажор вроде, а сердце болит.**

— Ну это не только я, это вообще в природе искусства. Ближайший пример — Верди. Как известно, он сочинил оперу «Набукко», где есть знаменитый плач пленных иудеев — это же сплошной мажор.

— **Да, хор изгнанников. Вроде бы про смертельные страдания в ожидании казни, а там мажор и свет. Вы об этом музыкальном номере — неофициальном гимне Италии — расска-**

зывали на своем недавнем выступлении в Москве. Кстати, меня этот концерт удивил. Вы пели программу, процентов на 80 состоящую из малоизвестных или совсем неизвестных песен. И некоторые из зрителей даже были раздосадованы: ждали знаменитых рулад вроде «Белеет мой парус, такой одинокий...». А тут все другое, незнакомое. Откуда это желание идти вопреки ожиданиям публики?

— Объясняется все просто. Дело в том, что это было уже третье выступление в ЦДЛ. И я знал, что придет — не скажу, что на 100%, но процентов на 20 — «своя публика». Ее-то я и хотел удивить, поэтому выбрал то, что я либо давно не пел, либо совсем не пел. Мне самому было интересно, и, если помните, я выступал, почти не глядя на свою программу. И чувствовал себя невероятно свободным, а по реакции собравшихся понимал, что все время попадаю.

— **Такой спорный для артиста момент: угодить аудитории или удивить аудиторию. Затянуть важный разговор о том, что тебя волнует.**

— Ну конечно, это чрезвычайно важно и удаётся не многим. Вот Булату сразу удавалось, с первых же слов, даже если он говорил о погоде. Умел дать понять, зачем мы все встретились.

— **Вот вы говорили о песне «Давайте негромко», исполняемой по самым разным случаям. Когда песня замечательная, она звучит в разных временах по-разному, обретая дополнительные смыслы. И на вашем недавнем концерте слова: «Ах, как бы начало вернуть... Начало вернуть невозможно, немисливо, и даже не думай — забудь», — попадают в боль времени. Как же хочется вернуть необратимое. Надеяться на невозможное. А вы нас отрезвляете, и приходит понимание, что надеяться нам остается лишь на себя и на самых близких.**

— Да, понимаю вас, пока слова мои попадают во время. А что касается моих предчувствий, я все-таки никак не теряю ощущение вектора, который сработает и все преодолет.

Во мне сохраняется и пока не тает, не уничтожается ощущение упорного поступательного движения страны и общества, несмотря ни на какие кошмары. И все, что приходится переживать, преодолевать, — неизбежные испытания на этой дороге.

Беседовала
Лариса Малюкова

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

В книжной серии «Страницы советской и российской истории» («Политическая энциклопедия/АФК «Система») выходит книга **Андрея ВАВРЫ**, спичрайтера президента Бориса Ельцина, «Виктор Черномырдин. В харизме надо родиться». Мы предлагаем читателям фрагмент из этой первой полной политической биографии человека, который мог стать следующим президентом после Ельцина, но не стал им. О причинах срыва такой модели «преемничества» и, в сущности, об упущенном страной шансе рассказывается в публикуемых эпизодах. Но сначала — предупреждение самого автора.

Если бы он «гармошку свою раздвинул»...

Так сложились обстоятельства, что для меня Виктор Степанович Черномырдин не просто персонаж истории. У меня с ним личные отношения. Встречался с ним трижды (на официальных мероприятиях в Кремле видел много раз). Правда, первая встреча была заочной (объясню ниже). А в последнюю — в 2000-м — был уверен, что прощаюсь с эпохой. Что ЧВС — герой уходящего, ушедшего времени. Фигура из прошлого. А сегодня — время молодых, европейски образованных, с другими мозгами, другими приоритетами.

Беседовали мы около часа — мне надо было получить от него уже не помню какую информацию. Никакие подробности в памяти не сохранились. От всей встречи осталось только ощущение его полного одиночества. А все остальное — кабинет, стол, телефоны, фотографии на стенах — это не рабочие предметы, а декорация, бутафория.

Такого быть, конечно, не могло. Когда я приехал в его офис на Новокузнецкой, ведь меня кто-то встретил, проводил до кабинета. В приемной должен был сидеть секретарь. Должны были звонить телефоны. Ничего этого не помню. Только одно — что в здании находился он один.

Это ощущение одиночества сохранилось до сегодняшнего дня — такое оно было острое. Чрезмерно острое. Как будто намеренно фокусировало внимание на какой-то важной точке. Как будто говорило: «надо, чтоб запомнил». Сберег в памяти. И наступил соответствующий момент, чтобы что-то из прошлого проснулось, вступив в химическую реакцию с сегодняшним днем.

И заискрило.

То есть интерес к фигуре ЧВС родился, по сути, из фантазии, из того, чего по факту не было (впрочем, моим ощущениям есть и объективное подтверждение: его 60-летие в апреле 1998-го должно было превратиться в торжество политической, культурной и бизнес-элиты, а меньше чем через пять месяцев его все кинули, и одиночество стало реальностью).

Не было. Но и было. Ведь истина не в исторических фактах, а в их взаимодействии с текущим днем. И что из этого получилось. Вот почему самое изменчивое, самое непостоянное в нашей жизни — это наша история. Картину прошлого рисует современность. Определяет сегодняшний день.

Привел этот эпизод потому, что в нем объяснение жанра книги, ракурса рассмотрения биографии, отбора фактов из бесчисленного множества разноречивых событий эпохи.

Но личные отношения с Виктором Степановичем у меня еще вот почему.

Желание написать о нем связано было еще и с определенным чувством вины: мне было поручено готовить тексты телеобращений президента — и по поводу отставки

Кадр из видео

Виктора Степановича в марте 1998-го, и по поводу его возвращения.

Как происходит написание такого рода текстов? Спичрайтер оформляет в слова намерения и мысли президента. Понятно, никто ничего не надиктовывает, просто требуется правильно понимать ситуацию и ее оценку президентом. Словом, поучаствовал и в отставке (мое первое с ним заочное знакомство), и в неудавшемся возвращении. Формально — ни при чем. Но вроде как бы соучастник...

Андрей Вавра

19 95–1996 годы — время стремительного ухудшения здоровья президента Бориса Ельцина. В июле 1995-го у него случается первый инфаркт — менее чем за полгода до парламентских и за год до президентских выборов. В октябре — второй. После февраля 1996 года — еще два инфаркта. Июнь — еще один инфаркт. А после второго тура выборов и до ноября — подготовка к операции и сама операция. Все это время Виктор Степанович Черномырдин, которого все в его окружении и политическом классе называют ЧВС, постоянно в центре внимания. Знаменитые переговоры премьера с террористом Басаевым в прямом телеэфире и спасение заложников в июне 1995-го сделали его яркой и вполне самостоятельной политической фигу-

рой. Президент вынужденно перепоручает ЧВС свои функции. В декабре 1995 года Черномырдин едет вместо Ельцина на подписание Дейтонских соглашений (Соглашения о прекращении огня, разделении враждующих сторон и обособлении территорий, положившие конец гражданской войне в Республике Босния и Герцеговина 1992–1995 гг. — Ред.). А в послеоперационный период президента заменяет его на саммите «Семерки» в Лионе (саммит 1996 года; операция на сердце была сделана Ельцину 5 ноября 1996 года. — Ред.).

Повышенная активность ЧВС в эти периоды объяснялась просто: он должен был продемонстрировать, что ничего экстраординарного не происходит, власть нигде «не проседает», трудится в обычном режиме. Таков был план ближайшего окружения Ельцина, согласованный с самим президентом.

Вот что рассказывает Валентин Юмашев, в то время советник президента, а с 1997-го глава его администрации: «В связи с состоянием здоровья Ельцина складывалась ситуация, когда Черномырдину

следовало проявлять политическую активность: нужно было подменять президента на международных переговорах, нужно было больше силовиками заниматься, чем обычно он это делал. И тогда к ЧВС сразу после выборов приставили одного из членов аналитической группы (группа, ответственная за работу с кандидатом в президенты Борисом Ельциным, ее возглавлял Анатолий Чубайс. — Ред.). Чтобы тот, понимая, что должна быть повышенная политическая, медийная активность, помогал Черномырдину в этой работе. Это была идея Чубайса — тот переговорил об этом с Ельциным. ЧВС было важно дать сигнал Ельцину — почему он согласился: что это была вовсе не его инициатива перевести на себя часть президентских полномочий и регулярно светиться на телеэкране. Черномырдин хотел быть максимально прозрачным для Ельцина, для всей президентской команды».

Если бы он «гармошку свою раздвинул»...

Таким человеком из аналитической группы стал Сергей Зверев. Из рассказа Зверева: «Мне с ним было комфортно общаться. Я не из академической среды, я работал на заводе. Я таких хозяйственников видел. И уважал — прекрасно понимал, что это такое. Они видели мои с ЧВС отношения. Видели, что у меня с ним есть человеческий контакт. С Колесниковым (*Сергей Колесников, спичрайтер премьера. — Ред.*) мы смотрели его тексты. Самое главное, надо было придумывать информационные поводы, сопрягать их с кремлевской повесткой. Чтобы Кремль не особенно возбуждался по этому поводу. Тут была грань. С одной стороны, он должен был быть, но с другой стороны, он и не должен был быть... Если бы он «гармошку свою раздвинул», то прилетело бы из Кремля. Это была вот такая тонкая кружевная работа...»

В том, что Ельцин все-таки решился на операцию, которая позволила продлить его политическую и физическую жизнь, было и важное участие ЧВС. «Я с ним долго разговаривал, — вспоминал Черномырдин, который аналогичную операцию перенес в 1988 году. — Убеждал. Он ведь сначала и слышать ни о какой операции не хотел, ни в какую! Врачам не особенно доверял, обижался на них. Мы с ним разговаривали тогда часами. Часами! Я ему все, как было, по жизни рассказывал — как это, что потом. И честно сказал — если бы не доктора... Борис Николаевич слушал внимательно. Одно дело — рекомендации, другое — живой человек, который сам через это прошел.»

Когда Ельцин объявляет о своей операции и начинает к ней готовиться, фигура ЧВС приобретает особое значение.

Президент, недееспособный накануне операции, в ее ходе и на определенное время после по закону, а по факту до выздоровления, передает свою власть второму лицу в государстве — Черномырдину.

Теперь уже не в публичных выступлениях и на страницах печати, а в коридорах власти негромко, однако настойчиво велись разговоры о возможности отстранения Ельцина от власти и перехода его полномочий к ЧВС. Ближайшее окружение Черномырдина стало свидетелем значительного числа «заходов» — с предложением забрать власть и не отдавать ее обратно. В основном ходили к главе аппарата (*Владимир Бабичев. — Ред.*), но и, вероятно, к «самому» тоже. Это — реальная политическая жизнь. Ослабел человек, и сразу находят те, кто готов помочь ему побыстрее уйти, освободить кресло. А новому — побыстрее прийти и самим первыми записаться в его команду. Надо было только постараться его убедить, что с ним страна зажила бы спокойнее — без резких рывков и непредсказуемых поворотов. Все было в его власти. Стоило только протянуть руку. Приходили и убеждали: армия — за вас, губернаторы — за вас, бизнес — за вас.

ЧВС, взяв на себя инициативу во внутренней политике, успешно заменив президента на международной арене, безусловно, ощущал себя в этой ситуации центральной фигурой политической жизни страны. Однако в этой непростой ситуации он вел себя максимально корректно и осторожно. Черномырдин прекрасно понимал, что эта активность будет замечена его недоброжелателями.

«Честно говоря, у ЧВС амбиций таких (*президентских. — А. В.*) не было, — рассказывает близкий к премьеру человек. — Он говорил: мне на этом посту работы невпроворот. Ничего мне не надо. Его толкали, но у него, чтобы «я хочу, я самый главный, лучше меня нет», — ничего этого не было. Подходов было, конечно, много. Особенно во время операции Ельцина. К нему вряд ли ходили. Чаще

ко мне. Говорили: если ему власть передали, то назад уже не отберешь. Он ведь исполняющий обязанности президента. Указ написал следующий — и все. Но ему нравилось работать премьер-министром. Почему? Он от сохи, от завода. К нам все едут — губернаторы, банкиры, полная приемная. Здесь все кипит. А там — у президента — никого».

Ельцин отправил в отставку пятерых премьеров. Гайдара и Примакова — из политических соображений. У первого была слишком жесткая конфронтация с законодательной властью. Второй вошел в союз с Лужковым и коммунистами и реально мог идти на президентские выборы. Правительство Кириенко, не справившись с экономическим кризисом, объявило дефолт. Степашина сняли тоже из политических соображений. С причинами отставки ЧВС было сложнее. Здесь, очевидно, был целый комплекс причин.

Многие из тех, кто был глубоко погружен в события тех лет и находился совсем рядом с происходившим, убеждены, что главную роль сыграла ревность. За две недели до отставки ЧВС ездил в США, где отмечался пятилетний юбилей работы комиссии Гора—Черномырдина. Работы, которая позволила говорить о выходе отношений двух стран на новый уровень: после длительного периода чисто политических отношений стороны перешли к масштабному и разностороннему сотрудничеству в сфере экономики. Здесь Черномырдин встретился с Биллом Клинтон и Альбертом Гором, с местными финансистами, и, судя по всему, они дали понять, что рады будут видеть его преемником Ельцина.

Одновременно немецкий партнер «Газпрома» «Рургаз» лоббировал кандидатуру ЧВС через канцлера Германии Гельмута Коля, что было вполне естественно, учитывая поддержку, которую

«Газпром» оказывал некоторым немецким политикам.

Понятно, что в глубине души Черномырдин все-таки не мог не примерять на себя более высокую должность, чем премьерская. Да и Ельцин утверждал: незадолго до своей отставки Черномырдин «поверил в свою дальнейшую политическую перспективу».

«Мы с американцами наладили в то время достаточно тесные отношения, — делится своими воспоминаниями человек из близкого окружения Виктора Степановича. — У Ельцина отношения с Клинтоном. А у нас — с Гором. В США вице-президент в обычной жизни никакой роли не играет — он чистый дублер. У них

президент фактически премьер-министр. А мы Гора сделали — через активную работу комиссии — фактически премьером. Клинтон часть своих полномочий сбросил на Гора. И он все это дело потянул. Когда улетали из Штатов, Гор лично мне сказал: у нас скоро выборы, я буду президентом Соединенных Штатов, и я сделаю все, чтобы Виктор Степанович стал президентом России. Перед отлетом так сказал».

После этого визита на стол президента легла «секретка» СВР — информация о том, с кем встречался и о чем говорил ЧВС. То, что уверенность Гора могла вывести Ельцина из себя, — это очень даже правдоподобно. Ну, это уж абсолютно не их, американцев, дело рассуждать о том,

кто должен быть его преемником, наверняка подумал Борис Николаевич.

Ельцину принципиально важно было это его собственное, ни от кого другого не зависящее, ни от каких политических раскладов и обстоятельств, убеждение — сам решил! Важно было именно это — сам определил, кому можно доверить судьбу России. Для Ельцина проблема полноты власти стояла на первом плане.

Если бы он «гармошку свою раздвинул»...

Поэтому он всегда отбрасывал варианты, в которых проглядывала сила обстоятельств (единственный случай подчинения обстоятельствам — назначение Примакова премьером после дефолта 1998 года).

Ельцину, конечно, не могло нравиться, что в США уже списали его со счетов и начинают поглядывать на его преемника, которым выбрали Виктора Степановича. Но стать триггером отставки... Юмашев, например, категорически отрицает возможность влияния донесения СВР на решение президента: «Его это абсолютно не интересовало. Что он ЧВС убрал, потому что ревновал, — полная чушь. Через пять месяцев в телеобращении говорит: честный, порядочный, преемственность. Первый раз про двухтысячный год заговорил только в связи с Чернобырдыным».

У Юмашева, более других погруженно в политическую кухню и лучше других чувствовавшего своего шефа Ельцина, другая версия отставки: разгром правительства младореформаторов Немцова–Чубайса олигархами, катастрофа «правительства мечты», следствием чего стала его недееспособность. С правительством младореформаторов Ельцин связывал большие надежды. Раньше к реформатору-премьеру (Гайдару) он приставлял опытных производственников — Хижу, Чернобырдына, Шумейко. А теперь опытный производственник во главе и два его энергичных зама-реформатора. Конструкция, которую Ельцин считал фактически идеальной: опытный, осторожный, мудрый, надежный премьер, основательный, взвешенный политик, избегающий поспешных решений, которого с двух сторон подпирают два молодых и энергичных реформатора. Они не дают ему закиснуть, и он не позволяет им

уж чересчур быстро мчаться вперед, не разбирая дороги, не сообразуясь с жизненными реалиями. В электрической системе это как плюс и минус, что и позволяет получить движение тока.

Но эта идеальная — в теории — конструкция не сработала.

Юмашев: «Увольнение Бурбулиса или Гайдара имело вполне конкретные определенные причины. В случае с ЧВС таких причин не было. Он не был виновником «книжного» скандала (*дело о выплатах реформаторам гонораров за книгу о приватизации*. — А. В.), не был виновником аукциона по «Связьинвесту» (*продажа на тендере телекоммуникационного гиганта в 1997 году, рассорившая правительство младореформаторов с самыми влиятельными олигархами*. — А. В.). Конечно, процентные ставки по ГКО (государственным казначейским обязательствам) стали расти, и с этим что-то надо было делать. Но суть в том, что Ельцин реально утомился от полугодового скандала — конфликта власти и бизнеса вокруг «Связьинвеста». Волей-неволей, в силу серьезности и масштабности конфликта, он был в него включен, но ничего сделать не мог: Чубайс и Березовский пошли в своем противостоянии ва-банк и в конце концов все разнесли в клочья. Если бы Бориса Николаевича это не касалось, а его это все время касалось... Он должен был встречаться с этими бизнесменами — «семеркой», пытаться примирить. Сказал им, что в обиду молодых реформаторов не отдаст. Реально не отдал, но часть уволил после «книжного» скандала. А тут ведь еще министр внутренних дел Куликов ходил к президенту и говорил, что надо сажать молодых реформаторов. Чубайс приходил жаловаться на Куликова, хотя реже. Словом, это было правительство, раздираемое склоками. И все это накапливалось. Ельцин просто замучился. И, по сути, ЧВС стал жертвой всех этих конфликтов. Президент еще с января 1998-го понимал, что Чернобырдына надо увольнять — из-за скандалов, из-за того, что команда рефор-

маторов превратилась в какую-то кашу... На правительство реформаторов он поставил все свои ресурсы, а в результате в январе получает уничтоженный кабинет министров, рейтинг Немцова — его главного кандидата в президенты — стремится к нулю. Половина правительства уволена. Он просто бесился».

Словом, президенту следовало создавать другую конструкцию. Из других элементов — без ЧВС. Потому что все варианты конструкции правительства с ним были уже испробованы. Единственное решение — это принципиально поменять картинку. Вот тогда и возникла идея с назначением Сергея Кириенко премьером. Юмашев: «Ему хотелось реинкарнацию Гайдара. Молодое технологичное правительство, абсолютно отрезанное от интересов олигархов. И он его через полгода убирает и ставит на его место премьера, который станет следующим президентом. Примерно такой был план».

* * *

Аргументируя отставку ЧВС, Ельцин вспоминал Гайдара: «Я до сих пор не разочаровался в Гайдаре, до сих пор уверен в точности своего тогдашнего выбора... И я уверен, что, дай мы его команде поработать еще год — и экономика рванула бы вперед, начались бы нормальные процессы в промышленности, пошли бы те самые западные инвестиции, о которых так мечтало любое наше правительство. Гайдар передал реформы в руки Чернобырдыну. Началась совсем другая эпоха — медленного, осторожного, достаточно противоречивого реформирования экономики... Не удалось преодолеть монополизм в экономике, спад производства, не удалось преодолеть гнилую систему взаимозачетов, способствующую коррупции и воровству. Не удалось инвестировать крупные средства в промышленность. А главное — не удалось по-настоящему улучшить жизнь людей».

Что Егор Гайдар лучше разбирался во всех тонкостях и нюансах рыночной экономики — спору нет. А что ЧВС лучше разбирался в реальной экономике, в кадровой политике, лучше умел добиваться взаимопонимания с субъектами рынка — и тут вряд ли кто будет спорить. А что важнее для успеха — тут у каждого может быть свое мнение. Гайдар понимал, что **НУЖНО** делать. Но Черномырдин понимал, что **ВОЗМОЖНО** делать (по замечанию Юмашева, Ельцин и ЧВС постоянно были вынуждены находить узкую шель между необходимостью и возможностью).

Через пять лет после ухода Ельцина с поста президента в Кремле происходило празднование его 75-летнего юбилея. Были приглашены в основном его ближайшие сотрудники, знаковые фигуры региональной элиты, а также новое поколение власти. И там он произнес слова, вызвавшие у многих недоумение:

— Вот Виктор Степанович работал со мной бок о бок шесть лет, а потом я его сдал... Сдал его! — с вызовом повторил он. — А он теперь сидит здесь! Он не обиделся, потому что понял, что я это сделал, чтобы дать дорогу молодым.

Исключено, что это было сказано ради красного словца. Не та обстановка, не тот повод — он прекрасно понимал, что подобное мероприятие на его 80-летие может не состояться, значит, это последнее — чтобы публично выступить перед прежней и нынешней политической элитой.

Много кого уволил Борис Николаевич — премьеров, министров, генералов... А вот Черномырдина — «сдал». Впрочем, Гайдара и Чубайса он тоже «сдавал», но впрямую об этом не говорил, расценивал это как-то иначе.

Загадочная реплика: «Сдал его!» Юмашев считает, что это немного театральная реплика, на публику, что было свойственно Борису Николаевичу как публичному политику, и никакого особого смысла не несет. Вспомнить Черномырдина на своем юбилее... Но ведь была, значит, какая-то заноза. Значит, что-то было в свое время недоговорено.

Отставка ЧВС — это формирование правильного исторического нарратива: Ельцин свалил коммунизм и должен был передать строительство новой России новому поколению. Оно заведомо лучше, чем старое, — именно ему принадлежит будущее, именно оно знает и чувствует что-то такое, что не дано понять людям советского опыта и воспитания. Тогда отставка —

это своего рода начальная фаза проекта. Политтехнологический проект. Ельцин был политиком, а политика и политтехнологии — это разные вещи. С точки зрения политтехнолога, назначение Кириенко — правильный ход, здесь ясный идеологический посыл — дать дорогу новому поколению. С точки зрения политика, в сложной экономической ситуации назначать премьером неопытного, необстрелянного человека — слишком рискованная затея. Ее он попытался исправить, фактически назвав Черномырдина в августе, после дефолта и отставки правительства Кириенко, своим преемником. А потом, через семь лет, признавшись, что он его «сдал».

Ельцин сознавал значение своей миссии — закрыть страницу истории страны, связанную с социалистическим экспериментом, поставить точку в конфронтации с Западом и начать строить новое демократическое государство с рыночной экономикой. Политическая часть этой миссии удалась: с коммунистической идеологией распрощались. Но на экономическом фронте успехи были гораздо скромнее. Реформы шли седьмой год, но все никак не

давали реальных ощутимых плодов (это — главный показатель правильности выбранного пути). Ельцин устал ждать. Ему как политику не хотелось уходить на такой вялой ноте. Он торопился завершить свою миссию — резким рывком освободиться от советского прошлого и успеть возвести надежный каркас нового общества на прочном фундаменте свободы, демократии и рыночной экономики. Он хотел завершить свое дело, чтобы получилась не скомканная, невнятная история — ушел, не закончив, оставив страну в разобранном состоянии и без сильного лидера, готового жестко вести реформы, — а история законченная, логически законченная.

Думаю, главная проблема ЧВС в том, что он своим образом — советского директора, советского министра, крепкого хозяйственника — не соответствовал эпохе. Во всяком случае, не вписывался в ту историческую модель, которую хотел реализовать Борис Николаевич.

Андрей Ваера

Александр СТРУЧКОВ / Wikipedia

Что можно узнать о диктаторах, поговорив с их поваром, проникнув в тайны жены, определив тип личности и склад ума? Очень много неожиданного, если судить по новым книгам о еде и власти, дураках и бандитах, психологии и насилии, написанных известным ученым, изобретательным романистом, журналистом-расследователем.

Клариса
Пульсон

Чем закусывают тираны

Карло Чиполла. Фундаментальные законы человеческой глупости

/ Пер. с англ. Т. Азаркович. —
М.: АСТ, Corpus, 2023.

От ума, помним по Грибоедову, — во все времена исключительно горе. Хотя, по идее и по логике, должно быть наоборот, но вот все-таки горе, классик, как всегда, прав. Отчасти потому, что многие знания, тем более «понимания» — многие печали. Плавали — знаем, имеем такой печальный опыт! А от глупости? Хороший вопрос, вдохновлявший и озадачивавший многие светлые головы. Мудрейший Эразм Роттердамский когда-то тоже не удержался от искушения в «Похвальном слове...»: «Человек всегда недооценивает количество идиотов, которые его окружают».

Эта чеканная формулировка — первый закон глупости Карло Чиполлы.

Читаем дальше.

Закон второй. «Вероятность того, что человек глуп, не зависит от других его качеств».

Иными словами, человек может быть блестяще воспитанным, харизматичным, обаятельным, добрым, иметь кучу дипломов, научную степень, звания, награды, говорить на девяти языках, включая мертвые, обладать феноменальной памятью и при этом — сами понимаете... Процент дураков в любую эпоху в любой социальной группе остается неизменным. Что среди нобелевских лауреатов, что среди

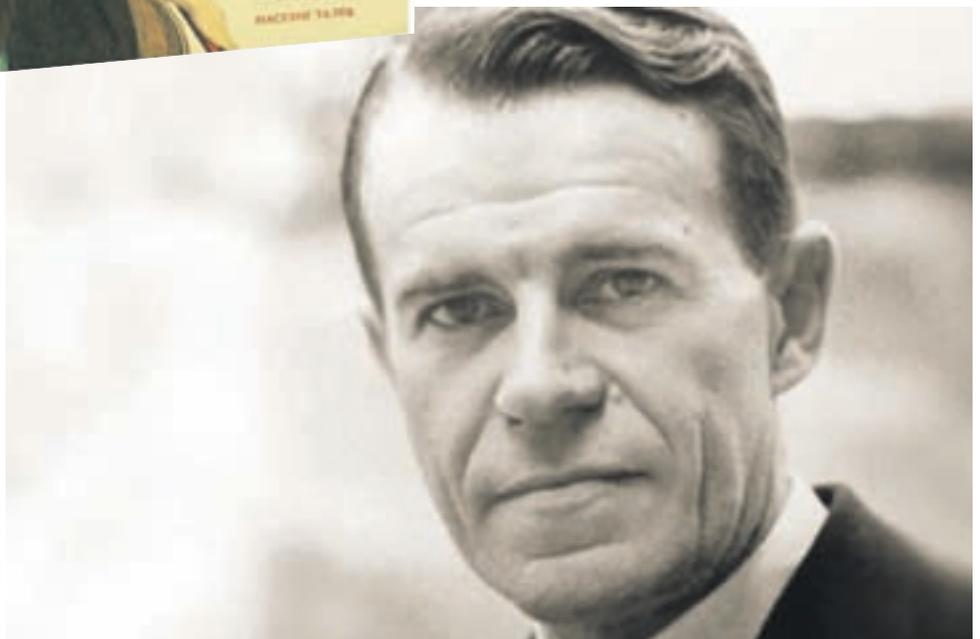

обитателей бразильских фавел, что среди обладателей особняков на Рублевке или Беверли-Хиллз. Трудно поверить и смириться, но закон есть закон...

Третий закон глупости. Глупец — это человек, чьи действия ведут к потерям для другого человека или группы людей и при этом не приносят пользы самому действующему субъекту или даже оборачиваются вредом для него. Комментариев не требуется, все предельно ясно — «ни себе ни людям, и всем однозначно плохо».

Четвертый тоже не порадует. Не-глупцы всегда недооценивают разрушительный потенциал глупцов. В частности, не-глупцы постоянно забывают о том, что иметь дело с дураком в любой момент вре-

Quora

мени, в любом месте и при любых обстоятельствах — означает совершать ошибку, которая дорого обойдется в будущем.

И наконец, пятый. Глупцы очень опасны.

Кроме того, Чиполла выявил и описал четыре типа личности, точнее, склада ума, которые мыслят и действуют по-разному.

Знакомьтесь с великолепной четверкой: умные, наивные, бандиты и дураки.

Умный в любой ситуации старается нести пользу себе и людям.

Бандит несет вред окружающим ради собственной выгоды. Погано, но логично.

Наивные часто не понимают своей выгоды, но рады в поте лица трудиться на пользу другим. Они вовсе не дураки, как думают некоторые недалекие люди, наивные от дураков отличаются принципиально. От них как раз исключительно польза.

Кто тогда истинный дурак? Дурак всегда наносит ущерб — другим, себе, всем, обществу в целом. Он неизменно разрушителен, как стихийное бедствие, и потому особо опасен. Особенно когда имеет силу и власть.

Очень хочется поспорить. Не согласиться. Вступить в острую дискуссию. Как же так?! Не до такой же степени?! Однако стоит допустить справедливость «Законов...» — и картина мира резко меняется: следы жизнедеятельности дураков становятся очевидны. Не замечать этого тоже, простите, глупо.

Об авторе стоит сказать особо: кто, собственно, у нас такой умный и почему его имя известно только узкому кругу специалистов. Карло Чиполла — авторитетный итальянский ученый, историк экономики, который с 1959-го и до начала 90-х — почти всю жизнь — работал в Беркли. Круг его интересов был очень широк — начинал с политологии, потом философия, демография, история и, наконец, экономика. «Фундаментальные законы...», написанные полвека назад, самая известная его книга, самая скандальная, неудобная, самая цитируемая, разрушающая многие стереотипы. И очень короткая. С глупостью только так — быстро и решительно, чтобы без сантиментов, оговорок и пустых иллюзий.

В мировой научный оборот оригинальная работа Чиполлы вошла давно и прочно, полный русский перевод появился только сейчас. Очень своевременно, надо сказать.

Кроме нее в книгу включено эссе «Перец, вино (и шерсть)» — точный и яркий анализ того, как вещи, воспринимаемые нами как привычные и обыкновенные, в истории средневековой Европы сыграли поистине революционную роль.

Virginie Luc

**Жан-Кристоф
Гранже.**
Обещания богов:
Роман

/ Перевод с французского
Р. Генкиной. — СПб.: Азбука, 2023.

Новый роман Жана-Кристофа Гранже, автора «Багровых рек», «Полета аистов», «Империи волков», «Мизерере», автора

сценария фильма «Видок», удивит даже поклонников и знатоков его творчества. Жестокие кровавые психологические триллеры с мощным социальным и политическим посылом — его конек, возможно потому, что начинал как журналист-расследователь, много ездил, многое повидал своими глазами. «Обещания богов», опубликованные в 2022 году, книга даже для него неожиданная, шокирующая — и тема, и исторический антураж, и герои.

Джек-потрошитель в Берлине 1939 года, накануне нападения Германии на Польшу.

Берлинский «потрошитель» отличается от лондонского предшественника в первую очередь выбором жертв. Тот кромсал безвестных жриц любви — униженных и забытых уличных проституток, будто бы очищая город и мир от порока. Этот выбирает для своей кровавой жатвы самых красивых женщин рейха, к тому же жен влиятельных нацистских бонз. И мотивы его туманны.

За расследование преступлений берется невообразимая, немислимая тройца.

Симон Краус — модный психоаналитик, последователь Фрейда, слегка мошенник, немного шантажист, мужчина очень красивый, но ростом не вышел (это, как выяснится в финале, исключительно важная деталь). Почти все убитые дамы были его пациентками. Это подозрительно!

Чем закусываюТ тираны

Фанатичный гестаповец Франц Бивен, гауптштурмфюрер СС, высококлассный тридцатипятилетний атлет, бывший уличный бандит, сделавший успешную карьеру в новых, благоприятных для людей его типа условиях. Он, собственно, ведет официальное дознание, хотя следователь из него никакой. Кого волнует его профессиональная несостоятельность, тупость и необразованность! Он часть системы, послушный винтик. Сам ход расследования что-то неотвратимо меняет в его голове.

Дополняет трио баронесса Минна фон Хассель — хрупкая докторша голубых кровей, чьи родители — богатые аристократы левых взглядов — уехали в Америку, оставив на дочь роскошную виллу, за которой присматривает вышколенный дворецкий. Барышня сильно пьет и принимает вещества, иначе не выжить: на ее попечении лечебница для душевнобольных Брангбо, существующая — пока — только благодаря усилиям героини, талантливого психиатра. И ее высокопоставленным благодетелям, разумеется.

Связь персонажей поначалу неочевидна, нелепа, они очевидные антагани-

сты по всем статьям. Каждый вовлекается в расследование не только по своим личным и профессиональным причинам, но и волею обстоятельств. Постепенно и роли, и взаимоотношения персонажей меняются, их объединяет чудовищная реальность, в которой насилие становится нормой. Путь к разгадке окажется опасным и долгим, а сама тайна дикой, хотя вполне в духе эпохи.

Вне романного контекста это может показаться абсурдом, вызывает вопросы и даже недоумение: неужели современным людям надо так подробно рассказывать об ужасах фашизма. Но Гранже точно знает, какого эффекта хочет добиться.

Его «Обещания богов» — беспощадно откровенный роман о фальшивых богах, жестокий кровавый гиньоль про мотивированное насилие внутри насилия тотального. А главное, о том, как человеконенавистническая идеология разрушает отдельную личность и ввергает в нравственное безумие целые народы.

«На сегодняшний день официально считалось, что причиной рождения Коричневого дома стала немецкая капитуляция, гнусный Версальский договор, унижение германского народа. Возможно. Но нацизм родился в основном из пива. В затхлых испарениях хмеля и алкогольных парах, пропитывающих мозги. В прокуренных пивных, воняющих отрыжкой и мочой, которые по вечерам в свете колеблющихся свечей походили на огромные кровоточащие человеческие органы, где прорастают эти чертовы антисемитские идеи, это

желание всех поставить на колени и раздавить народы Европы...»

Витольд Шабловский.
Как накормить диктатора
/ Перевод с польского
М. Алексеевой. — М.: АСТ, Corpus, 2023.

Чем там у нас закусывали тираны и деспоты древности в лучшие моменты жизни и триумфа? Печень врага, его же сердце, из черепа — непременно чашу для возлияний, чтобы присутствовал на пирах в, так сказать, полезном состоянии. Удивительно, что мозги в меню не включали; вероятно, победители опасались коварных вражеских мыслей.

Современные властители в подобные пищевые крайности обычно все-таки не впадают: съешь у иного недруга ливер, могут и не откатать. Как они, нынешние, кормятся и кто их кормит?

Витольд Шабловский не поддался модным веяниям на кулинарные книги «от...» хоть кого, лишь бы имя на слуху. Он провел трудоемкое журналистское расследование, чужими материалами пользовался только для расширения контекста и проверки фактов. Работа заняла четыре года, надо было найти и уговорить на подробные интервью людей, стоявших у очага, плиты, кастрюльки, сковороды на кухнях диктаторов второй половины XX века. Живыми и в доступе оказались: одна из поварих Пол Пота, личные повара Садама Хусейна, Фиделя Кастро, многолетнего албанского лидера Энвера Ходжи,

Нацизм родился в основном из пива. В затхлых испарениях хмеля и алкогольных парах, пропитывающих мозги

Википедия

дружеские чувства и никогда «товарища Фиделя» не боялись. Ираец Абу Али — самый, пожалуй, интересный и неоднозначный персонаж. Он особых иллюзий не испытывал, знал, что его жизнь и судьба близких всегда в подвешенном состоянии — переменчивое настроение хозяина, дворцовые интриги, зависть. Однако сам Саддам ему явно симпатичен: щедрый (каждый год дарил новую импортную тачку, несколько дорогих костюмов), справедливый — на свой лад, разумеется, — здоров как бык, силен как вол, отважный, от пуль не бегал... Былинный Саддам, диктатор-легенда.

От Абу Али — яркое наблюдение, он вообще человек умный и наблюдательный.

«В Советском Союзе даже у поваров были имперские замашки. Мы готовили на одной большой газовой плите, и они постоянно переставляли наши кастрюли. Никакой необходимости в этом не было, места хватило бы всем, но иначе они не умели. Их страна шла напролом в политике, а они шли напролом в кухне. Передвигали свои кастрюли так, чтобы те

« От Саддама, который считал, что «революции на сытый желудок не делаются», до Пол Пота, превратившего голод в самый мощный инструмент манипуляций народом

Милтона Оботе и Иди Амина (кто не помнит, это лихие угандийские президенты; да-да, тот самый Амин, что, по слухам, имел пристрастие к человечине в кулинарном смысле).

Книга, в первую очередь, политическая. Автор выстраивает повествование на теме «еда и власть». Диапазон широкий — от Саддама, который считал, что «революции на сытый желудок не дела-

ются», до Пол Пота, превратившего голод в самый мощный инструмент манипуляций народом.

Отношения со своими хозяевами «через желудок» — испытание сложное и опасное. Повар Ходжи попал в профессию и на должность случайно, он до сих пор шифруется и запретил называть свое подлинное имя. На вопросы о каннибализме патрона африканский кулинар отвечает привычно: не был, не состоял, не участвовал, и продукты имелись, зачем такие эксперименты. Любимица Пол Пота тетушка Мыан до сих пор обожает вождя, вспоминает его чудесную улыбку, его доброту, заступничество, считает очень красивым мужчиной и не верит наветам. Два человека, готовившие в разное время Комманте, испытывают к нему самые

занимали место — и конфорки, предназначенные для наших кастрюль.

Разумеется, я тут же подходил и ставил свою кастрюлю обратно. Но не проходило и минуты, как кто-то из русских поваров снова переставлял свои кастрюли на наши конфорки, бормоча что-то себе под нос. Наверное, он нас ругал — не знаю, я по-русски не понимаю. Эта игра продолжалась несколько часов. Тогда я подумал, что именно так вспыхивают войны. Каждый хочет, чтобы его кастрюли стояли поближе к огню».

Клариса Пульсон

Речь Владимира Путина во время открытия мемориала «Стена скорби» в Москве 30 октября 2017 года

Дорогие друзья!

Сегодня особая памятная дата: 30 октября — вот уже более 25 лет — отмечается в нашей стране как общенациональный День памяти жертв политических репрессий.

Для всех нас, для будущих поколений, что очень важно, важно знать и помнить об этом трагическом периоде нашей истории, когда жестоким преследованиям подвергались целые сословия, целые народы: рабочие и крестьяне, инженеры и военачальники, священники и государственные служащие, ученые и деятели культуры.

Репрессии не щадили ни талант, ни заслуги перед Родиной, ни искреннюю преданность ей, каждому могли быть предъявлены надуманные и абсолютно абсурдные обвинения. Миллионы людей объявлялись «врагами народа», были расстреляны или покалечены, прошли через муки тюрем, лагерей и ссылок.

Это страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти и, тем более, невозможно ничем оправдать, никакими вышшими так называемыми благами народа.

Политические репрессии стали трагедией для всего нашего народа, для всего обще-

ства, жестоким ударом по нашему народу, его корням, культуре, самосознанию. Последствия мы ощущаем до сих пор.

Наш долг — не допустить забвения. Сама память, четкость и однозначность позиции, оценок в отношении этих мрачных событий служат мощным предостережением от их повторения.

Да, нам и нашим потомкам надо помнить о трагедии репрессий, о тех причинах, которые их породили. Но это не значит — призывать к сведению счетов. Нельзя снова подталкивать общество к опасной черте противостояния.

У мемориала «Стена скорби» 17 февраля 2024 года

Фото Анастасии Цициновой

ГОРБИ GORBY

